

16+

INTERNATIONAL CONFERENCE ON HUMANITIES, SOCIAL SCIENCES, BUSINESS & EDUCATION

USA, LOS GATOS

SCIENTIFIC PUBLIC ORGANIZATION «PROFESSIONAL SCIENCE»

UDC 330-399
LBC 60

Editors

Natalya Krasnova | Managing director SPO “Professional science”
Yulia Kanaeva | Logistics Project Officer SPO “Professional science”

International Conference on Humanities, Social Sciences, Business & Education, December 25th, 2020, USA, Los Gatos. SPO “Professional science”, Lulu Inc., 2020, 112 p.

ISBN 978-1-005-36831-9

Presenters outline their work under the following main themes: education, equality and development, pedagogy, language and culture in education, principles of environmental health, physiology, economics, finance & accounting.

The conference is well attended by representatives from more than 5 universities with participation of higher education institutional policymakers, governmental bodies involved in innovating, deans and directors, educational innovators, university staff and umbrella organizations in higher education.

www.scipro.ru

UDC 330-399
LBC 60

ISBN 978-1-005-36831-9

- © Article writers, 2020
© Scientific public organization
“Professional science”, 2020
© Publisher: Lulu, Inc., USA,

TABLE OF CONTENTS

SECTION 1. ART	4
MATSKEVICH L. ARTISTIC EMBODIMENT OF THE THEME OF ART IN THE "OLD-WORLD MYTHS OF THE CITY B.*" BY L. RUBLEVSKAYA.....	4
SECTION 2. BUSINESS COMMUNICATION	6
YERZHUMANOVA A.B., MUKUSHEVA G.R. FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE IN THE PROCESS OF CONDUCTING A BUSINESS GAME	6
SECTION 3. BUSINESS STUDIES	14
EMELYANOV V.V., MARKOVA E.V., RODIGINA N.J., MUSIKHIN V.I. EVOLUTION OF THE GLOBAL SUPPLY CHAINS AND THE CONSEQUENCES FOR THE GERMAN ECONOMY.....	14
SMETANINA T.V. SYNERGY CENTERS AND QUALITY ANNOTATION	21
SECTION 4. BUSINESS, REGIONAL STUDIES AND LAW	24
RYABOVA E.Y., Suvorova A.A. PROBLEMS OF RUSSIAN LABOR MARKET DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF CORONAVIRUS INFECTION IN 2020	24
SECTION 5. EDUCATION, EQUALITY AND DEVELOPMENT	28
ABASHINA V. ON THE PROBLEM OF METHODOLOGICAL SUPPORT OF TEACHERS IN PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS	28
BAZARBAYEVA L.T., LAPINA I.V., ROSHCHEV N.A. DISTANCE LEARNING OF ENGLISH IN THE PANDEMIC	36
SECTION 6. ENVIRONMENTAL SCIENCE	41
KISELYOVA N. A., SUNGUROVA N. R. DECORATIVE NATURE OF TREES AND SHRUBS ON CITY STREETS	41
SECTION 7. GEOSCIENCE	45
BIK Yu.I., DEGTYAREVA V.V. ASSESSMENT OF THE STABILITY OF COASTAL SLOPES DURING MEANDERING OF RIVERS	45
SECTION 8. JURISPRUDENCE	48
LAVITSKAYA M.I. THE SPECIFICS OF CRIMINAL LIABILITY FOR BANDITRY IN THE DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION IN HISTORICAL RETROSPECT	48
REKHTINA I.V. ADDRESSING LEGAL UNCERTAINTY AS A PREREQUISITE FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF CIVIL JUSTICE	61
SECTION 9. MEDICAL AND HEALTH SCIENCES	67
POLNIKOVA K. DEVELOPMENT AND EXPERIMENTAL EVALUATION OF A MEDICINAL ANTHELMINTIC AGENT OF THE BENZIMIDAZOLE GROUP .	67
SECTION 10. PEDAGOGY, LANGUAGE AND CULTURE IN EDUCATION	71
BREUSOVA E.I., GLADIY A.A. THE POTENTIAL OF PROVERBS AND SAYINGS IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN-LANGUAGE CHILDREN IN RUSSIAN LESSONS	71
ERKHANKYZY A., OSPANOVA S.S. THE ROLE OF DISTANCE EDUCATION IN LEARNING ENGLISH	75
ISKAKOVA A.T., TAYAR A.K., OSSIPPOVA G.A. THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN TEACHING ENGLISH	79
ISMAYLOVA O.A., SULEIMENOVA S.N., ABDYGULOVA S.M. THE IMPORTANCE OF NATIONAL TRADITIONS OF THE KAZAKH PEOPLE IN THE EDUCATION OF FUTURE GENERATIONS	82
KANLYBAYEVA Zh., ALPEISOVA B. TECHNIQUES OF WORKING WITH TEXTS TO DEVELOP READING SKILLS.....	86
KHAIRULLINA A.S., DAUTOV G.F. THE THEME OF WAR AND LOVE IN THE WORKS OF KHISAM KAMALOV	91
SECTION 11. PSYCHOLOGY AND EDUCATION	98
ZABRODINA L. A., VELIKANOVA J. V., TARKHANOVA V. A. FEATURES OF MOTIVATION TO LEARN OF TEENAGERS DEPENDING ON THE LEVEL OF CLAIM	98
SECTION 12. SCIENCE, TECHNOLOGY AND EDUCATION	105
SURZHIKOVA P.V., GVOZDEVA A.V. WHAT IS DIGITAL DIDACTICS?	105

SECTION 1. ART

UDC 7

Matskevich L. Artistic embodiment of the theme of art in the "Old-world myths of the city B.*" by L. Rublevskaya

Matskevich Lyubov

Vitebsk State Technological College, Vitebsk, Belarus

Abstract. In the article, the author examines the issue of the artistic embodiment of the theme of art in the "Old World Myths of the City of B. *" by L. Rublevskaya.

Keywords: art, old-world myths, city B.

The theme of art belongs to the number of eternal themes. Modern authors seek to find new methods for its realization. The Belarusian writer L. Rublevskaya is no exception in this respect. To understand such issues as the role of talent, the art of local sound and the world level, a creative person and the public, Rublevskaya, for example, refers to the plot of the ancient Greek myth of Apollo and Marcia in the "old-World myths of the City b*". According to the ancient Greek myth, Apollo, the God of light and patron of the arts, punished the Phrygian satire Marcia for daring to compete with him, wanting to be compared with God. In the novel "Marsyas and Apollo" the Belarusian writer tells about a duel of two musicians: local celebrity Hirsch and world celebrity Mr. Polivanov. Hirsch is a violinist and self-taught from city B*, is not devoid of talent: "when I played the violin Hirsch, on dry branches of lilac bloomed blue flowers, through the dusty glass was the way the sun, moon beams, and the innkeeper Buraga, wiping tears with the droopy moustache, was pouring free beer to the poor visitors. That's what Hirsch did with his violin! And in all city b* there was no mischief-maker, any lost soul who would dare to offend, ridicule this awkward old Jew, with a smooth brilliant island of a bald head in a magnificent Corolla of black-gray, as if sprinkled with ashes, curls..." [1, p. 142]. One day in the City of b* on the way to Warsaw stopped the world-famous musician, an outstanding violinist Nikolai Polivanov. The Governor told Polivanov about the famous local musician, Polivanov insisted at the meeting-the encounter with Hirsch: "Hall of the Governor's house was crowded, and the Windows crowded, the whole city B* regulars karczemki Burigi, tradesmen, and schoolboys, women traders and voiced girls from the manufactory of tapestries... City B* put your vote against someone else's voice, vigoleno purchased academic lessons... And so through the broad Windows of the Governor's house came the sounds of the violin Hirsch, and bloom blue flowers lilac, although the court ended in August, and the moon came down just to the roof, like an ordinary balloon, and swayed in rhythm with the music..." [1, p. 143]. Polivanov decided to prove to the audience that he is the only real musician here. Nicholas ordered to bring him his violin and began to play as never played in the walls of Paris or London: "the Wind, the mighty North wind burst into the hall of the Governor's house, and ruffled the sleek hairstyles of men and flirtatious curls ladies, and cold pierced the hearts of listeners on the street. And after that wind – God knows how!

became a fiery whirlwind and burnt concentrated thought, and made the heart beat often, like captured birds..." [1, p. 143-144]. Hirsch realized that he had lost, he disappeared from the city of b*, wounded by the fact that there are voices better than his violin. People at first regretted his disappearance, and then forgot. The content of the work the writer argues that art is a constant rivalry in which self-taught should either learn from the Maestro, or choose a different field of activity. As for the public, it quickly changes its tastes.

L. Rublevskaya ironically rethinks the famous myth in the novel "Pygmalion and Galatea". According to ancient Greek legend, the sculptor Pygmalion carved marble beautiful Galatea and fell in love with her. The gods showed sympathy for the great love of the sculptor and revived the statue, Galatea became the wife of Pygmalion. In the Novella, L. Rublev tells of the desire of Mr Romuald, unassuming young teacher in a female grammar school of the city B*, to awaken the desire to perfect Zofia, Shkurovich, daughter of the Director of the agricultural Bank. Pan Romuald was to paint a portrait of Zofia, while working in love with the artist told her about the art. However, the work on the portrait of pan Romuald was overshadowed by The presence of Zofia's fiancé, who was constantly present at the conversations of the artist and the rich heiress of the banker. The lectures of pan Romuald on art and love, according to the ironic remark of the narrator, brought certain fruits: "Panna Zofia even stopped eating raisins during the sessions and choking with laughter when looking at the curled mustache and the magnificent velvet bow-tie of the artist. Truth, still remained dumb, as the true marble goddess. But her eyes spoke better than words! Ah, how pointedly they looked at Mr. Romuald! What to say, even if red Ganika do not fall asleep in the sessions of posing of the bride" [1, S. 186]. On the last day of writing the portrait of pan Romuald, believing that Zofia imbued with his words, invited the girl with him to escape from the parental to start a new life. The lady's response struck lover of the artist: "You sho, Muff, drunk? A month head with nonsense, Cleopatra, Laity, Beatrice... However, the work on the portrait of pan Romuald was overshadowed by The presence of Zofia's fiancé, who was constantly present at the conversations of the artist and the rich heiress of the banker. The lectures of pan Romuald on art and love, according to the ironic remark of the narrator, brought certain fruits: "Panna Zofia even stopped eating raisins during the sessions and choking with laughter when looking at the curled mustache and the magnificent velvet bow-tie of the artist. Truth, still remained dumb, as the true marble goddess. But her eyes spoke better than words! Ah, how pointedly they looked at Mr. Romuald! What to say, even if red Ganika do not fall asleep in the sessions of posing of the bride" [1, S. 186]. On the last day of writing the portrait of pan Romuald, believing that Zofia imbued with his words, invited the girl with him to escape from the parental to start a new life. The lady's response struck lover of the artist: "You sho, Muff, drunk? A month head with nonsense, Cleopatra, Laity, Beatrice..."

References

1. Rublevskaya, L. Heart of the marble angel: novels, stories / L. Rublevskaya. - Minsk: Hood. lit., 2003. - 288 p.

SECTION 2. BUSINESS COMMUNICATION

UDC 37.022

Yerzhumanova A.B., Mukusheva G.R. Formation of professional competence in the process of conducting a business game

Yerzhumanova Aziza Berikbayevna

Senior Teacher, Master of Foreign and Russian languages chair
Karaganda Economic University by Kazpotrebsoyuz
Karaganda, Kazakhstan

Mukusheva Gulsum Ramazanovna

Cand. of Ped. Sc, assistant professor
Foreign and Russian languages chair
Karaganda Economic University by Kazpotrebsoyuz
Karaganda, Kazakhstan

Abstract. This article deals with functional teaching methods in the educational process, which is one of the main directions for improving the ways of preparing the future competitive specialists for independent life in today's world. The research is made on the problems and importance of formation of professional competence in the process of conducting a business game at the lessons of professionally-oriented foreign language. We tried to illuminate the main features of the business games method and emphasize that despite the fact that the game recreates the context of work in its subject and social aspects, the business game process remains a pedagogical process that is aimed at achieving the goals of training and education.

Keywords: functional teaching methods, professional competence, business game, communicative competence, professionally-oriented foreign language (POFL).

At the present stage of education development, there are various methods and technologies that are widely used in the learning process. Knowledge of these technologies and techniques, the ability to use training in their professional activities is an indicator of the qualifications of a modern teacher. In order to convey knowledge to students of high quality, in full and available, preparing the future specialist for independent life in today's world, where it will be in demand as a specialist the teacher of the XXI century must use technology to do self-development, give students in class more freedom and independence. The correct choice of methods and the use of pedagogical technologies are relevant in the educational process of higher education institutions.

Professionalism and mobility are the main features of a graduate of both an economic and any other educational institution. In this regard, the emphasis in the study of professionally-oriented disciplines is shifted to the process of cognition, the effectiveness of which depends entirely on the cognitive activity of the student. Success in achieving this goal depends not only on what is learned, but also on how it is learned: through reproductive or functional learning methods, individually or in a group.

The introduction of functional teaching methods into the educational process is one of the main directions for improving the ways of preparing students, which rely on creative thinking, most

activate their cognitive activity, make them co-authors of the latest ideas, teach them to make the right decisions without the help of others and promote their implementation.

World pedagogy has accumulated quite a lot of experience in using the game in the educational process. In educational institutions, the business game is most often used as a means to promote entertaining and interesting activities. Mastering the educational material in this situation becomes a means to achieve the game goal. The business game organizes and supports all the intellectual aspirations of students, they get knowledge, even without noticing it.

Foreign language communicative competence is a qualitative characteristic of a specialist's personality, which includes a set of scientific and theoretical knowledge, practical skills in the field of foreign language professional communication, stable motivation for professional communication in a foreign language, experience in professional interaction. It determines the readiness and ability of the subject of professional activity to implement professional communication in a foreign language. Foreign language communicative competence includes three main components: functional (the ability to speak a foreign language, understand foreign speech by ear, read letters in a foreign language), motivational (the desire to learn a foreign language and then learn it professionally in a foreign language), reflexive (the ability to analyze your own communication act). The main aspects of its formation in accordance with the identified structural components are: the desire to maintain a high level of their own foreign language communicative competence, interest in learning a foreign language; perception of foreign speech by ear, fluency in foreign language speech, understanding and correct translation of the text; the ability to identify their own mistakes and correct them [1].

The business game implies a jointly organized activity, since it removes the contradiction between the corporate nature of future professional activities and the personal nature of learning new knowledge.

Educational business game at the lessons of POFL represents a practical lesson that simulates various aspects of the professional activities of students. It contributes to a more complete mastery of a foreign language, and also provides an opportunity for students to comprehensively use their existing knowledge of the subject of professional activity. As N. I. Torunova notes, "the introduction of business games in the University pedagogical process contributes to the formation of professional development of the specialist's personality" [2].

The use of business games at POFL lessons along with the development of foreign language communicative competence contributes to the development of interest in the discipline, increases the knowledge of students, allows the graduate to form both General and professional skills, helps to develop research and creative skills of students.

Business games created on specific situations introduce students to the sphere of professional activity, develop the ability to critically assess the current situation, try to find solutions to improve it, and are a huge incentive to activate independent work to acquire professional

knowledge and skills. Practical skills acquired during the game allow the future specialist to avoid mistakes that occur when switching to independent work.

There are various methods of business games, thanks to which you can include the process of learning a foreign language in the model of future work of students. The main interests of non-linguistic areas lie in the sphere of their qualifications, and they mainly consider a foreign language as a means of expanding business contacts, professional abilities in the professional and labor sphere.

The business game is a complex way of learning, as it includes a whole range of methods of active learning: discussion, quick survey, analysis of real production situations, actions according to instructions, and others.

Business game in the process of teaching a foreign language is used to solve the following pedagogical tasks:

- 1) formation of practical and theoretical thinking in the professional sphere;
- 2) development of students ' holistic view of professional activity and its dynamics;
- 3) development of cognitive motivation, providing conditions for the emergence of professional motivation;
- 4) acquisition of problem-professional and social experience, as well as the ability to make individual and collective decisions.

As with planning a regular lesson, the teacher sets didactic and educational goals for conducting a business game, despite the fact that they are implemented in a game situation. When planning a game, it is important to consider the motivational and emotional background of the game.

When setting goals it is important to answer these questions:

- 1) what is the purpose of the business game?
- 2) for students of what category is the business game held?
- 3) what knowledge and skills should be taught to students?
- 4) what goals should be achieved with the game?

The game Manager sets educational goals for the game. When setting goals, it is necessary to distinguish them, as well as adjust the goals of actions of participants in the game, which are set by them, based on the game roles.

The business game is a collective activity, so there is no disagreement in the game between the collegial nature of future professional activities and the personal nature of learning.

The method of business games aimed at teaching professional communication has a number of distinctive features.

1. The business game should be based on real speech materials that reflect the specific situation of communication in professional work.
2. In the business game, the method of self-learning prevails over learning. The reason is the incompetence of a foreign language teacher in matters of the specialty of students. In this regard,

trainees should be involved in the preparation of a business game and in the assessment of it by the parameter: whether the set communicative goal has been achieved or not.

A foreign language teacher can evaluate the correctness of a foreign language's speech source. The participation of students in the organization of the study of a human game increases creative activity, activates mental activity, as it allows them to practice the life of a foreign language. Achieving success in a foreign language helps you learn more about a foreign language, which encourages interest in a foreign language as an educational subject, and helps you expand your ability to use it.

3. The essential part of the game is its problem. Of course, in the professional and labor sphere there are many typical situations, but here, more often than in any other, there are problematic situations that require prompt solutions. A great methodic value is represented by special games that stimulate the emergence of new social situations. Such human games allow you to attract as many students as possible to the fate of the lives.

4. In the business game, one of the leading principles is the principles of joint activity and dialogical communication of participants, the consistent implementation of which ensures the active deployment of the content of this game.

5. The business game involves the interaction of its participants. Based on the classification of forms of human interaction, we can distinguish the following types of business games- a game-cooperation (for example, the agreement between it and foreign firms o joint construction of a plant), a game-competition (for example, preparation and discussion of projects of production and marketing of any products of rival firms), the game-the conflict (for example, the conversation guidance Kazakhstani enterprises with the representatives of foreign firms about the failure of supply of new equipment). Each type of game differs in the specification of the goals that its participants ' efforts are aimed at achieving [2].

Conducting classes in the form of a business game, you can use individual, pair and group work of students. Research projects are also successful in their application. Students are involved in working with documents and various sources of information. Through game technologies, students develop independence, significantly increase their interest in the chosen profession, and a desire to display their creative potential.

When starting to organize a business game, you should consider the following rules:

- involve the largest number of students in the work;
- take care of the "psychological" training of participants;
- pay attention to the preparation of premises, materials, conditions, setting the goal of the "business game", prepare everything necessary for participants to work in large and small groups;
- assign a role to each participant in the group, while always being able to replace them with others if necessary;

- to overcome stereotypes in teaching, develop students' creative abilities, while creating the necessary conditions for the formation of professional competencies, the ability to think independently, navigate a new situation, and find their own approaches to solving the problem.

Business games are a method of active learning and differ from traditional types of games in that:

1) "the game recreates the basic laws of movement of professional activity and professional thinking on the material of dynamically generated and resolved by the joint efforts of participants of educational situations" [3].

In other words, "the learning process is as close as possible to the actual practical activities of managers and specialists. This is achieved by using models of real socio-economic relations in business games."

2) "The method of business games is something other than a specially organized activity to operationalize theoretical knowledge, translate it into an activity context. The fact that in traditional methods of training is "given up" without taking into account its readiness and ability to carry out the required transformation, in the business game acquires the status of a method. There is not a mechanical accumulation of information, but an activity-based distribution of some sphere of human reality" [3].

Example №1

Goal: based on the transformation of the text to activate the skills and abilities of perception and generation of monological utterances.

Description: the teacher offers the four playing teams the name of the problem, for example: "The problems of social corporal responsibility". Each team must present its own version of the vision of this problem within 5 minutes. At the end of the game, the jury decides which team was able to better reveal the topic and present their story, and awards points.

Example №2

Goal: to formulate positions in the process of joint professional activity.

Description: each participant of the game receives a card with the name of a problematic topic, for example: "What makes a good manager", "Managing across cultures", "Out-of-work activities", and the teacher asks for a three-minute point of view on solving this problem. The jury evaluates each point of view on a hundred-point system and the three best solutions to this problem are awarded prizes.

Example №3

The goal of the game is to practice discussion and debate.

Description: participants of the game are invited to tell what professional qualities and abilities a modern Manager should have, highlight the main three characteristics of a good Manager and add their own examples of the qualities of a Manager that a modern successful Manager should have.

Estimated from samples of texts (here, the passage is given), proposed by the students for independent reading.

Example № 1 " What makes a good Manager?"

Carlo de Stefanis: ... so managers should pursue the company goal, maximize value for shareholders, and so on, but on the other hand they should accomplish also the personal goals and objective of the people they manage, for instance helping young professionals to develop, and understanding the expectation of everybody in their team, and trying to match goals of the company and even helping people to develop in their team.

Example №1 "What makes a good manager?"

Aliya Bolatova: I believe, that good managers actually don't manage anybody, and good managers basically they are good executors of strategies, because the companies today, those ones who are successful, are not those who have lots of business plans and strategies somewhere in the reports and files, but those companies who have managers, executors of plans, so basically in order to be a good manager you have to know how to lead people, how to motivate people, and how to make sure that you are meeting your targets....

Conducting business games requires careful preparation of both teachers and students. Naturally, the leading role in the development of the main plot of the game belongs to the teacher. Students meet the needs of personal-oriented communication by reading special materials offered by the teacher. In order to develop and improve their professional competence in the process of independent reading of this kind of literature, students are engaged in its adaptation, analysis, commentary and production of the read.

Based on the analysis of principles of development and use of business games in the educational process, we want to note that they are not only preserved, but complemented and improved the following features of role-playing games: the nature; pragmatism; Implementation of training activities through gaming, Modeling natural speech communication; Collective activity; the implementation of the principle of bringing up training.

The success of a business game depends, first of all, on a clear modeling of elements of both the content plan and the expression plan. At the training stage, the student must master the skills of language design of communicative intentions necessary for the implementation of the goals of communication. When preparing a business game, the teacher processes the material of the content plan, which is provided by the trainees themselves, determines the type of game, the composition of participants, the goals of each communicant, plans possible ways to achieve them, predicts problematic situations that may arise in the process of solving tasks, specifies the place of communication, prepares the necessary props [4].

At the implementation stage, the teacher determines the purpose of communication, roles and role relationships of participants in communication, specifies the tasks of each communicant, and gives a task to evaluate the results of business games of the non-involved part of the group of students. When conducting a business game, the teacher acts as an "administrator": directs

communication, breaks the deadlock, changes the direction of the game by introducing new participants, creates new problems (if all the communication capabilities of the communicants are not realized), etc. And only those errors are corrected which impede or disrupt the communication. Correction occurs by suggesting the correct option.

At the last evaluation stage, the teacher listens to the opinion of a "group of experts" who followed the game, but did not participate in it: whether the goals of the game were achieved or not, what other more effective ways to achieve the same goals are possible, etc. Then the teacher himself summarizes the results, ending with an assessment of the correctness of communication participants [30].

It follows from the above that the business game is based primarily on the interaction of the teacher and a group of students. To create an atmosphere necessary for a successful training of professional communication in a foreign language, the teacher should not only know his subject but not to be afraid to show his incompetence in matters of the specialty students, to listen to them, try using collected information to improve the process of teaching professional communication in a foreign language. This will help avoid a situation where the speech of students is correct from the point of view of the norms of the language being studied, but is absolutely unacceptable from the point of view of social norms of communication [5].

These are the main features of the business games method that ensure the success of its implementation. We would like to emphasize that despite the fact that the game recreates the context of work in its subject and social aspects, the business game process remains a pedagogical process that is aimed at achieving the goals of training and education. Taking part in these forms of educational work, the student learns knowledge in the real process of preparation and decision-making, ensuring appropriate actions in the context of their regulation.

Each sphere of communication develops within a particular profession in the process of socialization of the individual. Thus, first of all, it is reasonable to carry out effective training of specialists with knowledge of a foreign language at the functional level, taking into account the specialization of students, since the tendency to bring the learning process closer to human activity is manifested in professional training.

Professionally important qualities, knowledge, skills of students, obtained in the training process, are the basis for the formation of professional competencies. But the experience of "production" activities is also important.

The business game is relevant precisely because it gives experience of professional activity even before students pass practical training and thus creates conditions for the implementation of knowledge in professional activity, respectively, for the formation of professional skills. Therefore, the formation of the students' professional competence is the main feature of the human game.

The business game can be considered not only a means of learning, but also a means of forming professional skills, where communication skills can be transformed into professional-communicative skills. This method helps to improve the effectiveness of professional education by

simulating decision-making in various situations, which is an intermediate link between the theory and practice of training.

When learning foreign languages, it opens up the possibility of diverse and multi-border training. A distinctive feature of the pedagogical direction of the work is that the participation in interpersonal communication in social and everyday life is realized by the functions and professional activities of the teacher of a foreign language.

The given motivation provides a certain emotional mood of the players in the group. Consequently, the attitude of the trainees to those situations that were the subject of the business game, as well as to the players who served the characters and in the business game, changes. The favorable moral and psychological atmosphere created by the teacher predisposes students to interpersonal interaction, mutual interest and creative initiative during the entire period of the business game.

As a result of such games, students' self-esteem changes, they become more fair, and it should also be noted that in some cases, depending on the nature and context of the game, their own capabilities change, since the game can transfer the student to the world of "fictional reality", in which students are given the opportunity, without fear of mistakes, to freely create and experiment.

References

1. Bibikova, E. V. Formation of the foundations of foreign language communicative competence in future ecologists Author's thesis-Maykop, 2006.
2. Livingstone, K. Role-playing games in teaching foreign languages. - M., Higher school, 1988.
3. Ginzburg, Ya. S., Koryak, N. M. Socio-psychological support of business games / / Game modeling: Methodology and practice. Novosibirsk: Nauka, 1987, Pp. 61-77.
4. Goldstein, Ya. V. Group interaction as a factor of success in mastering a foreign language//Psychological and pedagogical aspects of the intensification of educational activities / Edited by A. V. Petrovsky and G. A. Kitaygorodskaya. - M., 1983.
5. Kitaygorodskaya, G. A., Shemyakina, G. M. Motivation of teaching in the conditions of intensive foreign language training//Activation of educational activities. Issue 2. / Edited by G. A. Kitaygorodskoy - - M., 1982.

SECTION 3. BUSINESS STUDIES

UDC 33

Emelyanov V.V., Markova E.V., Rodigina N.J., Musikhin V.I. Evolution of the global supply chains and the consequences for the German economy

Emelyanov Vladislav Vyacheslavovich,

Candidate of the Department of International Trade and Foreign Trade of the Russian Federation of the Russian Foreign Trade Academy (RFTA)

Markova Elena Vladimirovna,

Certified interpreter of the Moscow Pedagogical State University (MPGU)

Rodigina Natalya Jurievna,

Doctor of Economics, Professor of the Department of the International and Foreign Trade of the Russian Federation, Russian Foreign Trade Academy (RFTA)

Musikhin Vladislav Igorevich,

Graduate Student of the faculty of International Economics of the Russian Foreign Trade Academy (RFTA);
Advisor of the Department for Industry Control,
FAS of Russia

Abstract. This investigation focuses on the changes taking place in global value chains in 2020 during the pandemic caused by the new coronavirus infection. The article demonstrates that the current changes are caused not only and not so much by the global lockdown, but by the trends that accelerated in the period after the global financial crises 2008. Special attention is paid to Germany, as one of the largest users of outsourcing of the production facilities in developing and low-income countries.

Keywords: global supply chains, COVID-19, Germany, international economics, international trade

Global supply and value chains have become increasingly important since the 1990s and, according to a joint study by the World Bank and other international organizations, are a key factor in explaining the sharp rise in international trade in the decade leading up to the financial crisis. Since 2012, however, these seem to be losing importance. Reasons for the decreasing importance of global supply chains for international trade links may lie in the new, politically motivated barriers to trade and the substitution of foreign goods by domestic intermediates. The demand to reduce global supply chains has therefore been considered for several years. Despite decreasing importance, however, global supply chains are on the rise in scientific research. Better access to data (especially on Input-Output links) enables us to draw a much more precise picture of their significance for international trade today than was the case a few years ago. On the other hand, Input-Output data are often only available at the industrial level, so that in most studies production interrelationships at the enterprise level are only fairly roughly mapped.

In the Covid-19 crisis, global supply chains are once again being criticized because they no longer function in this pandemic time – which, by the way, is in line with the ongoing financial crisis. Therefore, not only anti-globalization but also trade experts observe consequences and expect a transformation of these supply chains as soon as the Covid-19 crisis is over. The president of the

Institute for the world economy, Gabriel Felbermayr, warns in various Interviews that global supply chains should be made less susceptible to crises and that supplier-production should be brought closer to companies. In doing so, he addresses a process that in truth has already begun long ago. However, critics often go one step further and demand not only a reduction but also a lower regional concentration of production sites in order to protect supply chains more strongly from various shocks of the global economic system. The argument actually sounds quite convincing. If a shock occurs in one single region, production can be moved quickly to another region to avoid the eventual supply chain failures. With a (admittedly somewhat vague) reference to a scientific debate on risk production in open markets one could conclude, for example, that an important aspect of globalization is precisely to provide insurance against regional risks, and that the advantages of regional diversification must be weighed against the advantages of regional specialization in order to maximize the economic success of supply chains. However, this argument builds on an insurance policy against idiosyncratic and thus uncorrelated regional shocks, which obviously do not exist in a pandemic like the Covid-19 crisis. In a commentary in the Neue Zürcher Zeitung on 28 February 2020, Gerald Hosp rightly poses the question of “where to diversify” in the current downgrading world economic environment.

However, there is a question, if the argument of a pandemic and the correlated shocks to the production of different countries really credibly refute criticism of the vulnerability of global supply chains. To answer this, a closer look at the effects of the pandemic in the different regions is close at hand. There is a differentiated picture.

On the one hand, the effects on economic life in the individual countries are quite different.

On the other hand, there is a clear time lag in the outbreak of the pandemic in Europe and the United States compared to China and other Asian countries. Nevertheless, this delay could be crucial for the functioning of supply chains, as can easily be seen by looking at the theoretical literature on global supply chains. Relying on the analysis of Costinot, Vogel and Wang, supply chains should be organized in such a way that the production process starts in those countries where the risk of production failure is the highest. The supply chain then spreads cascadingly across other countries, which are also ranked according to the risk of production downtime. The intuition for this result is quite obvious. The loss of production for the company increases with the cumulative value of the production. The global supply chain can therefore be expected to stretch from technologically less developed and thus relatively poor countries to technologically more developed and thus relatively rich countries. While this of course only makes up a theoretical ideal picture, it seems to describe modern production processes quite well in an abstract way. To simplify, one could perhaps put it as follows: the first stages of production take place in transition countries in Southeast Asia, while the finishing of the products is reserved for the industrial nations of Europe and North America.

If we now put the temporal sequence of the pandemic above this ideal, we can observe that the Covid-19 crisis practically follows the global supply chain and can thus disrupt it for quite a long time if the individual production steps fail one after the other. Therefore, global supply chains are particularly vulnerable to the global shocks with delayed regional production outages. At the

moment, it is only possible to speculate on how important the time delays in the occurrence of correlated shocks actually are. However, empirical studies suggest that time delays in supply chains are an important cost factor of production. Hummels and Schaur point out that these costs are reduced by the option of air freight in many areas and can therefore be excluded from inventory investments. Against the background of the current crisis, this assessment seems to be formulated somewhat too optimistically. However, the work of Hummels and Schaur nevertheless points to a central balance in the organization of supply chains, namely the balancing of higher expenditures for warehousing against the higher costs of a production delay in case of supply bottlenecks.

This balancing may still work well within a group even if the production sites are located in different countries. However, if parts of the production are outsourced to third-party suppliers, concrete warehouse planning seems to be much more difficult. Against this background, greater 'reintegration' of production processes into the company's own network, less emphasis on the just-in-time production, and an expansion of warehousing should be appropriate measures to make global supply chains more robust again against the delayed effects of pandemics. While these measures may be costly, they have the advantage, at least in comparison with a reduction in global supply chains and a simultaneous strengthening of European or national supply chains, that they do not counteract the specialization gains of the global division of labour and at the same time make production more vulnerable to regional risks.

Overall, it is not so easy to derive clear expectations or even recommendations for action for companies from previous scientific findings on global supply chains. The reason for this is, on the one hand, that the shocks to regional production processes in this pandemic have an unusual structure, which is quite different from the assumptions typically made in scientific modeling. On the other hand, it is difficult to assess to what extent the risks of a pandemic are not already considered in the organization of global supply chains. Only to the extent that new information about risks, the probabilities of their occurrence or the impact on the company's success is gained from the experience with the pandemic will, companies actually adjust their production processes after the crisis has been overcome.

Of course, it is to be expected that the process of dismantling global supply chains that has already begun will not be stopped after this pandemic. However, one should be careful with concrete forecasts about the extent of this dismantling. The assessment by trade economist Dalia Marin that global supply chains are down by 34.5% due to increased uncertainty sounds plausible at first glance, especially since it is based on empirical studies on the financial crisis. However, such forecasts always assume that, firstly, companies have not learned anything since the financial crisis 2008 and, secondly, the effects of uncertainty found are arbitrarily scalable (or even linear). The expectation that the dismantling of global supply chains and the strengthening of European or national supply chains would be beneficial for Germany is also unlikely to be fulfilled. Empirical studies show that the production site in Germany is very strongly integrated into global supply chains and is one of the most important Centers for these chains, alongside China and the United States. If supply chains are dismantled worldwide, Germany could thus be hit economically in three ways by

the Covid-19 pandemic: through the direct consequences of a recession; due to the disproportionate slump in international trade, it is to be feared in the wake of a global recession; and the dismantling of the global supply chains and the concomitant decline in importance in the international production process. This fear should not be misunderstood as an argument against the restructuring of global supply chains. What is important is that this reconstruction is designed on the basis of economic considerations and that measures are taken precisely where the current crisis has revealed weaknesses. An expansion of warehousing and a reduction of the just-in-time production could therefore be more effective than a dismantling of global supply chains driven by Actionism, which then turns out to be a mistake in the next regional crisis.

In the early 1990s, companies started outsourcing their production to the low-wage countries. The fall of the "Iron curtain", China's global integration and inclusion in the world trade organization, as well as a revolution in transportation contributed a lot. There has been an "explosion" of global supply chains to these regions to save labor costs. In Germany, too, the global supply chains exploded during this period.

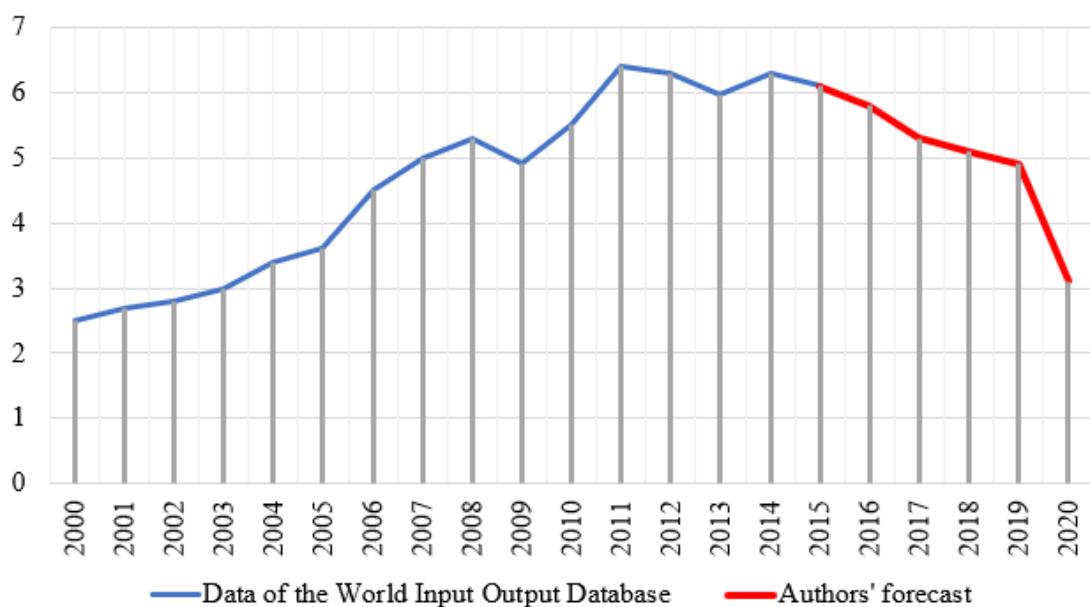

Figure 1. Germany's import of the semi-finished goods from the low-income countries, % of the total inputs in Germany. Quelle:

http://www.wiod.org/protected3/data16/wiot_ROW/WIOT2014_Nov16_ROW.xlsb (access date – 20.12.2020)

The period between 1990 and the global financial crisis of 2008 became known as the era of hyperglobalization, in which 60% of the growth of world trade fell on the global value chains.

The global financial crisis of 2008 heralded the beginning of the end of this age of globalization. In 2011, the increasing Expansion of global supply chains came to an end. Since then they have not grown. The reason for this change was uncertainty: between 2008 and 2011, the Global

Uncertainty Index developed by Stanford researchers increased by 200%. By way of comparison, during the SARS outbreak of 2002-2003, this Index increased by 70%. And after Britain voted to leave the European Union in 2016, it shot up by 250%. As uncertainty increases, global supply chains suffer. From the past data, one should conclude that a 300 – fold increase in uncertainty-likely caused by the Covid-19 pandemic – could reduce global supply chain activity by 35%. Despite the savings, it is no longer worthwhile for companies to take the risks associated with production outsourcing.

The incentives to relocate production back to Germany and the rich industrial countries are reinforced by the fact that the use of robots is now cheaper than ever before. The calculation is simple: a company in Germany would have to pay a German worker much more than one from China, for example. But a German robot demands no wages at all, not to mention various social benefits such as health insurance or continued payment of wages in the event of illness.

Investing in robots is not a new development. In the industrialized countries, this change has been taking place since the mid-1990s. The automotive industry was the Pioneer, accounting for 60% of the robots used in Germany. In Germany, which is the world leader in the use of robots, there were four robots per 1,000 workers in 2014. Only in South Korea and Singapore (six robots per 1,000 workers) was the ratio even higher. In the USA the value is 1.5.

When the crisis of 2008 hit, Germany already had enough robots to keep the share of labour costs in production low. The falling interest rates compared to wages encouraged the use of robots and prompted the companies to bring their production back to their own country.

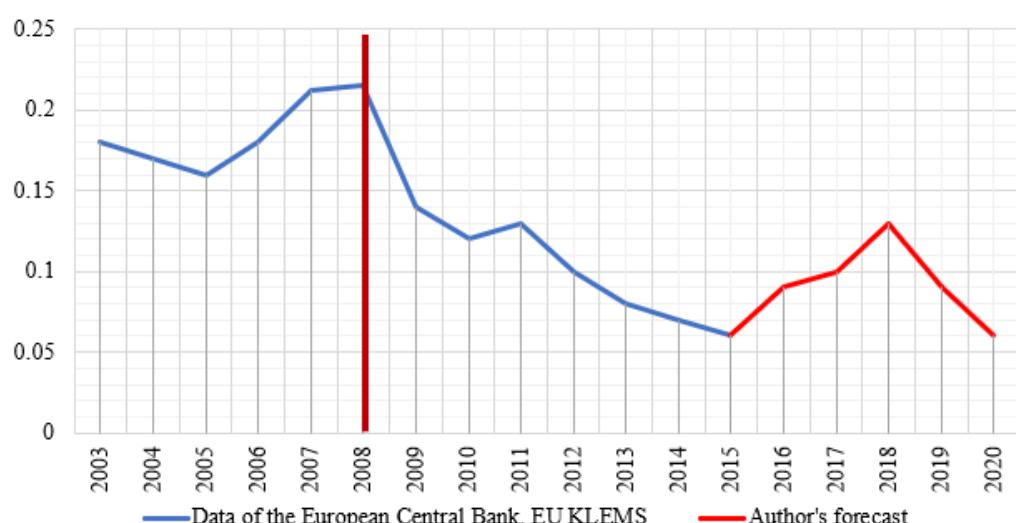

Figure 2. Strong decreasing expenditure on robots since the financial crises 2008, hourly wages to the interest rate. Quelle:

https://www.researchgate.net/publication/227599295_Eurokrise_Keine_Staatschuldenkrise_sondern_Folge_der_Finanzkrise (access date – 20.12.2020)

In Germany, the sectors that have brought their production back to the country most since the financial crisis are the chemical industry, the metal industry, and the electrical and electronics industry. In France, Germany, Italy and the USA, the chemical industry stands out in particular.

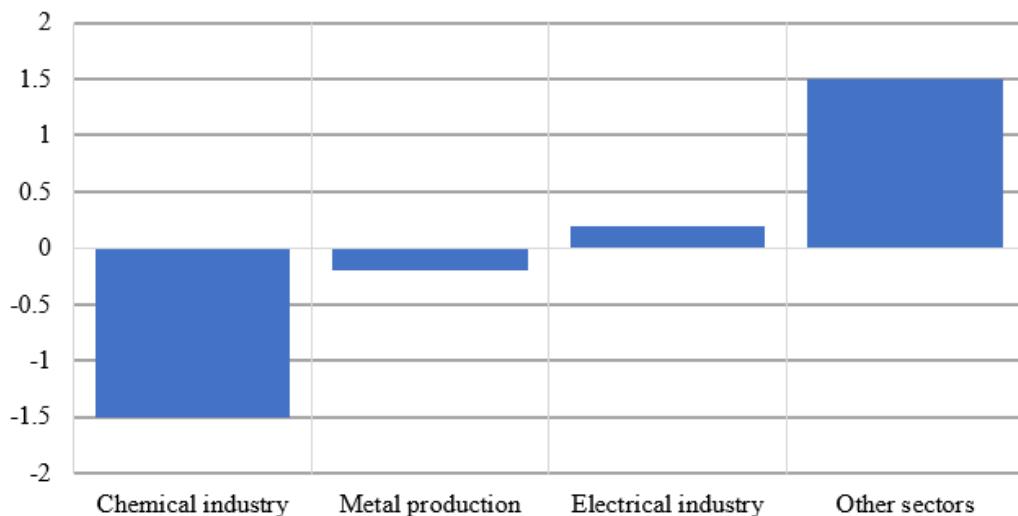

Figure 3. Top-4 industries with the most Reverse production displacement, the change of the imported Inputs, % Quelle:

http://www.wiod.org/protected3/data16/wiot_ROW/WIOT2014_Nov16_ROW.xlsb (access date – 20.12.2020)

This is likely to be repeated now. The monetary policy of the central banks to date in the fight against the damage caused by the Covid-19 pandemic suggests a 30% decline in interest rates. Based on data from the past, it is obvious that this, together with the relocation of production from low – wage countries, could increase the use of robots by 76%. However, this will not lead to an unbridled robot boom, as rising uncertainty will also inhibit investment.

This trend will focus on the sectors most dependent on global value chains. In Germany, the textile -, electrical - and chemical industry with a share of imported inputs in the total intermediate consumption of each industry between 52% and 76%. These industries import about 12% of intermediate consumption from low-wage countries. However, the machine and car industries are also strongly integrated into the global economy with a share of intermediate consumption of 36.9% and 29%. Two things stand out in particular in the wholesale structure of German industry. First, the largest share of German intermediate consumption comes from high-wage countries. Secondly, with the exception of the car industry, China has become a dominant wholesale supplier to Germany. In contrast, the German car industry organizes its production networks primarily in the Eastern Europe. With the Covid-19 pandemic, this can change, as the Asian region as a wholesale supplier is classified as riskier and therefore the companies relocate their production to Germany or Eastern Europe. Between 2007-2014, China became more important as a supplier of intermediate goods for

Germany. The relocation trend poses a significant threat to the growth of many developing and emerging countries, as these countries depend on low - cost production and the Export of intermediate products. In Central and Eastern Europe, some countries have responded to this Problem by investing in robotics. The Czech Republic, Slovakia and Slovenia (where there is a large foreign-owned automotive sector) now have more robots per 1,000 workers than the US or France. And the strategy seems to be working: these countries remain very attractive for outsourcing from the rich countries. There are tectonic changes in the world economy with a '*Renaissance*' of industrial production in the rich industrial countries. But the globally networked production of German industry also makes it clear: even if the corona crisis now leads to increased deglobalization, this will not lead to a relapse of globalization before the 1990s. For this purpose, these business relationships are already too established and can only be changed with costs.

Past studies show that global supply chains have been an important driver of productivity growth in countries. A reduction of 10 percentage points of the import duties in Indonesia led to a productivity acceleration of 12%. Similar results are obtained for Germany. In particular, the establishment of production networks in eastern Europe and the accompanying improvement in Germany's competitiveness have contributed significantly to Germany's transformation from a "sick man" of Europe to an economic powerhouse of Europe. The extent to which productivity growth will suffer as a result of supply chain failures depends heavily on whether German companies succeed in using robots not only to replace old jobs with low productivity potential, but also to take advantage of the opportunity to create new jobs with high productivity potential. Then Covid-19 could also have a positive impact on the German economy.

References

1. Amiti, M. und J. Konings (2007), "Trade Liberalization, intermediate Inputs, and Productivity", *American Economic Review* 97(5), 1611–1638.
2. Baker, S. R., N. Bloom und S. J. Davis (2016), "Measuring Economic Policy Uncertainty", *Quarterly Journal of Economics* 131(4), 1593–1636.
3. Costinot, A., J. Vogel und S. Wang (2013), "An Elementary Theory of Global Supply Chains", *Review of Economic Studies* 80, 109–144.
4. Elms, D. K. (2013), "Views of GVC Operators", in: D. K. Elms und P. Low (Hrsg.), *Global Value Chains in a Changing World*, Chapter 6, WTO Publications, Genf, 161–169.
5. Helpman, E. (1988), "Trade Patterns under Uncertainty with Country Specific Shocks", *Econometrica* 56: 645–659.
6. Obukhovskaya L.A., Rodigina N.Ju., Musikhin V.I., CURRENT TRENDS IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ASIA-PACIFIC COUNTRIES, International Forum on Contemporary Global Challenges of Interdisciplinary Academic Research and Innovation. Conference Proceedings. 2020. C. 4-11.
7. Родыгина Н.Ю., Мусихин В.И., ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ЭКОНОМИКИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН И СТРАН С НИЗКИМ УРОВНЕМ ДОХОДА, Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 9. С. 27-41.

UDC 658.562

Smetanina T.V. Synergy centers and quality annotation

Smetanina T.V.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of St. Petersburg State University of Industrial Technologies,
St. Petersburg, RF

Abstract. The origin of synergistic centers is associated with the objective law of synergy. A positive potential is being formed in synergetic centers. The quality of goods and services is the positive potential of any manufacturing organization. Based on the principles of the formation of synergetic centers, one can justify the origin of qualitative assessments. Quality assessment is based on the compliance of goods and services with standards established in a sovereign territory. In this case, the synergetic center can be considered as a place where the accumulation of regulatory and financial bases takes place. These bases are the basis for the spread of quality standards across the territory of the state to which the synergetic center belongs. Moreover, the dissemination should be carried out on the basis of regional studies.

Keywords: Product, service, quality, synergy center, regulatory framework, financial base, quality standards, positive potential, organization, assessment.

The objective laws of the theory of organization predetermine the effectiveness of the functioning of any organization. These include the laws of synergy, development, self-preservation [1]. The operation of these laws does not depend on the wishes of the organization and its leaders.

The law of synergy refers to a number of these same laws. It is he who determines the potentials of the organization. The potential is associated with the positive and negative forces that take place in the considered socio-economic system.

One and the same force can have positive or negative potentials. This also applies to the quality of goods and services in the manufacturing organization.

If the quality of goods and services meets the established standards [2], then its impact on the system, which is in this case the organization, will be positive. If the quality of goods and services deviates from the norm, then its impact on the system will be negative.

The standards that the quality of goods and services must meet are determined by the current standards.

On the territory of the Russian Federation, both international quality standards and GOSTs, as well as regulations and technical conditions, operate. It is clear that the compliance of goods and services with one or another standard is predetermined by the state of the organization itself, its non-current assets, technological processes occurring in it, as well as the type of activity.

In any case, adherence to generally accepted norms in the production of goods and services increases the positive potential of the organization as a whole.

If the norms are not met, then the potential of the organization decreases.

Where the positive potential of the organization is formed, synergistic centers arise. If we consider the economy as a whole, then the center can arise at the intersection of the impact of the

positive potentials of organizations, industries and individual individuals engaged in entrepreneurial activity. These potentials form the center of regulatory and financial support for the spread of the positive impact of potentials arising from the quality production of goods and services.

Regional studies are necessary in order to distribute these synergistic centers across the territory of a sovereign state.

If we suppose to divide the territory into regions, then we can choose those in which a greater amount of added value is formed due to the release of goods and services that meet the accepted standards.

At the same time, when assessing added value, we must rely on gross domestic product, as well as revenue, which are the basis for assessing the added value created.

For a more detailed formation of a synergistic center [3, 4,5,6], it is necessary to study the activities of organizations on the territory of the Russian Federation. To create adaptation groups consisting of enterprises in the extractive, manufacturing and social sectors. Analyze the extent to which they use standards. Estimate their revenue. Calculate the spread of standards across the territory. And determine the place where the maximum return on the added value of the corresponding quality will be concentrated, as well as the intersection of the influence of enterprises of all adaptation groups.

The geographic locations identified in this way can become a possible growth point for the high-quality production of goods and services by industries, organizations and individuals who need support to implement, develop and maintain a quality management system that meets generally recognized standards.

In this case, it is necessary to focus primarily on international quality management standards and the problem is that other standards, regulations, as well as technical conditions, in a situation with globalization of the economy, are not able to support the competitive advantages of organizations, industries and individuals engaged in producing activities, for a long period of time.

Relying again on the theory of organization, it should be noted that everything that is happening in the economy today is the development of an open economic space. And this open economic space is underpinned by new digital technologies.

The closure of the system from the point of view of the theory of organization ultimately leads to its bifurcation or loss of competitive advantages in the open economic space.

Therefore, the creation of synergistic centers that rely on an open economic space and support production systems from the standpoint of producing only high-quality goods and services that meet the requirements of international quality management standards is the basis of competition not only for organizations, industries and individuals, but also for the sovereign territory as a whole.

References

1. Milner B. 3 Theory of organization: Textbook. - 2nd ed., Rev. And add. -M:. INFRA-M, 2018.-480 p.
2. GOST R ISO 9001-2015 Quality management systems. Requirements (Reissue).
3. Smetanina, T.V. Synergetic approach in explaining the behavior of organizations - Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference "Problems of Methodology and Experience of Practical Application of the Synergetic Approach in Science" (Samara, 10.04.2019). - Ufa: Aeterna, 2019 .-- S. 50-52. - 0.1 p. L.
4. Smetanina, T. V. The concept of "growth points" and its relationship with the concept of "synergetic centers", - Collection of articles of the International scientific-practical conference "Modern high-tech innovative technologies" (February 05, 2019, Chelyabinsk) - Ufa: Aeterna, 2019 .-- S. 115-119. - 0.15 p. L.
5. Smetanina, TV The phenomenon of cumulative synergetic effect from the action of the level of manifestation of needs / TV. Smetanina, I.A. Lashkova // [Text]: periodical scientific journal / founder and publisher Saint Petersburg State University of Technology and Design, Bulletin of SPBGUTD. - 2017, Scientific journal volume 2, pp. 20-24 - St. Petersburg, 2017 - 0.34 / 0.17 pp.
6. Smetanina, T.V. Synergetic approach in explaining the behavior of organizations - Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference "Problems of Methodology and Experience of Practical Application of the Synergetic Approach in Science" (Samara, 10.04.2019). - Ufa: Aeterna, 2019 .-- S. 50-52. - 0.1 p. L.

SECTION 4. BUSINESS, REGIONAL STUDIES AND LAW

UDC 331.5

Ryabova E.Y., Suvorova A.A. Problems of Russian labor market development in the context of coronavirus infection in 2020

Проблемы развития рынка труда в России в условиях коронавирусной инфекции 2020 года

Ryabova Elena Yuryevna,

c.e.s., Associate Professor of EFEA Department,
the North-Caucasian Federal University

Suvorova Anna Andreevna,

2-year master student, Economy of Enterprise
the North-Caucasian Federal University

Рябова Елена Юрьевна,

к.э.н., доцент кафедры экономики и внешнеэкономической деятельности,
Северо-Кавказский Федеральный Университет

Суворова Анна Андреевна,

студентка 2 курса магистратуры, профиль «Экономика фирмы»,
Северо-Кавказский Федеральный Университет

Abstract. This article describes the features of the functioning of the Russian labor market in the context of the spread of coronavirus infection in 2020, considers the unemployment rate, on the basis of which its forecasts are proposed, lists the main measures of state support for enterprises and citizens of the Russian Federation during the pandemic

Keywords: labor market, employment, unemployment, government support, pandemic

Аннотация. В данной статье охарактеризованы особенности функционирования российского рынка труда в условиях распространения коронавирусной инфекции 2020 года, рассмотрен уровень безработицы, на основании которого предложены его прогнозы, перечислены основные меры государственной поддержки предприятий и граждан РФ в период пандемии

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, государственная поддержка, пандемия

Проблема занятости в России является одним из самых главных вопросов государственного регулирования. На сегодняшний день занятость в России характеризуется несбалансированностью спроса и предложения трудовых ресурсов, региональной дифференциацией уровня занятости, ростом иммиграции из соседних стран, высоким уровнем теневой занятости, несоответствием уровня квалификации занимаемым должностям и т.д. Все вышеперечисленные проблемы можно охарактеризовать как последствия несформированности цивилизованного рынка труда, основанного на свободе предпринимательской деятельности и труда, трудовой активности, справедливой оплате труда и плюрализме форм собственности.

Эволюция российского рынка труда проходила под влиянием различных факторов, в т.ч. мировых финансовых кризисов, внешнеполитических изменений. Помимо этого, в 2020 году

Россия, как и весь мир, столкнулась с пандемией, вызванной распространением вируса COVID-19. В этих условиях многие предприниматели были вынуждены пойти на некоторые меры, в числе которых был перевод сотрудников на дистанционный способ работы; минимизация численности персонала вследствие невозможности оплачивать труд и поддерживать свой бизнес, имея прежнее число сотрудников; изменение ставки оплаты труда с 1 вплоть до 0,25 и т.д. [1].

Согласно данным Росстата, уровень безработицы в России в период с 2019 по июль 2020 г. поднялся до уровня 6,3% (4,5 млн чел.) среди 75 млн чел. трудоспособного населения страны. Наибольший уровень безработицы был отмечен в Северо-Кавказской Федеральном округе (наименьшее значение отмечено в Ставропольском крае – 6,5%, наибольшее – в Республике Ингушетия – 30,5%) [1].

	II квартал 2020 г.	2020 г.			Июль 2019 г.	Июль 2020г. к июлю 2019г. (+, -)
		май	июнь	июль		
Тыс. человек						
Рабочая сила в возрасте 15 лет и старше	74580	74548	74673	74960	75586	-626
занятые	70112	70035	70067	70229	72222	-1993
безработные	4468	4513	4606	4731	3364	1367
В процентах						
Уровень участия в рабочей силе (рабочая сила к численности населения в возрасте 15 лет и старше)	61,7	61,7	61,8	62,0	62,4	-0,4
Уровень занятости (занятые к численности населения в возрасте 15 лет и старше)	58,0	58,0	58,0	58,1	59,7	-1,6
Уровень безработицы (безработные к численности рабочей силы)	6,0	6,1	6,2	6,3	4,5	1,8

Рисунок 1. Численность и состав рабочей силы в субъектах Российской Федерации в возрасте 15 лет и старше

На данный момент существует три основных прогноза относительно уровня безработицы:

1. Оптимистический (неоправдавшийся), согласно которому карантин должен был снят к концу 2 квартала 2020 года. В этот период ожидаемый уровень безработицы должен был находиться на уровне 5,5%. Как показало время, этот прогноз не нашел подтверждения в жизни россиян, так как несмотря на послабления карантинных мер со стороны государства, многие предприятия либо оставались закрытыми, либо не набирали новых сотрудников. На смену первой волне, осенью 2020 года пришла новая волна пандемии, во многом превышающая значения заболевших вирусом по сравнению с началом пандемии.

2. Стандартный прогноз, согласно которому вторая волна пандемии была предусмотрена осенью-зимой 2020г., и соответственно уровень безработицы должен был находиться в промежутке от 7 до 7,5%, а далее снижаться с каждым годом на 1 %.

3. Негативный прогноз, предполагающий, что пандемия затянется вплоть до 2022 года, и соответственно, безработица достигнет уровня 10,5% - катастрофического значения для российской экономики, при этом мировое значение ВВП сократится на 5% [4, с.13].

Учитывая все прогнозы, законодательные органы стараются смягчить условия сложности, с которыми каждый день сталкиваются коммерческие организации. В числе основных мер государственной поддержки в период 2020 года можно выделить:

- продление сроков предоставления отчетности (бухгалтерской и налоговой);
- перенос сроков уплаты налогов;
- введение кредитных каникул для субъектов малого и среднего предпринимательства, чья деятельность заметно пострадала в период пандемии;
- предоставление беспроцентных кредитов на выплату заработной платы сотрудникам, работающим на малых и микропредприятиях (действующих не менее года) и т.д. [1].

Среди мер социальной поддержки граждан Правительством Российской Федерации можно выделить:

- предоставление выплат на детей возрастом от 3 до 7 лет и других дополнительных выплат семьям, имеющим детей;
- рост в 2 раза минимального размера пособия по уходу за ребенком;
- увеличение максимального размера пособия по безработице до 12 130 руб. (с 8000 руб., т.е. в 1,5 раза). Такой размер пособия устанавливается людям, потерявшим работу в период с 1 марта 2020 г. [2].

Среди самых пострадавших сфер деятельности в период 2020 года Правительством РФ в Постановлении от 03.04.2020 №434 были выделены авиация, туризм, шоу-бизнес и область развлечений и искусства, область общественного питания, образовательная сфера. Со временем этот список пополнялся еще 3 раза, включая деятельность зоопарков, салонов красоты, торговлю непродовольственными товарами и др. [3].

Несмотря на сложившуюся ситуацию, государственные органы продолжают разрабатывать стимулирующие экономические меры, в том числе заимствуя опыт зарубежных коллег, по целому ряду отраслей. Отметим, что набор предпринимаемых мер во всех странах является однородным, однако основные различия заключаются лишь в эффективности применения этих мер, а также объеме предоставляемой помощи. Таким образом, в условиях коронавирусной инфекции экономика адаптируется к новым жизненным условиям, а разработка эффективных государственных мер играет решающую роль в препятствовании нарастающему экономическому кризису, падению инвестиционного и потребительского спроса, а также росту безработицы.

References

1. Занятость и безработица в Российской Федерации в июле 2020 года (по итогам обследования рабочей силы) URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/156.htm;
2. Меры государственной поддержки бизнеса и граждан в период пандемии URL: <https://base.garant.ru/77398919/>;
3. Перечни отдельных сфер деятельности, наиболее пострадавших в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции URL: <https://www.nalog.ru/rn77/business-support-2020/9704514/>;
4. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов. Министерство экономического развития, 2020г. - 94 с.

SECTION 5. EDUCATION, EQUALITY AND DEVELOPMENT

UDC 37

Abashina V. On the problem of methodological support of teachers in preschool educational organizations

К проблеме методического сопровождения педагогов в дошкольных образовательных организациях

Abashina V.,

Ph.D., Associate Professor of the Department of Theory and Methodology
preschool and primary education
BU VO "Surgut State
Pedagogical University", Surgut

Абашина В.В.,

к. п. н., доцент кафедры теории и методики
дошкольного и начального образования
БУ ВО «Сургутский государственный
педагогический университет», г. Сургут

Abstract. The article reveals the importance and essence of methodological support for teachers of preschool educational organizations. Methodological support of teachers in modern conditions is presented as a system that includes such interrelated components: goal and objectives, principles, functions of methodological support and directions of activity. It is concluded that the methodological support of teachers in a modern preschool organization requires its renewal and improvement.

Keywords: methodological support, teachers, preschool education, principles, functions, directions of methodological support.

Аннотация. В статье раскрывается значимость и сущность методического сопровождения педагогов дошкольных образовательных организаций. Методическое сопровождение педагогов в современных условиях представлено как система, включающая в себя такие взаимосвязанные компоненты: цель и задачи, принципы, функции методического сопровождения и направления деятельности. Делается вывод о том, что методическое сопровождение педагогов в современной дошкольной организации требует его обновления и совершенствования.

Ключевые слова: методическое сопровождение, педагоги, дошкольное образование, принципы, функции, направления методического сопровождения.

Обновление содержания образования в связи с внедрением Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования актуализирует необходимость овладения педагогами теоретическими основами современной педагогической деятельности и практикой работы в новых условиях развития системы образования. В связи с этим актуализируется необходимость методического сопровождения педагогов.

В научно – педагогической литературе понятие «методическое сопровождение» рассматривается с разных точек зрения:

- М. М. Поташник рассматривает методическое сопровождение как особую деятельность, в которой педагоги посредством планирования, организации, руководства и контроля, обеспечивают организацию педагогического процесса, направленную на достижение образовательных целей [9].
- А. М. Моисеев как целостную, обоснованную достижениями науки и передового педагогического опыта, систему взаимосвязанных мер, действий, направленных на всестороннее повышение квалификации и профессионального мастерства каждого учителя, воспитателя [3].
- Н.А. Переломова определяет методическое сопровождение как комплекс мероприятий и педагогических технологий оказания своевременной квалифицированной помощи педагогу [7, с. 33];
- М.Н. Певзнер считает, что это осуществляемая в многообразных формах и технологиях система связанных функций, действий, процедур, методов, техник, мероприятий, способствующих оказанию квалифицированной помощи педагогу на протяжении всей его профессиональной деятельности [6, с. 32];
- В.П. Ларина рассматривает методическое сопровождение как одно из средств профессионального развития сопровождаемых и как мотивационный, ресурсный механизм поддержки инноваций системы образования [5, с. 12];
- Е.В. Шушакова как деятельность по разрешению актуальных проблем инновационного развития педагога [12, с. 75].
- Л.И. Фалюшина как функцию управления качеством воспитательно-образовательной работы в образовательных системах, которая заключается в двустороннем процессе обучения (субъектом) и учения (объекта), направленного на углубление, расширение знаний, трудовых умений и навыков педагога, необходимых для качественного осуществления педагогической деятельности по всестороннему воспитанию детей [11, с. 161].

Исходя из всех вышеперечисленных определений мы выделили основные признаки методического сопровождения и дали своё определение понятию «методическое сопровождение педагогов» - это система взаимосвязанных действий, функций, комплекса мероприятий, в основе которой лежит планирование и организация процесса обучения педагогов, направленная на углубление, расширение знаний, трудовых умений и готовности педагогов к осуществлению качественной педагогической деятельности по всестороннему воспитанию и развитию детей.

Как правило, функции методического сопровождения в дошкольной образовательной организации возлагаются на методиста. К профессиональным задачам методиста относятся следующие:

- исследовать деятельность педагога в ходе учебно-воспитательного процесса в ДОО (понимать его возможности, способности, уровень профессиональной компетентности, профессиональную результативность);
- оказывать содействие в решении общих задач, стоящих перед дошкольной образовательной организацией, осуществлении и управлении профессиональной деятельностью педагогов;
- осуществлять коммуникацию и контроль взаимодействия педагогов и других участников образовательного процесса.;
- осуществлять работу с материалами в методическом кабинете ДОО исходя из запросов педагогического коллектива;
- грамотно выстраивать предметно-развивающую среду ДОО;
- способствовать и облегчать процесс самообразования, организовывать повышения квалификации и уровня профессиональной компетентности педагогических работников.

Однако очень часто, работа с педагогическим коллективом строится узкопрофессионально, рассматривается с точки зрения передачи педагогам некоторого нового объема психолого-педагогических знаний (о социальной ситуации развития, зоне ближайшего развития, научных подходах к деятельности и т.д.). Она почти не касается вопросов воздействия педагогов на самих себя. Последствия такого положения дел: преобладание формального перехода на новые стандарты, непонимание личности педагогов, отсутствие навыков конструктивного взаимодействия с детьми, родителями, коллегами, администрацией, несформированность навыков саморегуляции. В связи с этим главным приоритетом при работе с педагогами должно стать создание условий для полного раскрытия и реализации потенциала их личности.

Готовность педагогов дошкольного образования к профессиональной деятельности в условиях реализации федерального государственного образовательного стандарта представляет собой взаимосвязь трех компонентов: мотивационно – личностного, содержательного и деятельностного.

Мотивационно-личностный компонент предполагает установку на педагогическую деятельность с детьми в условиях новой идеологии, переориентации педагога на личностно-развивающий и гуманистический характер взаимодействия. Содержательный компонент включает развитие профессионально значимых знаний педагога, соответствующих содержанию профессиональной деятельности. Деятельностный компонент предполагает овладение воспитателем профессионально значимыми навыками, необходимыми для профессиональной деятельности [3].

В любой дошкольной образовательной организации руководством должно быть разработано Положение о методическом сопровождении педагогических работников. Оно

устанавливает единые требования к методическому сопровождению и описывает комплекс мероприятий и действий, направленных на оказание педагогам всесторонней поддержки и помощи в организации образовательного процесса с детьми, решении возникающих проблем и трудностей, поддержание мотивации педагогов и положительной творческой атмосферы педагогического коллектива в целом.

Методическое сопровождение педагогов в современных условиях представляет систему, включающую в себя такие взаимосвязанные компоненты: цель и задачи, принципы, функции методического сопровождения и направления деятельности.

Далее мы рассмотрим характеристику этих компонентов, опираясь на научные труды и разработки учёных в области методической работы в дошкольной образовательной организации: Ю.В. Атемаскиной, К.Ю. Белой, Л.Г. Богословец, Н. А. Виноградовой, Л.М. Волобуевой, В.П. Дубровской, Н.В. Елжовой, А.А. Майер, Н. В. Микляевой, Е.П. Милашевич, Л.В. Поздняк, Л.И. Фалюшиной, Л.И. Филатовой и других.

Целью методического сопровождения является создание условий для постоянного совершенствования деятельности педагогов, что соответствует современным достижениям науки и практики, формирование у педагогов мотивации к профессиональному развитию.

Для достижения этой цели необходимо:

1. Создать условия, обеспечивающие методическое сопровождение деятельности педагогов с учетом опыта, возраста, квалификации педагога, его отношения к профессиональной деятельности (на основе индивидуального подхода).
2. Разработать эффективную поэтапную систему методической помощи педагогу.
3. Определить диагностическую систему, критерии и показатели для оценки уровня личностной и профессиональной готовности в соответствии с новыми целями и задачами образования.
4. Создать новые ценности в профессиональной деятельности [2].

Принципы, характеризующие непрерывную систему методического сопровождения, которые выделила Л. И. Филатова [10, с.12]:

- публичность отношений;
- углубление сферы самопознания педагога;
- преимущество гуманистических и педагогических ценностей;
- активизация взаимодействия субъекта с субъектом, непрерывность сопровождения;
- реализация маршрута индивидуальной педагогической деятельности.

Выделяют несколько функций методического сопровождения работы в дошкольных организациях, реализация которых направлена на развитие профессиональной компетентности, трудовых навыков и личностных характеристик педагогических кадров, повышение качества работы дошкольных организаций [8]:

I группа – функции, развивающие личностные качества педагога:

- расширение знаний в области теории и практики каждого педагога;
- формирование приоритетных направлений у педагогов;
- формирование мотивации к творческой деятельности;
- совершенствование нравственных установок педагога;
- совершенствование стиля современного мышления в области педагогики;
- к развитию педагогических навыков и методик преподавания;;
- формирование устойчивой саморегуляции в эмоционально-волевой сфере.

II группа – функции, улучшающие работу всего педагогического коллектива,

актуализирующие творческий потенциал и его возможности:

- создание единого педагогического стиля, общих приоритетов и значимых целей;
- построение качественной работы по диагностике воспитанников и воспитателей;
- изучение рабочих программ, эксклюзивных руководств, планов и программ, разработанных педагогами и всей командой;
- проявление инициативы в проведении научных исследований, разработке и передаче инновационного опыта в педагогике;
- привлечение педагогического состава к экспериментальной работе;
- материальная и моральная мотивация творческого инициативного коллектива;
- обсуждение реальных успехов воспитательной работы.

III группа – функции, связанные с реконструкцией педагогической деятельности в сфере образования и ориентированные на организацию работы по взаимодействию дошкольников с другими структурными образовательными организациями:

- активное участие в деятельности педагога при ознакомлении с условиями социального заказа, изучении нормативных документов, контролирующих работу дошкольной организации;
- внедрение успешного и положительного опыта работы новаторов и лидеров в области педагогики;
- осуществление научных исследований в области педагогической и психологической науки;
- реклама опыта работы дошкольной организации вне детского сада.

В современных условиях выделяются следующие направления методического сопровождения [4, с. 323]:

1) аналитическая деятельность:

- мониторинг профессиональных и информационных потребностей педагогических работников;
- создание базы данных о педагогических работниках;
- изучение и анализ состояния и результатов методической работы в методических объединениях;

- выявление затруднений дидактического и методического характера в коррекционно-образовательном процессе;
- сбор и обработка информации о результатах работы в организации;
- мониторинг состояния, результатов и перспектив развития организации;
- изучение, обобщение и распространение передового педагогического опыта.

2) информационная деятельность:

- формирование банка информации (нормативно-правовой, научно-методической, методической и др.);
- ознакомление педагогических работников с новинками педагогической, психологической, методической, научно-популярной литературы на бумажных и электронных носителях посредством создания медиатеки, с опытом инновационной деятельности других организаций и педагогов;
- информирование о новых направлениях в развитии дошкольного образования, о содержании образовательных программ;
- организация сетевого информационно-коммуникативного обслуживания организации;
- анализ состояния подготовленности кадров в области владения компьютером, информационными технологиями;
- участие в проведении курсовой системы подготовки педагогических работников организаций по проблемам информатизации системы образования.

3) Организационно-методическая деятельность:

- изучение запросов, методическое сопровождение и оказание практической помощи молодым специалистам;
- изучение запросов, методическое сопровождение и оказание практической помощи педагогическим работникам в период подготовки к аттестации в межаттестационный периоды;
- прогнозирование, планирование и организация повышения квалификации и координация с системой дополнительного образования педагогических работников учреждения, оказание им информационно-методической помощи в системе непрерывного образования;
- организация работы методических объединений педагогических работников;
- участие в разработке содержания регионального компонента образовательной программы детского сада;

- участие в разработке программы развития организации;
- обеспечение комплектования фондов учебно-методической литературы организации;
- подготовка и проведение конференций, педагогических чтений, семинаров, конкурсов профессионального педагогического мастерства педагогических работников организации;
- организация и проведение фестивалей, конкурсов, предметных олимпиад, конференций.

4) Консультационная деятельность:

- организация консультационной работы для педагогических работников, занимающихся с детьми, имеющими особые образовательные потребности;
- популяризация и разъяснение результатов новейших педагогических и психологических исследований;
- внедрение федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования;
- преемственность работы педагогического коллектива со школой;
- имидж дошкольной образовательной организации;
- консультирование педагогических работников и родителей (законных представителей) обучающихся по вопросам обучения и воспитания.

Таким образом, система методического сопровождения в современной дошкольной образовательной организации требует её обновления и совершенствования. В каждой дошкольной образовательной организации должна быть выбрана своя модель организации методического сопровождения, предусматривающая задачи, структуру, содержание и формы её организации в соответствии с государственной политикой и уровнем профессиональной компетентности педагогов. Методическое сопровождение педагогов в современной дошкольной организации должно быть направлено на профессиональное совершенствование педагога, который:

- ориентирован на развитие;
- ответственен и отвечает на вызовы времени;
- готов к творческой и инновационной деятельности;
- открыт для обучения.

References

1. Абашина В.В., Якоб С.А. Методическая работа в дошкольной образовательной организации : метод. пособие / В. В. Абашина, С. А. Якоб ; Департамент образования и

молодеж. политики Ханты-Манс. авт. округа – Югры, Бюджет. учреждение высш. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т». – Сургут : РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2019. – 104, [1] с.

2. Белая К. Ю. Инновационная деятельность ДОУ : методическое пособие / К. Ю. Белая. – М.: ТЦ Сфера, 2005. – Текст : непосредственный.

3. Вербицкая, И. Б. Методическое сопровождение педагогов дошкольных образовательных учреждений / И. Б. Вербицкая. : непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 21 (207). – С. 467-469. – URL: <https://moluch.ru/archive/207/50749/> (дата обращения: 26.05.2019).

4. Виноградова, Н. А. Управление дошкольным образованием : учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. Н. А. Виноградовой, Н. В. Микляевой. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 394 с. – Текст : непосредственный.

5. Ларина, В. П. Организация научно-методического сопровождения инновационной деятельности образовательных учреждений / В.П. Ларина // Профессиональное образование. Столица. Ц, 2008. – № 6. – С. 27– 29. – Текст : непосредственный.

6. Певзнер, М. Н. Развитие креативности в педагогической среде и создание условий для адресного научно-методического сопровождения педагогов в системе ПКРО / Е.Е. Шестерников, М.Н. Певзнер // Завуч. – 2004. – №5. – Текст : непосредственный.

7. Переломова, Н. А. Методологические аспекты личностно-профессионального роста педагога : монография / Н.А. Переломова. – Иркутск : Изд-во ГлавУНО, 1997.–104 с. – Текст : непосредственный.

8. Поздняк, Л.В. Управление дошкольным образованием / Н.Н. Лященко, Л.В. Поздняк. – М., Академия, 1999. – Текст : непосредственный

9. Поташник М. М. Управление качеством образования / М.М. Поташник, Е.А. Ямбург, Д.Ш. Матрос; под ред. Поташника М.М. – М.: Педагогическое Общество России, 1992. – Текст : непосредственный.

10. Синдяшкина, Т. В. Методическое сопровождение деятельности педагога по физическому развитию дошкольников : монография / Т.В. Синдяшкина, А.А. Ошкина. – 2017. – 104 с. – Текст : непосредственный.

11. Фалюшина, Л. И. Управление качеством образовательного процесса в ДОУ / Л.И. Фалюшина. – М. : АРКТИ, 2004.–262 с. – Текст : непосредственный.

12. Шушакова, Е. В. Научно-методическое сопровождение инновационных процессов в сельской школе : автореф. Дис. Канд. Пед. наук / Е. В. Шушакова. – Омск. – 2008. – Текст : непосредственный.

UDC 81-139

Bazarbayeva L.T., Lapina I.V., Roshchin N.A. Distance learning of English in the pandemic

Bazarbayeva Laura Taituleuvna

Senior teacher, Master of Foreign

and Russian languages chair

Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz,
Karaganda, Kazakhstan

Lapina Irina Viktorovna

Senior teacher of Foreign and Russian languages chair

Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz,
Karaganda, Kazakhstan

Roshchin Nikita Alexandrovich

IR-19-2 group student of

Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz,
Karaganda, Kazakhstan

Abstract. The article introduces the experience of English language teachers of the Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz at the time of distance education within pandemic circumstances. The method of implementation of IT technologies and Internet resources concerning the development of foreign language speaking skills and building of independent student work skills is shown. There is a discussion given in the article regarding the problems that appeared during English teaching and which were caused by distance education, and also the ways to solve these problems are represented.

Keywords: English, distance education, IT technologies, speaking skills, listening, grammar.

Due to pandemic circumstances that covered all the globe, there was an urgent necessity for IT technologies to be implemented during online classes. One year ago it was a trend to talk about online tools within conferences, and now we can do nothing without those tools in a regular lesson. The total digitalization frightens teachers even more than it does to students. The Department of Education makes excuses for parents by speaking of distance education as a stopgap measure and also saying that as soon as the situation is stable, the educational institutions would work as usual. We were afraid that we could get some gaps in English teaching for our students. Having analyzed all the work that had been done by us as teachers, an interesting conclusion was made, which is as follows: digital technologies help weaker students. They had started to pass the tests better up to 16%-18% comparing to regular education in the university. This is because when a student works with a digital instrument, it is possible to immediately see the mistake and correct it. Usually, during a regular lesson, there is a long deeds list: he/she wrote a paper, handed it over to the teacher, and forgot about the paper right after away. A week later the teacher handed out the papers with the exercises that the student couldn't remember anymore. Many difficulties connected to online education had already been dealt with. In the article, we would like to share with you some solutions for frequently faced issues concerning English distance education.

This is, of course, the impossibility of face-to-face communication with the students. Some students are known to us only by their voices and it wasn't really complicated to work with them, and we know the reason. Starting from the first lockdown the terms 'Zoom fatigue' and 'Zoom burnout' appeared.

There are 4 reasons which make us tired of video conferences:

1. We have to be more focused in order to scan nonverbal cues, which are regular things for us while face-to-face communication.
2. Technical issues harm natural communication. For example, when there is a pause, we may not immediately understand whether the student just thinks something over or he is having the connection being interrupted? Due to such a delay, the interlocutor may seem to us less involved in the process.
3. The feeling of stage performance: we wish to look good in camera and sound perfectly, but the only thing that works out is additional pressure.
4. Our communications used to be separated: we talked with family at home, we had conversations with a professor at university, with our colleagues we interacted at work and met our friends at some café or a bar. Now we are just locked down at one place and not everyone was ready for this. Some of them were ashamed of shabby wallpapers behind them and somebody is just not used to conduct serious negotiations in the kitchen with slippers on.

So that is why it is necessary to give an option of not turning on the camera they have. Such an option gives some benefits to a teacher too, for instance, you are less tired and also able to relax a little bit. But the question is: how to keep control over the student?

- 1) Keep up the pace. Keep the student busy every minute of the lesson.
- 2) If you are having some reading, then be sure you have set a timer: you do not distract, because there is just no time for that, so, as you can see, a shortage of time is mostly welcomed. Announce reading time to the student before the assignment, for example: 'You have 2 min to read the text and to find the answer, ok?'. The average reading time depends on the student's English level, text volume, and the task itself. Within the Pre-Intermediate level, there are not large texts and a student with intermediate level would read such a text in 2-3 minutes. There are some texts which volume is a whole page and it takes 4-4.5 minutes for an intermediate student to read such a text. And one more thing, there is one additional motive to work with fast reading strategy, which is going to be useful in the exam.
- 3) Listening tasks? You should control the sound volume by yourself and sometimes you may pause the video and make a quick question: what was the topic said right now about...? Have you heard how the speaker pronounced this...?
- 4) Writing? Write in Google Document or on some interactive board so it can seem whether someone is working or not. There is a table that can be made in Google Document with a separate line for

anyone. Another option is to give students a different page part (upper or lower) so they can't cheat. In Jamboard it is possible to make a separate page for every student and in Padlet each student can be given one column. If you use Miro and Google Docs apps it shows if a student goes to another website, this option helps the teacher to catch the ones who have bad intentions.

So how can we make grammar studying useful and interesting? How do we help students, that are too way shy to participate during lessons?

- Just think about some practical benefits. In what situations the grammar structure you learn would be useful? To hear "The Present Continuous is used for..." is quite boring. However, online lessons offer us some new opportunities: you can rapidly find a film poster, point out countries you've been to, or you can share your profile picture on social networks. What grammar rules do we need in order to be able to tell about it?

- Ask questions. People enjoy it when they are asked for their opinion and not just told what to do. While you are teaching some Auxiliary Verbs, share your screen with some sentences with examples and ask students: "So "It must be in Spain" – is it a fact or opinion, how do you think? And how much the person is sure about this opinion? Maybe it is 90 or 100 percent?" Such questions help students to understand how to use these constructions in speech.

- Use breakout rooms. During the process of explaining of new grammatical construction with some examples given after it, it makes sense to do such activity within the common room, so you don't need to repeat anything one more time. But when students start to do some exercises it is better to separate them into groups of 2-3 people for breakout rooms. There they are able to give some tips to each other and check their answers together, so they aren't bounded with the lime they have to wait in while 10 other students read aloud sentence by sentence. The point is to give clear instructions: what has to be done, what is the result they should have, and how much time do they have for it.

- Give students some time for thinking. We are already used to students who write their answers in a chat. However, there are a lot of hidden obstacles. As in a regular lesson, the quickest students type in chat first, but what about the ones who are slower and think longer? They just do not attempt to type something. Why should they? Required information has already been given in a chat. That is why we offer our students to type their answers but not to send them right away. And then after a minute, they are asked to send all their answers at once. This option makes students more equal to each other, and also it motivates the ones who, if there was not such an option, wouldn't type anything.

We had the conclusion that while teaching grammar it is possible to use some elements of the lexical method. For instance, teachers would ask: what is the difference between "must be" and "could be?" with examples that might be faced in real speech. The importance of the grammar aspect is always high.

Finally, we would like to share our experience of the usage of video materials during online lessons. Ted-Ed is a library of animated educational videos from TedTalks founders. These videos are useful because they can replace boring text in a textbook or give some additional information on a topic that had been poorly studied. Videos in Ted-Ed are short: about 3-4 minutes with subtitles that can be downloaded without any difficulty. There are videos for every topic you need, from space and until love. There are also some already made materials for teachers. You can find either simple or complicated video materials. Nevertheless, we use these videos for Intermediate and Upper-Intermediate students. The lesson is built on the following video work system: warm-up ->lead in-> pre-watching activities-> while watching activities+ grammar/vocabulary focus-> after watching activities.

Let us present every step of the system for lower and higher levels.

1. Warming up

- Lower levels. Show some pictures to the students – tennis racket, soccer ball, ski slope, puck, and sneakers and then ask students to solve the puzzle and tell what is common for all those things and what is today's topic.
- Higher levels. Let's start with brainstorming. Students are asked to name as many sports as they can, and then they should gather them by some criteria, for example, from the most interesting till most boring, or from the most complicated till the simplest ones. After that comes a pair discussions and comparing of results and opinions.

2. Lead-in.

- Lower levels. Offer to name as many team sports and individual ones. Discuss which are more fun / more dangerous/ more interesting to watch.
- Higher levels. Start with a question: "How playing sports benefits your brain?". Collect the ideas and write them down. When students watch the video, it is possible to count how much they guessed.

3. Pre-watching activities

- Lower levels. Offer students a list of words from the video: runner's high, endorphins, self-esteem, a growth mindset, build the resilience, to manage academic, social and physical hurdles and ask them to distribute the words into 3 columns:

- I know
- I think I know
- I don't know

Ask students to read the words from column 1 and explain the meaning. If there are words that cannot be clarified, invite students to use a dictionary. You can ask while they go through the dictionary to mark the words that they heard in the text.

-Higher levels. Insert the question: "Which sports are more beneficial for you - individual or team?" Ask students who vote for team sports to gather in the right corner and come up with 3 arguments in support of this point of view, and those who vote for individual sports should gather in the left one

and also justify. When students watch the video, you can ask them to cancel their arguments that have already been made.

4. While watching activities

-Lower levels. There is a gap-filling activity is able to be given. You can click on Open transcript in the settings of some YouTube video so the video text appears on the right. You can easily copy necessary sentences and create an exercise with missed or wrong words without any difficulties.

- Higher levels. It takes one video watching for students of higher levels to understand the ideas of it, so it can be offered to compare the ideas with what they discussed in the previous assignment and mark those ideas that they already include and add new ideas to their list.

5. Vocabulary/ grammar focus. There is a lot of interesting vocabulary in Ted-Ed video materials. Choose the one you think would be useful for students. One more time, there is a transcript of the video for you so you can find the words and word collocations you need. You can use Quizlet or Wordwall to work with vocabulary. It only takes 5 minutes to create a set of 5-8 words.

To summarize all the above mentioned it has to be said that distance education is no more something incomprehensible for us. Teachers have to expand their knowledge and teaching skills throughout all their labor activity. Now it is time to make a “reset” and our students would appreciate our effort and make us happy with their achievements and success.

References

1. Abramyan G. V., Katasonova G. R. Features of the organization of distance education in the conditions of self-isolation of citizens during a viral pandemic. - Modern problems of science and education, 2020. – № 3.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29830>
2. Zaichenko T. P. Fundamentals of distance learning: Theoretical and practical basis: Textbook. - St. Petersburg: publishing of RSPU named after A. I. Herzen, 2004.
3. Pozdnyakova T. A. Organization of distance learning in English language teaching for Junior schoolchildren during the quarantine period // 2020. URL: <https://vseosvita.ua/library/stata-organizacia-distancionnogo-obucenia-v-prepodavanii-anglijskogo-azyka-dla-mladsih-skolnikov-v-period-karantina-iz-opyta-raboty-296892.html>
4. Khakimova L., Lapasova F. The role of distance learning in the higher education system during quarantine measures in connection with the Covid-19 pandemic// InterConf., 2020.
5. <https://infourok.ru/prakticheskij-opyt-distancionnogo-obucheniya-anglijskomu-yazyku-v-period-pandemii-2020-goda-iz-opyta-raboty-4373471.html>

SECTION 6. ENVIRONMENTAL SCIENCE

UDC 630*232

Kiselyova N. A., Sungurova N. R. Decorative nature of trees and shrubs on city streets

Декоративность древесно-кустарниковой растительности на городских улицах

Kiselyova Nadezhda Aleksandrovna

Master's Degree, Department of Landscape Architecture and Artificial Forests.
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)

Sungurova Natalia Rudolfovna

Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor Department of Landscape Architecture and Artificial
Forests.

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)
Киселева Надежда Александровна

Магистрант кафедры ландшафтной архитектуры и искусственных лесов Северного (Арктического)
федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск)

Сунгуррова Наталья Рудольфовна

Доктор сельскохозяйственных наук, доцент кафедры ландшафтной архитектуры и искусственных лесов
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск)

***Abstract.** This article describes the results of a study of the degree of decorative tree and shrub stands on one of the streets of the city of Arkhangelsk. A brief description of the definition of ornamentation and its criteria is given. The results of the assessment of ornamentation and recommendations for further use of the studied rocks in landscaping of the city are given.*

Keywords: decorative, tree and shrub vegetation, urban environment, landscaping.

Аннотация. В данной статье описаны результаты исследования степени декоративности
древесных и кустарниковых насаждений на одной из улиц города Архангельска. Дается краткое
описание определения декоративности насаждений и ее критерии. Также приведены результаты
оценки декоративности и даны рекомендации по дальнейшему использованию исследуемых пород в
озделение города.

Ключевые слова: декоративность, древесно-кустарниковая растительность, городская
среда, озеленение.

Ассортимент растений для озеленения городских улиц подбирается с учетом
устойчивость к природно-климатическим условиям данного района и их художественная
выразительность.

Облик растения, его форма, цвет, текстура зависят от наследственных качеств данного
вида и внешних факторов, действующих на растение. Форма, цвет и текстура растения или его
отдельных органов изменяются в зависимости от условий произрастания и возраста растения.
Понятие декоративности дерева складывается в зависимости от того, как оно выглядит в
конкретном окружении в композиции парка, сада и т.д. Оценки одного и того же дерева
различны в зависимости от того, на каком фоне оно находится и в каких условиях произрастает.
Да и само дерево способно изменять габитус почти до неузнаваемости с возрастом и под
воздействием окружающих условий.

Для того чтобы дать понятие о декоративном облике растения, необходимо предварительно охарактеризовать декоративные качества отдельных органов растений. Среди них главными являются форма и окраска цветков и соцветий, плодов, листьев, ветвей, а также текстура и форма кроны [2].

Целью данного исследования является оценка декоративности древесно-кустарниковой растительности на городских улицах.

Объект исследования – насаждения на амее, расположенной на улице Логинова в г. Архангельск.

Актуальность данной работы заключается в том, что оценка декоративности древесно-кустарниковой растительности помогает подобрать правильный ассортимент с озеленения объектов ландшафтной архитектуры, с учетом их морфобиологических особенностей.

Для оценки качества насаждений на исследуемом объекте была использована оценочная шкала декоративности, разработанная Н.А. Бабич (2008), в основу которой положена динамика возрастных изменений основных признаков растений. Оценка зеленых насаждений ведется комплексно, т.е. по десяти критериям:

1. Архитоника кроны – в декоративной дендрологии означает структуру кроны. Определяется ее размерами, формой, характером разветвленности ветвей.

2. Длительность цветения при условии неаллергичности пыльцы играет большую роль в эстетичности растения. Восприятие цветков зависит не только от их изящества и окраски, но также от времени их сохранения на растение.

3. Обилие цветения, образование завязей и ожидаемого урожая. Обильность цветения является одним из важнейших факторов, характеризующих внешний облик растения.

4. Окраска и величина цветков иногда является решающей декоративной деталью, особенно это относится к цветущим кустарникам. Декоративные качества цветков во многом зависят от принадлежности растения к той или иной систематической группировке.

5. Привлекательность внешнего вида плодов и длительность удержания их на ветвях оценивается по сочетанию формы, характеру поверхности плодов и т.д. Плоды и соплодия некоторых растений по своей декоративности мало уступают цветкам. Особенную ценность растения с декоративными плодами представляют в осенне время, когда цветочный ассортимент беднеет, а деревья и кустарники стоят без листвы. Существуют, однако, растения, плоды которых значительно ухудшают их общий облик.

6. Аромат листьев, цветков и плодов. Растения с цветками, обладающими сильным ароматом, представляют большую ценность, даже в том случае, если цветки их невзрачны.

7. Цветовая гамма осенней окраски листьев многих древесных пород заслуживает тщательного изучения и использования при проектировании зеленых насаждений, так как может придать неповторимость любому участку [2].

8. Продолжительность облиствения древесных пород в течение всего вегетационного периода также играют огромную роль при оценке декоративности деревьев и кустарников.

9. Поврежденность растений включает в себя наличие или отсутствие дупел, суховершинности, усыхания больших скелетных сучьев и механических повреждений, наличие или отсутствие повреждений вредителями или болезнями [1].

10. Зимостойкость видов – это способность растений противостоять комплексу воздействий внешней среды на протяжении зимнего и ранневесеннего периодов.

По вышеперечисленным критериямдается бальная оценка признаков от 0 до 5. Высший балл получают породы, отличающиеся наиболее благоприятными свойствами, затем оценка снижается до 0 баллов. Оценки каждого критерия для всех пород, произрастающих на исследуемом объекте, представлены в таблице 1.

Таблица 1
Бальная оценка декоративности древесно-кустарникового ассортимента

Порода	Критерии										Суммарный балл	Степень декоративности
	Адеквативность кроны	Длительность цветения	Обилие цветения	Окраска и величина цветов	Привлекательность внешнего вида плодов и цветков	Аромат листьев, цветков и плодов	Цветовая гамма осенней окраски	Продолжительность облиствения	Поврежденность растений	Зимостойкость		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Берёза бородавчатая (<i>Betula pendula</i> Ehrh.)	3	4	4	2	3	1	5	3	4	4	33	Высокая
Рябина обыкновенная (<i>Sorbus aucuparia</i> L.)	3	3	5	4	5	1	5	3	4	4	40	Высокая
Ольха черная (<i>Alnus glutinosa</i> Gaerth.)	3	3	2	1	3	0	3	2	3	3	23	Средняя
Ива остролистная (<i>Salix acutifolia</i> Willd.)	4	3	2	1	2	0	3	4	4	4	27	Средняя
Дуб черешчатый (<i>Quercus robur</i> L.)	4	3	3	1	4	0	5	3	4	4	31	Высокая
Сирень венгерская (<i>Syringa josikaea</i> Jacq.)	3	4	5	5	3	4	3	4	4	4	39	Высокая
Пузыреплодник калинолистный (<i>Physocarpus opulifolius</i> Max.)	4	4	4	4	2	0	4	3	5	4	34	Высокая
Карагана древовидная (<i>Caragana arborescens</i> Lam.)	3	3	3	4	2	2	2	3	3	3	28	Средняя

Получившиеся баллы по всем приведенным выше критериям суммируются для каждого растения отдельно, в результате этого получается общий балл. Затем по приведенной ниже шкале (табл. 2) определяется степень декоративности каждой породы.

Таблица 2

Суммарный балл и степень декоративности деревьев и кустарников.

Суммарный балл	1-10	11-20	21-30	31-47
1	2	3	4	5
Степень декоративности	Очень низкая	Низкая	Средняя	Высокая

Проанализировав декоративность всех породы, можно сделать вывод о том, что большая часть растений имеет высокую степень декоративности. Среднюю степень декоративности получили ольха черная (*Alnus glutinosa* Gaerth), ива остролистная (*Salix acutifolia* Willd.) и карагана древовидная (*Caragana arborescens* Lam.). Деревьев и кустарников с низкой и очень низкой степенью декоративности на данном объекте не выявлено.

Проведенные исследования декоративных качеств насаждений, позволяют сделать вывод о том, что весь древесно-кустарниковый ассортимент изучаемого объекта подобран с учетом декоративных качеств каждой породы, климатических условий района и назначения озеленяемого объекта.

Поэтому данные породы, получившие высокую и среднюю степень декоративности по результатам исследования, можно рекомендовать для озеленения в г. Архангельске. Они могут использоваться как основной ассортимент, так и как дополнительный для городских улиц. В дальнейшем следует продолжить изучение остальных древесно-кустарниковых видов, находящихся на других объектах города.

References

1. Бабич Н.А. Интродуценты в зелёном строительстве северных городов [Текст] / Н.А. Бабич, О.З. Залывская, Г.И. Травникова; Архангельск: Изд-во АГТУ, 2008 - 144 с.
2. Рубцов Л. И. Деревья и кустарники в ландшафтной архитектуре [Текст]: справочник / Л.И. Рубцов; изд-во «Наукова думка», 1977. - 270 с.

SECTION 7. GEOSCIENCE

UDC 627

Bik Yu.I., Degtyareva V.V. Assessment of the stability of coastal slopes during meandering of rivers

Оценка устойчивости береговых откосов при меандрировании рек

Bik Yu.I.

doct. technical sciences, professor of the Siberian State University of Water Transport,

Degtyareva V.V.

Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor of the Siberian State University of Water Transport

Бик Ю.И.

докт. техн. наук, профессор ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет водного транспорта»,

Дегтярева В.В.

канд.техн.наук, доцент ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет водного транспорта»

Abstract. In the article the authors consider the issue of assessing the stability of coastal slopes during meandering of rivers.

Keywords: coastal slopes, meandering.

Аннотация. В статье авторы рассматривают вопрос оценки устойчивости береговых откосов при меандрировании рек.

Ключевые слова: береговые откосы, меандрирование.

В связи с интенсивной урбанизацией территорий в последнее время остро возникает вопрос о устойчивости береговых откосов рек. Интенсивные процессы эрозии особенно проявляются на участках речных излучин, где вследствие действия ускорения Кориолиса возникают интенсивные боковые течения. Мероприятия по активной или пассивной защите береговых откосов не только дорогостоящи, но и в ряде случаев недоступны. Последнее может определяться стесненными, с точки зрения судоходства, условиями.

Кроме того, наблюдающиеся в последние годы катастрофические уровни воды при половодьях также приводят к размывам прежде всего на участках речных изгибов. Поэтому первостепенное значение приобретают возможности прогнозирования динамики эрозионных процессов в зоне речных излучин.

Наиболее часто применяются два классических подхода к решению задачи об оценке устойчивости неукрепленных откосов: метод допустимых скоростей и метод предельной влекущей силы.

Метод допустимых скоростей основан на определении придонных скоростей течения русла и сравнении их с неразмывающими скоростями для слагающего русло грунта.

Второй метод основан на вычислении касательных напряжений по контуру твердой границы живого сечения русла. Для оценки степени устойчивости русла последнее разбивается

на отсеки и последовательно рассматривается динамическое равновесие каждого полученного отсека жидкости с учетом силы

тяжести и силы трения. Вывод о стабильности рассматриваемого участка делается на основании сравнения действительных касательных напряжений, определяемых по нижеприведенной формуле, с допустимыми.

$$\tau_i = g \rho \frac{\omega_i i_i}{\chi_i}, \quad (1)$$

где τ_i – касательные напряжения на твердой границе отсека;

i_i – уклон дна;

$\omega_i \chi_i$ – площадь и смоченный период i -го отсека;

ρ – плотность воды.

Таким образом, для оценки устойчивости русла прежде всего необходимо знать поле скоростей на изучаемом участке. Для расчета скоростей течения на участке поворота рассмотрим элементарный объем ABCD жидкости, движущейся на повороте реки. На основании теоремы об изменении главного момента количества движения для этого объема

$$\frac{d\overline{K_o}}{dt} = \sum_{i=1}^n \overline{M_{oi}}, \quad (2)$$

где $\overline{K_o}$ – главный момент количества движения материальной системы;

$\sum_{i=1}^n \overline{M_{oi}}$ - геометрическая сумма моментов всех внешних сил, действующих на систему.

Найдем левую часть уравнения (2). Момент количества движения жидкости, входящей в выделенный объем через грань AB запишем в виде

$$\rho \int_0^h v_r r v_\theta r d\theta dz = \rho d\theta \int_0^h r^2 v_r v_\theta dz, \quad (3)$$

где z – координата, отсчитываемая в глубину;

h – глубина русла в рассматриваемом сечении;

θ – угол поворота русла;

$v_r v_\theta$ – соответственно, составляющие скорости в радиальном и продольном направлениях.

Разность моментов количества движения входящей в выделенный объем и выходящей из него в радиальном направлении жидкости можно вычислить по формуле

$$\frac{\partial}{\partial r} \left(\rho d\theta \int_0^h r^2 v_r v_\theta dz \right) dr = \rho d\theta dr \frac{\partial}{\partial r} \left(r^2 \int_0^h v_r v_\theta dz \right). \quad (4)$$

Момент количества движения потока жидкости, входящей в выделенный объем в продольном направлении

$$\rho \int_0^h v_\theta dr dz v_\theta r = \rho r dr \int_0^h v_\theta^2 dz. \quad (5)$$

Тогда разность между моментами количества движения жидкости входящей и истекающей из заданного объема в продольном направлении можно записать

$$\frac{\partial}{\partial \theta} \left(\rho r dr \int_0^h v_\theta^2 dz \right) rd\theta = \rho r dr d\theta \frac{\partial}{\partial \theta} \left(\int_0^h v_\theta^2 dz \right). \quad (6)$$

Вычислим правую часть уравнения (2), в которую входит момент силы трения объема жидкости о дно и момент силы тяжести этого объема:

$$M_o(F_{\text{Tp}}) = -r\tau_\theta dr d\theta r, \quad (7)$$

$$M_0(G) = I_\theta r h d\theta r dr \rho g, \quad (8)$$

где τ_θ – напряжение трения на дне объема;

I_θ - продольный уклон свободной поверхности воды.

Подставляя в (2) зависимости (4), (6), (7) и (8), после преобразований получим

$$\frac{1}{r} \frac{\partial}{\partial r} \left(r^2 \int_0^h v_r v_\theta dz \right) + \frac{\partial}{\partial \theta} \int_0^h v_\theta^2 dz = g I_\theta r h - \frac{r \tau_\theta}{\rho}. \quad (9)$$

Для вычисления входящих в (9) интегралов будем использовать известный логарифмический закон распределения скоростей по вертикали

$$v_B = v \left[1 + \frac{\sqrt{g}}{\alpha C} (1 + \ln \eta) \right], \quad (10)$$

где v - средняя скорость по вертикали;

α – постоянная Кармана, которую можно принять равной 0,5;

C – коэффициент Шези;

η - относительная глубина.

Распределение поперечных скоростей зададим как

$$v_r = \frac{1}{\alpha^2} v \frac{h}{r} \left[\int \frac{2 \ln \eta}{\eta - 1} d\eta - \frac{\sqrt{g}}{\alpha C} \int \frac{\ln^2 \eta d\eta}{\eta - 1} \right], \quad (11)$$

После интегрирования уравнение (9) имеет вид

$$0,75 \frac{\sqrt{g}}{\alpha^3 C} \frac{1}{r} \frac{\partial}{\partial r} (r h^2 v^2) + \left[1 + \left(\frac{\sqrt{g}}{\alpha C} \right)^2 \right] \frac{\partial}{\partial \theta} (v^2 h) = g I_\theta r h - \frac{r \tau_\theta}{\rho}. \quad (12)$$

Приведем полученное уравнение к более простому виду с помощью следующих замен

$$\frac{\tau_\theta r}{\rho} = \frac{v^2 g}{C^2}, \quad I_\theta^* = \frac{\Delta h}{\Delta \theta} = I_\theta r,$$

Кроме того, пренебрежем величиной $\left(\frac{\sqrt{g}}{\alpha C}\right)^2$ ввиду ее малости по сравнению с единицей. Будем считать падение напора на единицу угла поворота русла I_θ^* и r постоянными на протяжении рассматриваемого участка поворота русла, а $\frac{dh}{d\theta} = 0$.

Тогда после введения обозначения $r v^2 h^2 = u$, получим следующее квазилинейное уравнение первого порядка в частных производных

$$\frac{\partial u}{\partial \theta} + 0,75 \frac{\sqrt{g}}{\alpha^3 C} h \frac{\partial u}{\partial r} = g I_\theta^* r h^2 - \frac{gru}{C^2 h}. \quad (13)$$

Можно выполнить приближенное интегрирование уравнения (13) методом конечных разностей. Результаты численного интегрирования уравнения (13) позволяют рассчитать скорости течения реки на ее повороте в любом интересующем сечении, произвести их сравнение с неразмывающими скоростями для слагающего русло грунта или по результатам расчета построить изотахи и линии скольжения для дальнейшего использования формулы (1).

SECTION 8. JURISPRUDENCE

UDC 34

Lavitskaya M.I. The specifics of criminal liability for banditry in the domestic criminal legislation in historical retrospect

Специфика уголовной ответственности за бандитизм в отечественном уголовном законодательстве в исторической ретроспективе

Lavitskaya Marina Ivanovna

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of the Theory of Law and Comparative Law.
Russian State University for the Humanities (Moscow)

Лавицкая Марина Ивановна
доктор исторических наук, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения
Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Abstract. In the article the author examines the issues of establishing criminal liability for banditry in the domestic criminal legislation. At the same time, the author reveals the features of responsibility for the prototype of this criminal act in the pre-revolutionary legislation. The author believes that in pre-revolutionary penal legislation a type of banditry was the perpetration of robberies, and in the mid XIX century and beginning of XX century – the organization of gangs and crimes of this resistant group. The very composition of this crime, which appeared only in Soviet legislation, was understood very broadly for reasons of political expediency: both as a criminal law phenomenon and as political banditry. This was facilitated by the low quality of the study of the Soviet-era NPA and the imperfection of their legislative technique.

Keywords: banditry, organized crime, gang.

Аннотация. В статье автором исследуются вопросы установления уголовной ответственности за бандитизм в отечественном уголовном законодательстве. При этом автор выявляет особенности ответственности за прообраз этого преступного деяния в дореволюционном законодательстве. Автор считает, что в дореволюционном уголовном законодательстве прообразом бандитизма было совершение разбойных нападений, а середине XIX в. до начала XX в. – организация шаек и совершение преступлений этой устойчивой группой. Сам состав этого преступления, возникнув только в советском законодательстве, понимался очень широко по соображениям политической целесообразности: и как уголовно-правовое явление, и как политический бандитизм. Этому способствовало низкое качество проработки НПА советской эпохи и несовершенство их законодательной техники.

Ключевые слова: бандитизм, организованная преступность, банда, шайка.

Наше исследование показывает наличие большого количества источников, посвященных изучению бандитизма в историко-правовом и историческом аспектах, равно как и существование определенного числа исследований взглядов советских исследователей-криминологов по данной проблематике в работах современных авторов. Однако в уголовно-правовой доктрине есть мнение, что научных исследований вопросов истории бандитизма, включая историю его правовой регламентации, явно недостаточно. По мнению некоторых исследователей (А.В. Хадзегов), недостаточная проработка именно вопроса бандитизма в

исторической ретроспективе объясняется несколькими причинами: только в советскую эпоху появившимся на уровне легального закрепления термином «бандитизм», довольно поздно произошедшей правовой регламентацией ответственности за это преступление, эффективным подавлением из-за тоталитарного характера советского государства вооруженных бандформирований, кроме периодов войн и послевоенной нестабильности, переносом исследовательского и общественного интереса с бандитизма на другие, не менее опасные преступные деяния, появившиеся в 90-е годы в период реформ [29; с. 14].

Несмотря на консолидированное мнение исследователей о важности изучения правовых явлений в исторической ретроспективе, в криминологическом сообществе нет единой позиции по вопросу, с какого момента необходимо начинать изучение определенного деструктивного противоправного явления или устанавливаемого за него наказания. Ряд исследователей полагают, что такое изучение должно начинаться только с того момента, как уголовные предписания прошлых эпох приобрели вид, максимально схожий с современным уголовным законом, а предыдущую уголовно-правовую регламентацию ответственности следует считать предысторией развития, «прообразом» какого-либо преступного деяния, как и ответственности за его совершение. Мы придерживаемся точки зрения, что изучение определенного противоправного явления и регламентации ответственности за него должны начинаться независимо от юридико-технического сходства с современными уголовными положениями. Представляется, что детальное сходство в прошлом невозможно и по объективным причинам, обусловленным уровнем законодательной техники в прошлом, и постепенной её эволюцией к началу XX века, когда появились правотворческие приёмы, воспринятые законодателем и сейчас.

Если придерживаться первой точки зрения, то начинать исследование бандитизма надо только с правовых норм советской эпохи, когда этот состав оказался впервые закреплен в кодифицированных актах, а ответственность за него еще и в текущих, и подзаконных советских актах, принятых ранее Кодексов. Однако очевидно, что мысль о преимуществах совершения преступлений групповым способом пришла преступникам в голову значительно раньше, а государственная потребность в защите социума от таких преступлений путём установления ответственности за преступные посягательства, совершенные группой лиц, стала реализовываться ещё в Древней Руси. В «Русской правде», источнике древнерусского обычного права, в ст. 31 и 40 упоминаются наказания за кражу скота, совершенного группой лиц, за него, как правило, предусматривались штрафы для каждого из участников такой группы. По свидетельству И.А. Исаева, наказание для таких преступников было строже, чем за кражу скота, совершенную единолично [7; с. 45].

Н.А. Лисенкова пишет, что в период Древней Руси и в московский период бандитизм фактически «маскируется» под понятие «разбой» [11]. Надо сказать, что многие криминологи и сейчас ставят знак равенства между вооружённым разбоем, совершённым группой, и

бандитизмом [2]. Она же упоминает, что в XVII веке на законодательном уровне появилось понятие «скоп», которое исследовали пытались дефинировать в рамках так называемой «мнимой дефиниции», т.е. путём ограничения от сходных понятий, в частности от термина «заговор», которое также использовалось в законодательстве. По мнению О.А. Кузнецовой и С.В. Нестерова, их следует разграничивать по признаку наличия/отсутствия предварительногоговора, который при заговоре есть, а при скопе – отсутствует [10].

А.В. Хадзегов, также упоминавший о роли Русской правды и Соборного уложения 1649 года в регламентации двуобъектных разбойных посягательств, представляющих собой одновременно преступления против собственности и против жизни и здоровья, связывает эволюцию регламентации ответственности за прообраз бандитизма с Уставом о разбойных и татебных делах и его модификацией от 22.01.1699 г. (Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах), упоминая, что там говорилось про «лихих людей», для которых преступная деятельность становилась ремеслом, осуществляемым на постоянной основе, и установлении ответственности за притоносодержательство, которое способствовало преступной деятельности «лихих людей» [29; с. 15-16].

В развитии законодательства в петровский период сделан был большой шаг вперед в части установления ответственности за соучастие в преступлении и виды соучастия (исполнитель, подстрекатель, пособник, укрыватель, попуститель и недоноситель), причём ответственность была дифференцирована в зависимости от исполняемой роли: наименьшее наказание было определено для пособника [1; с. 155]. Разумеется, язык петровского текста отличался от современной терминологии, но по факту это именно установление ответственности за соучастие с распределением ролей, или продолжение эволюции ответственности за соучастие, если следовать точке зрения А.В. Хадзегова, нашедшего его элементы в Соборном Уложении 1649 г.

О.А. Кузнецова и С.В. Нестеров, пытаясь проследить истоки бандитизма, находят их в корпорациях бродяг и нищенских гильдиях: «Предшественниками современных банд являлись нищенские гильдии и воровские сообщества XIX в.» [10]. С их выводом во многом согласны и социологи, подтверждающие жесткую иерархичную структуру таких организаций, авторитарные методы управления, их сложившуюся отдельную субкультуру, особый механизм рекрутования кадров и процесс инициации новых членов, который занимал длительный шестилетний период, направленный на адаптацию в новой среде и отказ от привычек прежнего социума [8; с. 105].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. [27] появилось законодательное закрепление понятий «шайка», «злонамеренная шайка», «сообщество», но без легального их прояснения. Отсутствие законодательного прояснения этих понятий дало возможность восполнить этот пробел на доктринальном уровне. Н.С. Таганцев пытался дать авторское определение шайки, впервые ставшей легальным термином в 1845 году, хотя,

безусловно, употреблявшимся и ранее, особенно в период крестьянских бунтов и восстаний. Этот исследователь в качестве важных признаков шайки выделил её постоянство в плане субъектного состава и преступный промысел как постоянное профессиональное ремесло [23; с. 335]. Советский учёный Е.П. Ерошкин, соглашаясь с этими двумя выделенными на уровне дореволюционной криминологической доктрины признаками, предлагает свой третий признак шайки – неопределенность преступлений, которые намеревается совершить шайка [4; с. 48], однако анализ законодательного теста не позволяет согласиться с его тезисом безоговорочно. Законодатель выделял несколько видов шайки: во-первых, это сообщество, составившееся для совершения ряда преступлений (ст.ст. 82, 923, 924 Уложения), о котором, собственно, и говорит Е.П. Ерошкин, во-вторых, в ст.ст. 1633, 1639, 1645 Уложения упоминалось еще два вида шаек: сообщество, составившееся для совершения конкретного преступления, и, в-третьих, сообщество, составившееся для совершения преступлений определенного рода (например, воровская шайка, а под «воровством» тогда понимали и кражу, и грабеж, контрабандисты, фальшивомонетчики и пр.). Получается, что третий признак, выделенный Е.П. Ерошкиным, охватывает только шайку первого вида. Однако он сделал ценное замечание, указав, что шайки, действующие на постоянной основе для реализации преступного промысла, еще назывались «соглашением по ремеслу». Современный исследователь А.В. Хадзегов, считая, что на законодательное закрепление «шайки» в значительной степени повлияла немецкая уголовно-правовая доктрина, в которой были выделены говор - скоп - комплот - шайка, отмечает еще один признак шайки – наличие группового, общего умысла, в противоположность умыслу индивидуальному [29; с. 16]. О.А. Кузнецова и С.В. Нестеров также указывают, что термин «ватага» иногда употреблялся в качестве синонима к термину «шайка» [10].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. и во всех последующих его редакциях продолжилось развитие института соучастия, хотя и в этот период текст НПА не обрел современную терминологию: так, зачинщики сейчас называются организаторами, сообщники – исполнителями, подговорщики – подстрекателями и пособниками, но роль каждого из них, как и ответственность за нее, была подробно прописана в законе. Важным обстоятельством, отмеченным И.Я. Фойницким, следует считать введение ответственности и тех субъектов, кто организовал шайку, и тех лиц, кто позднее примкнул к ней [28; с. 121].

Ответственность за участие в шайках во многом была сопряжена с ответственностью за преступные деяния, совершаемые шайками. Характер совершаемых преступлений часто обуславливается локацией их совершения. На приграничных территориях и в портах активную преступную деятельность развивали контрабандисты. Для сельской местности характерными групповыми преступлениями были кражи лошадей, причем у конокрадов в группе были четко распределены обязанности между субъектами: часть отвечала за саму кражу, а часть – за доставку/вывоз и сбыт. В городской среде были сообщества, специализирующиеся на каком-

либо виде кражи (например, на квартирных кражах) или грабежах, которые могли совершаться как с убийством, так и без такового.

В тексте так и не вступившего полностью в законную силу Уголовного уложения от 22 марта 1903г., несмотря на значительное улучшение уровня законодательной техники, практически полностью сохранилась модель групповых преступлений, совершаемых шайками с сопряжением ответственности за них в зависимости от преступной специализации или совершаемых ими преступных деяний в целом (ст. 279 Уложения 1903г.), однако модифицировался их объект. Выделенный в этом НПА объект преступления, которое в советскую эпоху стало бандитизмом, практически полностью, хоть и не в таких выражениях, повторяет его объект в современном российском уголовном законе. Сейчас это преступление против общественной безопасности, в Уложении 1903 года объектом посягательства было обозначено «общественное спокойствие».

Н.А. Лисенкова считает, что термин «банда» является заимствованием из французского, итальянского и немецкого языков, и, пытаясь его дефинировать, на наш взгляд, ошибочно приравнивает банду к скопу, толпе, шайке, воспринимая все эти термины как полностью синонимичные [11], что неверно. Однако стоит согласиться с А.В. Сальниковым, отметившим, что для определения понятия банды в советский период в своей основе была использована дефиниция «шайка», но с определенными количественно-качественными различиями [20; с. 14].

Необходимость принятия НПА, регламентирующих ответственность за бандитизм, после революционных событий 1917 года, была обусловлена целым рядом обстоятельств. Во-первых, большим разгулом преступности, в том числе, и кратно увеличившимся количеством преступлений, совершаемых групповым способом, включая и вооруженные грабежи. О.А. Кузнецова и С.В. Нестеров приводят статистические данные за март-апрель 1916 года и за аналогичный период следующего года, которые показали, что, если в Москве в 1916 году не было зафиксировано ни одного вооружённого грабежа, то годом позднее их только в официальной статистике было отмечено уже 40, а количество убийств и покушений на их совершение официально увеличилось с 4 до 32 [10]. При этом, как представляется, статистика явно неполна как из-за событий, связанных с нарастанием революционного хаоса, которые тогда были в стране, всегда сопровождающихся дестабилизацией общественной жизни, разрушением правопорядка и совершением большого количества преступлений, так и из-за действий Временного правительства, легализовавшего указом об амнистии выпуск на свободу из тюрем большого количества преступников, в том числе, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления. Так, например, из семи тюрем Нерчинской каторги Забайкалья было освобождено более 3 тыс. заключённых, из которых менее 10% были политическими, а остальные – именно уголовными преступниками [24; с. 11-12].

После большевистского переворота, который потом стал рассматриваться как

Октябрьская революция новой власти пришлось столкнуться с разгулом бандитизма и принимать экстренные меры в рамках революционной законности по борьбе с ним. В июле 1918 года дела о бандитизме, наряду с другими тяжкими и особо тяжкими преступлениями, признанными таковыми новой революционной властью, были отнесены к подсудности окружных судов [3], именно в Декрете СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. «О суде», по данным С.М. Максимова, оказался впервые употреблен термин «бандитизм» [12], а в ноябре 1918 г. СНК РСФСР рассматривал этот вопрос применительно к разгулу бандитизма в Москве, вырабатывая меры противодействия, затем в январе следующего года в рамках межведомственного взаимодействия Моссовета, уголовного розыска, МЧК и ВЧК было проведено заседание, по результатам чего создали комиссию, которая должна была в трёхдневный срок представить предложения по обузданию разгула бандитизма. По-видимому, продолжением уже сложившейся практики стало не только упоминание бандитизма в Постановлении ВЦИК РСФСР «О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» от 17 февраля 1919г. [17], но и возможность внесудебной расправы с бандитами на месте преступления. Дефинирование понятия «бандитизм» состоялось в Декрете ВЦИК РСФСР от 20 июля 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», где оно прояснялось с помощью термина «шайка», хорошо знакомого населению из дореволюционного законодательства, а также составов преступлений, совершаемых шайкой (убийств, разбоев и грабежей). К участию в шайке, образовавшей состав бандитизма, отнесли также укрывателей и пособников в совершении вышеупомянутых преступных деяний.

В начале установления советской власти проблемой являлся не только разгул общеуголовной преступности, который признавался и в советской литературе, однако, он объяснялся исследователями проблемами революционного времени и последствиями гражданской войны, а также вызванной ею разрухой. Проблемой, ранее замалчиваемой, но сейчас активно осуждающейся в различных источниках и ставшей известной из архивных данных и мемуарной литературы стал кадровый состав самих большевиков, осуществивших насильственный захват власти и вынужденных её удерживать во враждебно настроенной к ним социальной среде крайне жестокими репрессивными методами и внесудебными средствами расправы, в структуру которого оказались рекрутированы социальные низы дореволюционного общества, включая антисоциальные и преступные элементы. Таким образом, бандиты, как и представители других криминальных «специальностей», оказались и в составе революционных органов, включая ЧК. Понятие бандиты, в сущности, в советских источниках означало чисто политическую дискредитацию лиц, с оружием в руках сражавшихся против большевиков за единую и неделимую Россию против строительства земшарной республики пролетариата, базой для которой должна была стать разрушенная Российская империя, их именовали «белобандитами», и не допускали к ним какой-либо пощады; субъектов, совершивших разбой, убийства и грабежи, этих уголовников рассматривали как социально близких и могли применять

к ним льготы при привлечении к уголовной ответственности по причине правильного социального происхождения. Но и сами представители революционных властей, совершившие, прикрываясь демагогической революционной риторикой, те же самые убийства, разбои и грабежи по отношению к «буржуям» и «бывшим людям», определять которых рекомендовалось не только по принципу прежнего социально-сословного положения, но и руководствуясь революционным чутьём и поступая с ними сообразно революционной законности, были именно бандитами, о чём сейчас всё больше говорят исследователи. Себя власти бандитами, разумеется, не именовали, хотя и героизировали ряд своих сподвижников, бывших по законодательству Российской империи именно организаторами шаек (Г. Котовский), но, судя по мемуарам самих большевиков, впоследствии порвавших с советским большевистским правительством [22], в глубине души они понимали, как именно будут квалифицированы нормальными, а не революционными правоохранительными органами, их деяния. Особенно обострялось это понимание, влекущее за собой заискрывание перед «буржуями», когда приходили вести об активно-результативном наступлении армии белых, и при слухах о скором падении власти большевиков.

Тем не менее, власть большевиков удержалась не без помощи красного террора, который применялся по отношению к людям из всех социальных слоёв, кроме тех, кто на деле доказал большевикам свою преданность, пойдя к ним на службу, и развитие советского государства, несмотря на утопические идеи об отмирании преступности в условиях нового режима, потребовало принятия нового уголовного кодекса, уровень юридико-технической проработанности которого не шёл ни в какое сравнение с законодательством императорской России. Так появился УК РСФСР 1922 г. [25], а нём в ст. 76 произошло дефинирование понятий «бандитизм» и «банда», последнее было семантически проявлено как вооруженная шайка, а объективная сторона состава «бандитизм» включала в себя несколько преступных деяний, начиная с организации банды и участия в ней и заканчивая деяниями этой банды, которые могли выражаться в разбое, ограблениях, либо налётах на частные и советские учреждения, на отдельных граждан, разрушение железнодорожных путей, остановки поездов, безразлично сопровождались эти деяния ограблениями и убийствами или нет.

Образование Советского Союза потребовало принятия нового кодекса УК РСФСР 1926 г., в котором в ст. 59, помещенной в главу «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления», тоже был состав преступления «бандитизм», однако при семантической прояснении понятия «банда» законодатель больше не использовал термин «шайка», исключив также из диспозиции нормы указание на цели бандитизма, поскольку их круг в предыдущем Кодексе был ограничен, имел корыстную направленность, и носил исчертывающий характер, что на практике было, очевидно, не так. В.П. Портнов и М.М. Славин отметили, что цели бандитских нападений могли быть различны, включая хулиганство, изнасилование, убийство и пр. [16; с. 77]

Судебная практика в 30-40-е годы шла по пути расширения составов, охватываемых понятием бандитизма. Так, в 1933 году было предложено квалифицировать как бандитизм кражу личного скота у колхозников, находящихся на колхозных полевых работах, если она производилась систематически, или была осуществлена кулаками и иными классово чуждыми элементами, даже при условии их невооруженности. В Постановлении Президиума Верховного Суда СССР от 14 февраля 1936 г. было сказано о необходимости квалифицировать по ст. 59 УК РСФСР 1926 года как одиночный, так и групповой грабёж, вне зависимости от степени вооруженности субъектов, совершивших его.

Однако к концу 30-х годов признаки вооруженности и устойчивости банды начинают играть важную роль при квалификации деяний по статье 59 УК РСФСР 1926 г. «Бандитизм». В послевоенный период восстания на Западной Украине и в Прибалтике трактовали как политический бандитизм. В целом трактовка бандитизма была крайне размытая. Например, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1953 г. «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях» [26] администрации рекомендовались меры по борьбе с бандитизмом в лагерях, но само понятие, как и «проявления бандитизма», в этом указе совсем не конкретизировались. После успешной борьбы с «лесными братьями» и «бандеровцами» в СССР стали считать, что бандитизм в основном изжит, но отдельные его проявления могут быть в виде совершения корыстно-насильственных вооруженных нападений. В юридической среде рассуждения об «изживании» себя бандитизмом раздавались даже в 30-е годы: «В настоящее время бандитизм находится в состоянии разложения. С одной стороны, он вырождается в воровство, с другой — в измену Родине и террористический заговор» [15].

Сложная ситуация, связанная с крайне широкой трактовкой понятия «бандитизм», сложилась и в судебной практике, которая развивалась противоречиво, что особенно ярко проявилось в вопросе, как квалифицировать иные преступные деяния, совершенные при бандитском нападении: следует ли их квалифицировать по совокупности преступлений или они уже охватываются общим преступным деянием «бандитизм»? Начиная с 1962 года и до 1992 года, советская судебная практика полагала, что дополнительной квалификации не требуется, что принималось и поддерживалось в доктринальной [9] и в учебной литературе [21] исследователями, одобрявшими такой подход высшей судебной инстанции и считавшими, что бандитизм имеет сложную составную структуру, позволяющую ему «поглощать» другие преступные деяния.

Однако такая позиция в советский период была не всегда. Например, по свидетельству Е.А. Маслаковой, судебная позиция, выраженная в Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 25 октября 1959 г. «О судебной практике по делам о бандитизме» [18] применительно к грабежам, убийствам и изнасилованиям, совершенным при нападении банд, гласит, что часть судов правильно квалифицируют эти деяния по совокупности преступлений, а другая часть

полагает, что все эти деяния охватываются понятием бандитизм[13]. Из чего можно сделать вывод о поддержке высшей судебной инстанцией позиции первой группы судов, квалифицирующих именно по совокупности этих составов деяний и бандитизма, однако, как пишет А. Сальников отмечал квалификацию по совокупности бандитизма и хищения, реализуемую на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947г. [20; с. 14-15].

Ранее в совместном Постановлении ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 года также было указано на необходимость квалификации по совокупности по ст. 59 УК РСФСР 1926 года как бандитизм и по Закону от 07.08.1932 года «О хищениях социалистической собственности» как хищение соцсобственности. Последствием реализации именно такой модели квалификации была невозможность применения амнистии к таким осужденным.

Думается, что изменение направленности развития судебной практики было вызвано принятием нового уголовного закона РСФСР и других союзных республик на базе Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [5], поскольку уже в 1962 году применительно к ст. 68 УК Таджикской ССР, где была регламентирована ответственность за бандитизм, в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 20 апреля 1962 г. по делу Оганяна, Бачаева и др. было сказано об отсутствии необходимости квалифицировать преступления по совокупности, если одним из них было совершение бандитизма, при единственном исключении из этого правила: если, помимо бандитизма, было совершено другое, ещё более тяжкое преступление [14].

Позднее эта позиция оказалась дополнительно подтверждена уже для всей страны, а не только для одной её союзной республики: в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» [19] применительно к умышленным убийствам было указано, что совершение умышленных убийств не требует дополнительной квалификации по ст. 102, если были совершены в процессе бандитизма, и они должны квалифицироваться по ст. 77 «Бандитизм» Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. и аналогичным статьям Кодексов союзных республик.

Анализ ст. 77 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. показывает, что бандитскими действиями (т.е. способами совершения бандитизма) законодатель считал, во-первых, организацию вооруженных банд с целью нападения на государственные, общественные учреждения или предприятия, либо на отдельных лиц, во-вторых, участие в таких бандах и, в-третьих, участие в совершаемых бандами нападениях. Из текста Кодекса 1960 г. исчезли такие способы совершения бандитизма как разрушение железнодорожных путей, остановки поездов, что было частым явлением в постреволюционную эпоху и в условиях гражданской войны, и поэтому требовало реагирования от государства жёсткими мерами уголовной

репрессии, но утратило свою актуальность в условиях устоявшегося режима в силу отсутствия таких деяний, что и потребовало устранения из уголовного закона наказания за это деяние. В новом Кодексе понятие «банды» не было легально прояснённым, в отличие от текста ст. 76 УК РСФСР 1922 года, где её понимали как вооруженную шайку, однако раскрывалось в нормативном толковании, данном Верховным судом СССР, через систему признаков, присущих банде. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 17 июня 1960г. было сказано, что «банда представляет собой устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, предварительно сорганизовавшихся для нападений на государственные и общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц». Как видим, довольно чётко просматриваются признаки устойчивости, вооружённости, определенного количественного состава предварительно образовавшейся для нападений группы лиц.

Бандитизм всегда довольно строго наказывался, но в условиях военного и послевоенного времени за совершение таких деяний, как правило, полагался расстрел, что влекло за собой вооруженное сопротивление бандитов при аресте. В 1961 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1961 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон об уголовной ответственности за государственные преступления» произошла корректировка наказаний за бандитизм путём добавления в качестве дополнительной меры наказания возможности применения к таким субъектам ссылки на срок от 2 до 5 лет.

Еще одним важным решением высшей судебной инстанции следует признать данное в 1992 году в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» от 22 декабря 1992 г. нормативное толкование, согласно которому бандитизм уже не охватывал собой умышленное убийство, совершенное при бандитских нападениях, эти деяния должны были уже квалифицироваться по совокупности преступлений: и как бандитизм, и как умышленное убийство. Это пленарное постановление переломило тренд, образовавшийся в советскую эпоху, на расширительное толкование бандитизма и заложило новую тенденцию, позднее подтвержденную в Постановлении Пленума Верховного Суда в постановлении от 27 апреля 1993 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими средствами и ядовитыми веществами», где также было рекомендовано квалифицировать хищения наркотических средств, совершенных бандой, по совокупности преступлений (по ст.ст. 224.1 и 77 УК РСФСР), а не считать, что это входит в состав бандитизма и полностью охватывается ст. 77 УК РСФСР. Сложно сказать, с чем именно связано изменение трендов в правоприменительной практике. Возможно, причиной этого послужила необходимость усиления ответственности за совершенные бандами преступления в условиях, когда наблюдался активный рост, как количественный, так и качественный, бандформирований (по данным, приведенным О.А. Кузнецовой и С.В. Нестеровым, с 73 - в 1988 году до 513 - в 1992 году [10]). Тогда как, когда за бандитизм в советскую эпоху и так чаще всего осуществлялось назначение высшей меры

наказания, то не было необходимости квалифицировать деяния, совершенные бандами, дополнительно по другим статьям. Сходную мысль, частично подтверждающую наш вывод, мы находим и в работе А.В. Иванчина, который связывает «господство» квалификации бандитизма по совокупности преступлений, как с исключением из санкции ст. 209 УК РФ высшей меры наказания, так и попыткой наиболее точно определить наказание, назначив и осуществив его не за «аморфный» бандитизм, а за конкретные преступления, совершенные субъектами в составе бандформирования [6]. По его мнению, при квалификации деяний банды только по ст. 77 УК РСФСР «Бандитизм» чувствовался недобор в квалификации, когда множество (десятки и сотни) преступных деяний были квалифицированы по одной статье. Заметим, что если в пленарном постановлении о бандитизме 1993 года квалификация преступлений по совокупности с тяжкими преступлениями объяснялась неохваченностью составом 77 УК РСФСР «Бандитизм» последствий совершения таких общественно опасных преступных деяний бандформированием, то сейчас, по мнению А. Сальникова, изменение позиции Верховного Суда РФ в пленарном постановлении 1997 года, распорядившемся квалифицировать бандитизм по совокупности с любыми совершенными преступлениями, связано с утратой высшей меры наказания в санкциях ст. 209 УК РФ [2; с. 15].

Таким образом, заложенный законодательный фундамент бандитизма, представляющего собой модифицированный вариант действий шайки, ответственность за организацию которой и участие в ней, как и в совершаемых ею преступлениях, была в дореволюционном уголовном законодательстве, сохранялся в своих основных чертах в течение всей советской эпохи, как и основные признаки бандитизма, который всегда считался особо тяжким преступлением и мог вбирать в себя при квалификации и другие составы преступлений, совершенные при бандитских вооруженных нападениях.

References

1. Безбородов Д.А. О формировании института совместного преступного деяния в российском уголовном праве XVIII века // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 152-156.
2. Быков В. Как разграничить бандитизм и разбой // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 52-53.
3. Декрет СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.
4. Ерошкин Е.П. Самодержавие накануне краха. М., 1975. 160 с.
5. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 6. (утратил силу)
6. Иванчин А.В. О целесообразности исключения из УК РФ ст. 209, 210 и 282.1 // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной преступностью:

Итоговые материалы Всероссийского научно-практического семинара (20-21 января 2004 г.) / Отв. ред. Л.Л. Крутиков. Ярославль, 2004. С. 28-34.

7. Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юристъ, 1996. 544 с.
8. Кравченко А.И. Социология девиантности. М., 2009. 302 с.
9. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М. Госюриздан, 1958. 219 с.
10. Кузнецова О.А., Нестеров С.В. Исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Вестник ТГУ. 2014. № 12 (140).
11. Лисенкова Н.А. История развития бандитизма // Проблемы науки. 2018. № 10 (34).
12. Максимов С.М. Ответственность за организацию преступного сообщества // Законность. 2004. № 2. С. 3-4.
13. Маслакова Е.А. Проблемы квалификации бандитизма в судебной и следственной практике // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4.
14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 20 апреля 1962 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 4.
15. Очерк развития российского уголовного законодательства об ответственности за бандитизм. URL: [http://rustriana.ru/854/BANDITIZM-\(prodolzhenie\)](http://rustriana.ru/854/BANDITIZM-(prodolzhenie)) (дата обращения: 05.09.2020)
16. Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917 - 1922 гг.). М.: Наука, 1990. 166 с.
17. Постановление ВЦИК РСФСР «О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» от 17 февраля 1919 г. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 21 февраля 1919 года. № 40.
18. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 25 октября 1959 г. «О судебной практике по делам о бандитизме» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1959. № 6.
19. Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. № 4 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» / Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. URL: https://litgid.com/read/sbornik_postanovleniy_plenumov_verkhovnykh_sudov_sssr_rfsr_i_rf_po_ugolovnym_delam_3_e_izdanie/page-2.php (дата обращения: 15.09.2020)
20. Сальников, А.В. Уголовно-правовое регулирование ответственности за бандитизм: история, современность и перспективы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2018. 24 с.
21. Советское уголовное право. Общая и особенная части: учебник / под ред. Н.И. Загородникова. М.: Юрид. лит., 1975. 568 с.

22. Соломон (Исецкий) Г. Среди красных вождей. URL:
https://royallib.com/read/solomon_georgiy/sredi_krasnih_vogdey.html - (дата обращения: 05.09.2020)
23. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. / Отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. 1. 380 с.
24. Тарасов А.Д. Бандиты в России. М.: ACT: Астрель, 2005. 384 с.
25. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. URL: <http://constitutions.ru/?p=5341> (дата обращения: 05.09.2020) (утратил силу)
26. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1953 г. «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4878.htm - (дата обращения: 05.09.2020)
27. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/ - (дата обращения: 20.09.2020)
28. Фойницкий И.Я. Курс русского уголовного права. Часть общая. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 440 с.
29. Хадзегов А.В. Банда и состав бандитизма в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд-та юрид. наук: 12.00.08. Ростов н/Д, 2004. 31 с.

UDC 347.9

Rekhtina I.V. Addressing legal uncertainty as a prerequisite for improving the effectiveness of civil justice

Устранение правовой неопределенности как предпосылка повышения эффективности правосудия по гражданским делам

Rekhtina I.V., Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Labor,
Ecological Law and Civil Process of
Altai State University
PhD student at the Institute of Public Administration
and Management RANEPA (Moscow)
Рехтина И.В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового, экологического права
и гражданского процесса
Алтайского государственного университета
докторант Института государственной службы и управления
РАНХиГС (г. Москва)

Abstract. The article explores the effect of the legal certainty of civil procedure legislation and its application on the creation of appropriate conditions for the effective implementation of justice. It is stressed that the lack of legal certainty, namely, its opposite - legal "uncertainty," creates both legislative conflicts and, even more significantly, law enforcement problems, which significantly reduce the accessibility of justice to persons in need of judicial protection. The courts used different procedural rules, using a formalistic approach, jeopardizing the delivery of a lawful and justified judicial act. In order to overcome the state of legal uncertainty and, as a result, to improve the efficiency of legal proceedings, it is necessary to use techniques of legal technique that do not lead to the emergence of causal rules of law. The model of the most general rules is capable of being applicable to any emerging procedural situation, taking into account systemic and targeted modes of interpretation. It is this approach to the construction of the system of legislation, together with the subsequent application of the rules on the basis of internal conviction and judicial discretion, that will ensure the unity of judicial practice.

Keywords: justice, access to justice, efficiency of justice, legal certainty, abuse of procedural rights, civil proceedings, judicial practice, enforcement

Аннотация. В статье исследуется влияние правовой определенности гражданского процессуального законодательства и практики его применения на создание надлежащих условий для эффективной реализации правосудия. Подчеркивается, что отсутствие правовой определенности, а именно, ее противоположность – правовая «неопределенность», порождают как законодательные коллизии, так, что еще более значимо, правоприменимые проблемы, существенным образом снижающие доступность правосудия для нуждающихся в судебной защите лиц. Суды неоднородно используют устоявшиеся процессуальные нормы, применяя формалистский подход, ставя под угрозу вынесение законного и обоснованного судебного акта. В целях преодоления состояния правовой неопределенности и, как следствие, повышения эффективности судопроизводства требуется использование таких приемов юридической техники, которые не влекут появления казуистичных норм права. Модель наиболее общих норм способна быть применимой к любой возникающей процессуальной ситуацией с учетом системного и целевого способов толкования. Именно такой подход к построению системы законодательства вкупе с последующим применением норм на основании внутреннего убеждения и судебской дисциплины позволит обеспечить единство судебной практики.

Ключевые слова: правосудие, доступность правосудия, эффективность правосудия, правовая определенность, злоупотребления процессуальными правами, гражданское судопроизводство, судебная практика, правоприменение

Текущий период характеризуется реформированием как системы судов, так и процессуального законодательства в целом. Некоторые изменения предложены судейским сообществом. Так, ряд проектов федеральных законов, впоследствии внесенные в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, оформлены постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ).

Многие изменения связаны с оптимизацией гражданского судопроизводства, направлены на упрощение процессуальной формы. В действующем процессуальном законодательстве появляются новые виды примирительных процедур, что само по себе может сказаться на количестве рассматриваемых дел, если данные нововведения вкупе с задачей гражданского судопроизводства – формирование партнерских деловых отношений – способствуют урегулированию многих споров еще до обращения в судебные органы.

Однако упрощение процессуальной формы не должно влечь за собой «усложнение» порядка обращения за судебной защитой. Зачастую для обеспечения эффективности правосудия достаточно корректно реализовывать нормы процессуального права, позволяя субъектам максимально в сжатые сроки добиваться рассмотрения гражданского дела. В свою очередь, формалистский подход ведет не просто к затягиванию сроков обращения в судебные органы, но и ставит под угрозу вынесение законного и обоснованного судебного акта вследствие незакрепления распорядительными актами сведений о фактах и других причин, связанными с временным отдалением от событий, породивших конфликтную ситуацию.

Правовая определенность, как многоаспектное правовое явление [3, с. 51], в качестве одного из элементов своего режима подразумевает стабильность. Стабильность выражается в идентичном подходе к применению норм процессуального права. *Res judicata* должен быть своеобразным «стержнем», удерживающим сплав законодательства и практики его применения в период трансформации судебной системы и процессуальной формы. Между тем, практика показывает, что суды достаточно неоднородно используют процессуальные нормы, уже устоявшиеся к этому моменту, порождая новые нюансы обеспечения доступности правосудия. Правосудие может и должно быть «определенным», однако всякая модернизация будет сопровождаться уменьшением эффективности правосудия, если количество рассматриваемых дел будет снижаться по причинам, не зависящим от воли лиц, желающих обратиться за судебной защитой, которая в большинстве случаев им необходима.

Аналитические расчеты, касающиеся эффективности правосудия, не умалятся в случае использования узкого подхода к пониманию категории «правосудие». Так, если последнее рассматривать как деятельность судов, начинающуюся с момента подачи заявления в суд до вынесения итогового акта, которым оканчивается производство по делу, то упускается

существенное звено, не позволяющее значению индекса эффективности отразить реальное положение дел. Следует учитывать, что имеется коэффициент, указывающий на количество дел, производство по которым не началось, однако его субъекты нуждаются в судебной защите нарушенных или оспариваемых субъективных прав.

Неопределенность в части обеспечения доступности правосудия наблюдается в ситуациях, когда реальная защита прав и оспариваемых законных интересов оказалась невозможной. Так, мировой судья судебного участка № 1 Первомайского района Алтайского края неправомерно вынес определение об оставлении заявления без движения. В качестве причин было указано на то, что приложенные «распечатки переписки из мессенджера WhatsApp» не оформлены надлежащим образом, а именно «протокол осмотра соответствующих страниц у нотариуса отсутствует, в иске не указано, что истец в судебном заседании предоставит возможность исследовать переписку с мобильного устройства». Однако при подаче искового заявления такого обязательного требования закон не устанавливает, а оценка доказательств не может происходить на стадии возбуждения гражданского дела.

В описанном случае очевидно наблюдается отсутствие действия принципа *res judicata* в применении норм процессуального права. Резонно говорить об отказе в реализации права на судебную защиту. При условии, что отказ в правосудии можно понимать как ситуацию, при которой суд не рассматривает по существу заявление без достаточных для того законных оснований, можно утверждать, восстановление режима законности не состоялось.

М.К. Трушников указывает на то, что «процессуальные действия по указанию на доказательства, а не по их фактическому представлению предусмотрены в качестве требования, предъявляемого к форме искового заявления» [5, с. 222]. Вряд ли неприложение доказательств может выступать формальным основанием для оставления заявления без движения. Несмотря на упоминание в ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) термина «должен», само по себе доказывание является правом, а не обязанностью лиц, участвующих в деле [1, с. 132]. Предпосылки права на предъявление иска и условия его реализации, нашедшие свое формальное закрепление в ст. ст. 134, 135 ГПК РФ, истцом были выполнены. Обязанность указать на то, что надлежащим образом удостоверенные копии документов будут представлены в судебном заседании, процессуальное законодательство не закрепляет.

Судья при вынесении определения мог указать на необходимость представить в суд определенные документы. У истца имелась возможность собрать необходимые сведения в ходе этапа подготовки дела к судебному разбирательству, равно как и у самого суда. Более того, он имел возможность действовать пассивно, у суда имелись бы основания для отказа в удовлетворении требований, но не для оставления заявления без движения.

Кроме того, фактически суд произвел оценку доказательств, что допускается исключительно в стадии судебного разбирательства. На предшествующих же этапах лишь определяется предмет доказывания и организуется собирание доказательств.

Между тем в данном случае суд фактически вышел за пределы разрешения тех вопросов, которые отнесены именно к стадии возбуждения производства по делу. Тем самым проигнорированы правила о том, что затребовать необходимые для разрешения дела доказательства суд вправе лишь при его подготовке к судебному разбирательству ([ст. 148, 149 ГПК РФ](#)), а при рассмотрении иска по существу - лишь вправе предложить сторонам представить новые (дополнительные) доказательства ([ч. 1 ст. 57 ГПК РФ](#)) [2]. Для судебной практики сохраняет актуальность формально утратившее силу разъяснение: «Недопустим отказ в возбуждении гражданского дела по мотивам недоказанности заявленного требования, пропуска срока исковой давности и другим не предусмотренным законом основаниям» [4, с. 809].

Зачастую наиболее эффективным оказывается простое решение, заключающее в себе оптимальность и рациональность совершаемых действий. Оставив заявление без движения, судья не уменьшил нагрузку, ибо оно будет подано вновь, что обусловит вынесение определения о принятии заявления и подготовке дела к судебному разбирательству. Напротив, совершением необязательных процессуальных действий повлечет снижение эффективности правосудия вследствие дополнительных расходов, понесенных судебным органом. Помощник судьи, готовивший проект, нес и временные потери, которые потенциально негативно могут оказаться на иных рассматриваемых дела. Искомая оптимальность в данном случае кроется в правильном толковании, а именно уяснении норм процессуального права, чего не обнаружилось в рассматриваемом случае. Это выступает ключевым фактором при определении итогового значения эффективности правосудия.

Иная по сути, но схожая по модели, ситуация наблюдалась при вынесении определения о возвращении искового заявления Железнодорожным районным судом г. Барнаула. Основанием для совершения подобного процессуального действия, по мнению суда, послужил тот факт, что цена иска не превысила пятьдесят тысяч рублей. Сей факт представлялся бы логичным, если не то обстоятельство, что истец помимо прочего заявил требование о компенсации морального вреда. В этой связи определенные сомнения вызывает выбранная судебная позиция, поскольку ч. 1 ст. 23 ГПК РФ с оговоркой, предусмотренной ч. 2 ст. 23 ГПК РФ, закрепляет формально исчерпывающую компетенцию мировых судей, исключая возможность рассмотрения дел о возмещении морального вреда. Словно игнорируя указанное обстоятельство, суд также отказал в реализации права на судебную защиту.

Под еще большим вопросом оказывается эффективность правосудия с учетом того обстоятельства, что истцу было рекомендовано обратиться к мировому судье соответствующего судебного участка. Последний, однозначно толкая и руководствуясь ст. 23 ГПК РФ, совершил

крайне ожидаемое процессуальное действие по возвращению искового заявления. Сам же истец оказался в процессуальном «тупике». Причина описанной ситуации, сводящей возможность достижения задач гражданского судопроизводства к минимуму и повышающей временные и денежные затраты, а также человеческие ресурсы, вновь кроется не просто в отсутствии правовой определенности, а в невозможности обеспечения действия данного режима к нормам, функционирующим достаточно длительный период и имеющим, казалось бы, устойчивую практику применения.

Одним из факторов, влияющих на нестабильное применение императивных, на первый взгляд норм, являются позиции, формируемые Верховным Судом РФ. Так, в Постановление Пленума от 20.12.1994 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», указано, что при рассмотрении дел о компенсации причиненных нравственных или физических страданий необходимо учитывать, что моральный вред признается законом вредом неимущественным, несмотря на то, что он компенсируется в денежной или иной материальной форме». Суд вправе рассмотреть такое требование и в качестве самостоятельного, поскольку в силу действующего законодательства ответственность за причиненный моральный ущерб не находится в прямой зависимости от наличия имущественного ущерба и может применяться как наряду с имущественной ответственностью, так и самостоятельно.

С другой стороны, существуют и другие, в том числе нашедшие определенную поддержку среди правоприменителей, позиции, однако, обладающие на наш взгляд определенной дискуссионной составляющей. Так, предлагается исковое заявление о компенсации морального вреда подавать мировому судье, если одновременно с требованием имущественного характера на сумму не более 50 000 руб. заявлено производное от него требование о компенсации морального вреда.

На данном этапе не столь важно собственно решение вопроса о подсудности и анализ всех положительных и отрицательных сторон соответствующего вывода. Сколь важно установление единых критериев к решению вопроса по описанной ситуации, поскольку мировой судья после возвращения искового заявления районным к рассмотрению последнего не приступил. В этом и наблюдается определенная непоследовательность в толковании давно существующих норм права, влекущая несоблюдение принципа правовой определенности и сказывающаяся на эффективности правосудия.

Резонный вопрос: является ли подобная ситуация вновь возникшей? Еще один: закономерна ли тенденция или же речь о единичных ошибках? Ситуация, действительно, не новая, и вряд ли речь просто об ошибках, поскольку приведенные примеры встречаются достаточно часто в судебной практике.

В данном случае речь идет не просто о неправильном применении норм процессуального права. Дело в том, что эффективность правосудия понижается не просто по

конкретным делам, а способна сойти на минимальные значения, в случае если текущее реформирование процессуального законодательства будет возводиться на «непрочном фундаменте». К сожалению, подобная неопределенность «запускает» сложный маховик негативных социальных последствий. Субъекты лишаются возможности восстановить свои субъективные права и получить защиту законных интересов, что обуславливает последующую инертность в участии в гражданском обороте.

В целях преодоления состояния правовой неопределенности и, как следствие, повышение эффективности судопроизводства требуется использование таких приемов юридической техники, которые не влекут появления казуистичных норм права. К сожалению, этот путь совершенно непродуктивен. Процессы деактуализации будут происходить моментально с развитием самой процессуальной формы, что повлечет лишь необходимость новых изменений. Кроме того, возможность расширительного и системного толкования в таком случае объективно снижается.

Напротив, модель наиболее общих норм способна быть применимой к любой возникающей процессуальной ситуацией с учетом системного и целевого способов толкования. Именно такой подход к построению системы законодательства вкупе с последующим применением норм на основании внутреннего убеждения и судебской дискреции позволит обеспечить единство судебной практики. Использование общих, зачастую бланкетных, норм не является причиной ущемления субъективных прав. Рассмотренные выше примеры свидетельствуют об обратном – даже наличие однозначных правил поведения не влечет абсолютно безошибочных действий. Имея возможность обеспечения вариативности поведения, судебные органы максимально эффективно используют основные начала и идеи гражданского судопроизводства.

References

1. Боловнев М.А. Противодействие злоупотреблениям гражданскими процессуальными правами. Барнаул: АлтГУ, 2018. – 220 с.
2. Журбин Б.А. Групповые и производные иски в судебно-арбитражной практике // СПС «Гарант», 2009. Электронный ресурс. https://www.studmed.ru/zhurbin-ba-gruppovye-i-proizvodnye-iski-v-sudebno-arbitrazhnoy-praktike_007d33e9162.html
3. Рехтина И.В. Многоаспектный характер категории «правовая определенность» в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2019. № 7. С. 51 – 55.
4. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по гражданским делам / сост. А.П. Сергеев. – М.: Проспект, 2000.
5. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2004. – 272 с.

SECTION 9. MEDICAL AND HEALTH SCIENCES

UDC 619:615.284

Polnikova K. Development and experimental evaluation of a medicinal anthelmintic agent of the benzimidazole group

Polnikova Ksenia,

Graduate Student of the Faculty of veterinary medicine
Stavropol state agrarian University
Scientific adviser

Orobets V. Doctor of veterinary Sciences, Professor,
Head of the Department of therapy and pharmacology
Stavropol state agrarian University

Abstract. Currently, a large number of anthelmintic drugs of different composition and with different mechanisms of action are known. However, there are certain difficulties in choosing drugs due to the high price, inconvenient method of application and possible side effects. To provide a radical anthelmintic effect, a dosage form is needed that will reduce the negative impact of the benzimidazole group on intact tissues. As a carrier of the active substance, microvesicles of a living organism – exosomes-are proposed. Immobilization of drugs on nanocarriers allows to increase their bioavailability, improving solubility and ensuring overcoming of various barriers, to reduce the negative impact on the body as a whole, affecting the damaged area.

Keywords: benzimidazole group, drug, active substance, veterinary pharmacy, helminthiasis.

Helminthiases cause great economic damage to livestock enterprises. The monetary losses of farms are due to the death and forced slaughter of animals, a decrease in all types of their productivity, safety and breeding value, as well as the costs of quarantine and medical measures, a decrease in the sale of livestock products [1, 2].

Currently, a large number of anthelmintic drugs of various compositions and with different mechanisms of action are known. However, there are certain difficulties in the choice of drugs due to the high price, inconvenient method of use and possible side effects. In connection with the widespread occurrence of helminthiases, the need for the development of new highly effective anthelmintic agents that are easy to use and safe for animals is increasing [4, 5].

Modern veterinary pharmacy is developing rapidly. New research is underway for various drugs. An analysis of the literature data indicates that the search and development of antiparasitic agents for animals is an urgent task. It is important to ensure high-quality and safe deworming of animals with minimal influence of stress factors on them [2].

New anthelmintic drugs must meet the basic requirements of veterinary practice: they must be characterized by low toxicity for warm-blooded animals with no pronounced side effects on the

host animal organism, high efficiency of specific action, and activity against different phases of helminth development [4].

Known methods of treating animal parasitosis are based on the use of a wide range of drugs, many of which, due to their poor solubility, often do not provide the required effectiveness. Drugs of the benzimidazole group possess the most effective anthelmintic effect. The drug of the benzimidazole group binds to the cytoplasmic tubulin of the helminth, inhibits the polymerization of tubulin for the formation of microtubules, and disrupts the micro tubular function, mitochondrial metabolism, which leads to the death of the parasite [6, 9].

On the modern pharmaceutical market, there are drugs based on the benzimidazole group: Zentel (Farmakler, France), Gelmodol-VMt (World Medicine Limited, Great Britain), Nemozol (Ipka Laboratories Limited, India). The negative effect of these drugs consists in low bioavailability, high toxicity due to long courses of treatment. Basically, these drugs are purchased abroad, and imports greatly increase the cost of drugs.

To provide a radical anthelmintic action, a dosage form is needed that will reduce the negative effect of the benzimidazole group on intact tissues. Microvesicles of a living organism – exosomes – have been proposed as a carrier of the active substance [8, 9, 10].

Immobilization of drugs on nanocarriers allows increasing their bioavailability, improving solubility and providing overcoming of various barriers, reducing the negative effect on the body as a whole, affecting the damaged area. An important additional advantage is the prolongation of the anthelmintic action. The size of exosomal particles varies in the range from 100 to 120 nm, the negative surface charge of stable exosomes ranges from -14.8 ± 1.55 to -12.0 ± 0.15 mV [7, 10].

The successful use of nanoparticles as carriers of drugs depends on their ability to penetrate anatomical barriers by increasing the level of adsorption and intracellular delivery of drugs; long circulation time, good biocompatibility, as well as weak or no toxicological properties and optimal timing of excretion from the animal body. The above parameters determine their unique properties also due to the larger specific surface area and strong adhesive properties [9, 10].

Antiparasitic drugs are placed in nanocarriers physically or chemically through adsorption, encapsulation and conjugation. The therapeutic effect of drugs is realized during desorption, dissolution or destruction of complexes [6, 7].

A new dosage form of an anthelmintic drug based on a benzimidazole derivative has been developed. As an active ingredient, albendazole is used - a drug of anthelmintic action of the benzimidazole group (white or whitish powder, soluble in dimethyl sulfoxide, strong acids and alkalis, poorly soluble in methyl alcohol, chloroform, ethyl acetate, practically insoluble in water). The anthelmintic drug under development will reduce the negative effect of the benzimidazole group on intact tissues. Immobilization of drugs on nanocarriers allows increasing their bioavailability, improving solubility and providing overcoming of various barriers, reducing the negative effect on the

body as a whole, affecting the damaged area. An important additional advantage is the prolongation of the anthelmintic action.

The result of the implementation of this project will be an experimental sample of a drug with a pronounced anthelmintic effect.

It is planned that the use of a new modified dosage form of anthelmintic action will reduce the toxic effect on the body by 71,5%, but this will increase the selectivity by 62,3% and the bioavailability of the active substance by 93,3%. The use of this dosage form will allow the drug to be used even during pregnancy and lactation, without fear for the life of the fetus. By increasing the therapeutic effect by 78,5%, in contrast to the existing analogues on the pharmaceutical market, the terms of treatment of the disease will be reduced to 14-28 days. The use of a new modified dosage form of anthelmintic action will reduce the toxic effect on the body compared to Zentel - by 70,1%, Gelmodol-VMt - by 67,3%, Nemosol - by 68.4%, and selectivity will increase by 49,6, 61,1 and 58,7%, respectively. Due to an increase in the therapeutic effect compared to Zentel - by 73,4%, gelmodol-VMt - by 72,7%, nemosol - by 75,2%, the treatment period for echinococcosis will be reduced to 28 days (for analogues, the treatment period is from 6 months, depending on the severity of the disease). The unit cost of the proposed dosage form will be 53,8 rubles.

The cost of the proposed dosage form will be lower compared to Zentel - by 81,5%, gelmodol-VMt - by 72%, nemozol - by 70%, and bioavailability will increase by 57,9; 62,1 and 59,3%, respectively. An undeniable advantage will be the absence of the need for export from abroad.

A new exosomal form of an exosomal drug of anthelmintic action of the benzimidazole group must comply with state quality standards for drugs.

References

1. Varlamova A. I., Arkhipov I. A., Khalikov S. S. New directions in the creation of innovative antiparasitic drugs // Theory and practice of combating parasitic diseases. 2020. No. 21. P. 72 - 80.
2. Gerunova LK, Tarasenko AA, Lukuttsova KA New directions in the search for anthelmintic agents for animals // Veterinary Pharmacological Bulletin. 2020. No. 2 (11). S. 40 - 48.
3. Mamykova OI Dose-dependent side effect of albendazole on the reaction of cellular immunity. selective mechanism of immunobiological action of a combination of recombinant interleukin 2 (roncoleukin) and albendazole // Theory and practice of combating parasitic diseases. 2015. No. 16.P. 239 - 242.
4. General principles of preclinical assessment of anthelmintic drugs for veterinary use / N. P. Biryukova., T. V. Bakhmutova., E. V. Lysenko., V. V. Napalkova // Russian journal of problems of veterinary sanitation, hygiene and ecology. 2018. No. 4 (28). S. 85 - 94.
5. Creation of anthelmintic drugs of increased efficiency on the basis of intermolecular complexes of active substances with water-soluble polymers, including polysaccharides / S. S.

Khalikov, Yu.S. Chistyachenko., A. V. Dushkin., E. S. Meteleva // Chemistry for sustainable development. 2015.Vol. 23.No. 5.P. 567 - 577.

6. Suslov VV Prolonged forms of anthelmintic drugs // Russian parasitological journal. 2016. No. 4 (38). S. 115 - 125.

7. Tamkovich SN, Tutanov OS, Laktionov PP Exosomes: mechanisms of origin, composition, transport, biological activity, use in diagnostics // Biological membranes. 2016.Vol. 33.No. 3.P. 163 - 175.

8. Physiology and pathology of extracellular vesicles / M. A. Panteleev., A. A. Abaeva., D. Yu. Nechipurenko., S. I. Obydenny., A. N. Sveshnikova., A. M. Shibeko // Oncohematology. 2017.Vol. 12.No. 1.P. 62 - 70.

9. Khalikov SS, Dushkin AV, Arkhipov IA Targeted delivery systems for anthelmintic drugs based on benzimidazoles // International Scientific and Practical Conference "Biotechnology and Quality of Life": collection of articles. scientific. tr. based on the materials of the conference. 2014.S. 198 - 199.

10. Exosomes: from biology to clinic / E. M. Samoilova., V. A. Kalsin., V. A. Bespalova., V. M. Devichensky., V. P. Baklaushev // Genes and cells. 2017.Vol. 12.No. 4, pp. 7 - 19.

SECTION 10. PEDAGOGY, LANGUAGE AND CULTURE IN EDUCATION

UDC 37

Breusova E.I., Gladiy A.A. The potential of proverbs and sayings in the process of teaching foreign-language children in Russian lessons

Потенциал пословиц и поговорок при обучении детей-инофонов на уроках русского языка

Breusova Elena Ivanovna

Candidate of Philology,

Associate Professor of the Department of Philological Education and Journalism,
Surgut State Pedagogical University

Gladiy Alena Alexandrovna

2nd year student of the Faculty of Philology,
Master's program "Teaching the Russian language
in a multi-ethnic environment "

Surgut State Pedagogical University

Бреусова Елена Ивановна

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры филологического образования и журналистики,
Сургутский государственный педагогический университет

Гладий Алена Александровна

Студент 2 курса филологического факультета,
Магистратура «Обучение русскому языку
в полиглоссической среде»

Сургутский государственный педагогический университет

Abstract. The article discusses the possibilities of using proverbs and sayings in the educational process in the Russian language. Proverbs and sayings are authentic material with broad educational potential. The purpose of this study is to study the role of proverbs and sayings as a means of developing the phonetic skills of schoolchildren in the Russian language of foreign children. Careful selection of authentic language material, the use of appropriate methods and techniques contribute to the effective development of students' listening and pronunciation skills.

Keywords: proverbs, sayings, phonetics, teaching method, russian language

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования пословиц и поговорок в учебном процессе по русскому языку. Пословицы и поговорки представляют собой аутентичный материал, обладающий широким образовательным потенциалом. Целью данного исследования является изучение роли пословиц и поговорок как средства развития фонетических навыков школьников при русскому языку детей-инофонов. Тщательный отбор аутентичного языкового материала, использование соответствующих методов и приемов способствуют эффективному развитию слухо-произносительных навыков обучающихся.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, фонетика, метод обучения, русский язык

Актуальность проблемы адаптации детей из семей социальных мигрантов в настоящее время не вызывает сомнений. Сегодня в практике в основном рассматривают вопросы выхода детей данной категории общества из посттравматического состояния миграционного процесса и преодоление трудностей общения и обучения таких детей. На настоящий момент проблемы языковой адаптации остаются недостаточно разработанными.

Существуют следующие трудности обучения детей-инофонов, так называемых билингвов, русскому языку как иностранному:

1) дети-инофоны, билингвы не говорят или плохо говорят на русском языке, а педагогам надо обучать, поэтому их в вводной группе с русскоязычными детьми;

2) дети-инофоны поступают в образовательную организацию и не могут освоить программу, без специальной подготовки.

3) педагоги не знают методики работы с билингвами, не знают их родного языка, поэтому и обучение происходит без учета родного языка;

4) нет базовых программ обучения детей инофонов (билингвов) в русскоязычных детских садах (школах), нет методических пособий, специальных учебников, специальной подготовки по работе с билингвами у педагогов.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом основного общего образования изучение русского языка в основной школе направлено на формирование языковой личности, то есть личности, владеющей всеми видами речевой деятельности, способной на речевые поступки [1:8].

В настоящее время в связи с продолжающейся миграцией населения в образовательных учреждениях Российской Федерации наблюдается значительное увеличение классов с полиэтническим составом учащихся. Главная особенность, обуславливающая трудности при обучении русскому языку детей-мигрантов, состоит в явной интерференции [2:39].

В связи с этим одной из основных целей обучения произношению на уроках русского языка является формирование слухо-произносительных навыков у обучающихся-инофонов. На начальном этапе используется ознакомление со звуками, а затем их осознанная имитация, тренировка в произношении, чтобы формировать навыки устной речи. Для осуществления этой цели эффективным представляется использование пословиц и поговорок русского языка, которые помогут не только освоить произносительные эталоны, но и познакомят обучающихся с важным лингвокультурологическим материалом, отражающим богатство русского языка. При изучении фразеологизмов у обучающихся происходит моделирование изучаемых объектов, что облегчает познание специфики языка, формирует системное представление о русском языке [3:106].

Владимир Иванович Даля отмечал, что пословицы – «краткое изречение, поученье, более в виде притчи или житейского приговора. Пословица есть особь языка, ходячий ум народа». Поговорка, по определению Даля, «складная, короткая речь, ходячая в народе, но не составляющая полной пословицы; условный оборот речи, обычный способ выражаться» [Цит. по 5].

Говоря о пословицах и поговорках как о языковом явлении, нельзя не отметить их ритмизированность, грамматическую законченность, усложнённую артикуляцию и краткость.

Таким образом, они могут служить для отработки трудных русских звуков и сочетаний, а точнее тех, которые отсутствуют в родном языке обучающихся.

Примером противопоставления по глухости – звонкости ([з] – [с]) могут служить пословицы: *Назвался груздем – полезай в кузов; как оса, лезет в глаза.*

Трудные для произнесения заднеязычные [к], [г], [х] рассматриваются в противопоставлении по твердости – мягкости [к`], [г`], [х`]: *Близок локоток, да не укусишь; кошке игрушки, мышке слезки; нет хуже хулы, чем в глаза похвали.*

Для дифференциации и постановки звуков [р], [л] и их автоматизации можно использовать следующие пословицы как фонетический материал: *Терпенье и труд все перетрут; семь раз отмерь – один отрежь.*

Следующие пословицы помогут в работе над постановкой и автоматизацией шипящих и различению [ч`], [ц], например: *Щи да каша – пища наша; не быть бы счастью, да несчастье помогло.*

Аутентичный материал может использоваться в начале, в середине и в конце урока, таким образом обеспечивая закрепление и дальнейшее узнавание звуков. В начале урока мы можем использовать пословицы и поговорки как фонетическую зарядку; в середине урока – как дополнение к содержанию урока. В конце урока аутентичные материалы используются как повторение и закрепление усвоенных звуков.

Например, если взять пословицы и поговорки, в которых встречаются заднеязычными звуками [к], [г], [х], то можно предложить такие упражнения в системе, как:

1. Повторение пословиц и поговорок за диктором.
2. На этапе работы с текстом предложить задание «Охарактеризовать героев рассказа».
3. Далее можно использовать обратный диктант: дети работают в парах, у каждого ребенка отсутствуют разные слова.
4. На конечном этапе урока обучающиеся могут составить диалоги, используя пословицы и поговорки [4:54].

Таким образом, использование пословиц и поговорок на занятиях по фонетике помогает освоить звуковую, акцентно-ритмическую систему русского языка, автоматизирует сформированные знания и умения, а также в целом является эффективным средством изучения русского языка как неродного и освоения культуры русского народа. Внедрение аутентичного материала на уроках русского языка способствует развитию произносительной стороны речи обучающихся в целом, воздействуя на артикуляцию каждого отдельно взятого звука, помогает скорректировать пробелы в фонетике.

References

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: [приказ Министерства образования и науки России от 17.12.2010 № 1897 (ред. от 29.12.2014)]: офиц. текст. – М., 2013. – 41 с.
2. Кулехова А.М. Формирование фонетических навыков на уроках русского языка при работе с детьми-инофонами // Труды братского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2019. – т.1. – С. 39-42.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта, 2010. – 288 с.
4. Белкина, М.Ю. Задания для совершенствования фонетических навыков // Иностранные языки в школе. – 2006. – №5. – С. 53-54.
5. Пословицы и поговорки // Онлайн-библиотека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://licey.net/free/>.

UDC 37

Erkhankzy A., Ospanova S.S. The role of distance education in learning English

Erkhankzy Aigerim

Ospanova Saltanat Sadykovna

English teachers

School «Murager» with specialized classes for gifted children with training in three languages

Kyzylorda, Kazakhstan

Abstract. Distance education is the education with using massive information and scientific approaches. Recently, the distance education system in the country makes it possible to use language teaching widely.

Distance education aids are increasingly being introduced into the educational process. In particular, they give such directions: increasing the intensity of classes; expansion of content; the construction of individual trajectories for each student, taking into account his abilities and the motivational-value sphere of the personality; intensification of students' independent work.

Keywords: distance education, communication technologies, distance learning technologies, factors in successful distance education, types of traditional motivation

Distance education is a form of learning with the use of mass information and scientific approaches. Distance education is carried out using information and communication technologies and telecommunications with indirect (distance) or incomplete indirect interaction between a student and a teacher; Although distance learning has appeared recently, it has already become a serious educational element. This type of training is gaining popularity due to a personal approach, taking into account the student's self-esteem, motivating him and using the latest technological tools in the learning process. And now, in order to further increase the effectiveness of distance learning methods, it is time to develop a holistic concept for creating tools for working with the English language. In Europe at the end of the 18th century, with the advent of a regular and affordable postal service, "correspondent training" arose. Students received educational materials by mail, corresponded with teachers and passed exams to a trusted person or in the form of scientific work. This method appeared at the end of 19th century. The advent of radio and television has revolutionized distance learning methods. It was a significant breakthrough, the audience of the training increased hundreds of times. Many people still remember the educational television programs that were broadcast since the 50s. However, television and radio had a significant drawback - the student did not have the opportunity to receive feedback.

The pioneers of satellite distance learning technologies in the 1990s were the Knowledge International Association and its collective member, the Modern Humanitarian Academy.

The demand for distance learning dates back to the 80s, when the Internet appeared. In virtual life, we communicate, receive and buy information and we make deductions. In the 21st century, the availability of computers and the Internet makes distance learning even easier and faster to spread.

The Internet has become a huge breakthrough, far larger than radio and television. Now it is possible to communicate and receive feedback from any student, wherever he is. The spread of the "fast Internet" made it possible to use online seminars (webinars) for training

Distance learning plays an increasing role in the modernization of education.

It is too early to talk about the widespread use of distance learning in most country, to talk about full-fledged distance learning, both schools and students' homes must have good hardware and software. Moreover, the quality of communication should be high, we still have that weakness. Of course, the computer base of educational institutions will be further expanded and improved, but nevertheless, it is necessary to make full use of the available tools and try to make the most of their capabilities. In conclusion, the introduction of information and communication technologies in the educational process is a difficult task, both technically and psychologically. However, new information technologies are widely used in the educational system of the world. In connection with the great attention is focused on radical changes in English Language teaching methodology. With the advent of online education the relationships between the students and teachers become more open and cooperating, because the students get more involved, interested and motivated in learning foreign languages. Apart from this, the main components of distance education are briefly considered.

The use of information technology and new methods of education through computer networks is expanding. The most important factor in the application of new information technologies in the education system is the main driving force - the person, so the basic principles of education must be implemented. In this regard, the necessary conditions must be created for the development of human creative potential. There are two components of distance learning: learning management and independent learning. Distance learning forms the student's independent learning, changes the attitude of parents to new technologies.

In particular: setting goals and objectives; consideration of emerging issues; transfer of knowledge, experience; organizational activities; organization of interaction between students; control of the educational process. Thus, distance learning has stimulated the English learners' interest in self-education and information retrieval, formed skills and increased knowledge, skills and hard work

Nowadays distance education has been teaching learners a lot. We are working with a remote computer with a high degree of competence, practicing it, providing students with information on their subject and developing students' skills in using resources in information systems. At the same time, the students learn to work independently in the learning process at a convenient time, place, at an effective pace. Masters the techniques and methods of independent work, the basics of self-education at a high level. At the same time, on the basis of TV-technologies, the distance learning process is supplemented and provided in contact with the subject teacher. Distance learning is a difficult and responsible task for parents. Parents began to monitor the progress of the learning

process, to search for their children on their own, and to monitor the implementation of tasks. or have opened communication via video conferencing.

Distance education has increased the responsibility of this trio (teacher - student parent).

It contributes to the future of each person's life, self-education and spiritual development. As in the past the child heard direct information from the teacher, now there are times when the student is surprised by the teacher's knowledge and learns from the student when the teacher reads and learns on his / her own, under the guidance of the teacher. The main task of the learners of distance education technology is to manage themselves by working independent work. The student may be able to complete an online lesson faster than a traditional curriculum suggests. This can be especially beneficial for students who are accustomed to staying ahead of the assignment plan. He will no longer have to get bored in joint lessons and analyze 100 times what others did not understand.

In actions of learners in distance education some students need a "magic kick" from the side to get to the class where the lesson is held. Learning a language in a comfortable home atmosphere can sometimes be discouraging, which leads to frequent absences and neglect in general. One of the most important factors in successful distance education is the correct motivation of the student. The online student spends most of the time in the independent mastering of the material. This requires concentration of attention, perseverance, a desire to learn. In distance education, many types of traditional motivation do not work as effectively as in a traditional school. But some, on the contrary, acquire special significance for the students. An important role is played by the dialogue between

teacher and student. Both written and oral online communication is necessary for the student to receive quality feedback in online lesson. These skills stimulate students further.

As a result of the work, I realized that there are many methods of learning English during distance education, but each student must have motivation exactly that will achieve the aims of learning English. In any case, remember that whatever learning you have crossed, you should control yourself and manage your every work. And know that the best way to learn English language correctly is to learn it with pleasure!

References

- 1.Брегеда И.Д. Синтез педагогических и информационных технологий в дистанционном обучении / И.Д. Брегеда, С.П. Грушевский, Е.Б. Крымская // <http://ims2000.nw.ru/src/TEXTI2.HTML>
- 2.Бухарова А.В. Развитие теории и практики дистанционного образования в России и за рубежом в 80-е годы XX -начала XI века: Дис. канд. пед. наук / А.В. Бухарова.- Саратов, 2002.
- 3.Галиулина Т.Н. “Обучение иностранному языку с помощью новых информационных технологий”. Материалы Региональной Научно-практической конференции “Английский язык в системе “Школа - Вуз”, Новосибирск, 20 июня 2003 г.
- 4.Апанович Е.В.Методика формирования учебного умения самостоятельно активизировать языковой материал: Автореф. дис. канд. пед. наук / Е.В. Апанович.- Иркутск, 2003.
- 5.Москвин А. Ю.Англо-русский и русско-английский словарь наиболее употребительных слов и выражений. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.
- 6.Толковый словарь русского языка начала ХХ1 в. актуальная лексика / Ред. Г.Н. С кляревская. М., 2006
- 7.<https://cyberleninka.ru/article/n/distance-learning-for-developing-knowledge-and-skills-in-english-language-teaching>
8. <https://www.coursera.org/lecture/e-learning/what-is-self-management-and-its-importance-in-online-learning-pVrje>
- 9.<https://www.dissercat.com/content/metodika-distsantsionnogo-ucheniya-v-angliyskom-yazyke>...
content › metodika-distsantsionnogo-ucheniya-v-angliyskom-yazyke
- 10.<https://www.britannica.com/topic/distance-learning>
<https://skyteach.ru/2020/04/18/distance-learning-best-tools-for-online-lessons/>

UDC 37

Iskakova A.T., Tayar A.K., Ossipova G.A. The use of information technologies in teaching english

**Iskakova Aiganyym Tulegenovna
Tayar Assem Karzhovkyzy**

English teachers

School «Murager» with specialized classes for gifted children with training in three languages

Ossipova Gulmira Aubakirovna

English teacher

School-lyceum № 264 after T.Essetov

Kyzylorda, Kazakhstan

Abstract. This article touches upon the problem of the use of information technologies in interactive teaching of English. Online education is considered as a type of interactive teaching.

Keywords: Skype, teaching via the Internet, information technologies, online education, learning English

Currently, as part of the change in the education system, the introduction of information, computer and Skype technologies in the educational process is actively being carried out. The use of Skype technologies, in particular in the process of teaching foreign languages, is an indispensable resource for improving the quality of education and developing the communication skills of students.

The use of interactive learning methods began with regular visual aids, posters, maps, models, etc. Today, modern interactive learning technologies include the latest equipment:

- interactive boards;
- tablets;
- computer simulators;
- virtual models;
- plasma panels;
- projectors;
- laptops, etc.

Also, modern information technologies are a leading tool in distance learning, since this type of training is possible only if there is an Internet connection and a computer. Interaction between the trainees and the teacher in the remote training system involves the exchange of educational material, messages by mutual sending them to the addresses of correspondents through computer networks.

There is another format in the field of distance learning, which has become its logical continuation with the development of the Internet and digital technologies - this is online training. Online training is the acquisition of knowledge and skills using a computer or other gadget connected

to the Internet. The most important difference between online learning and distance learning is that, the student communicates and consults with the teacher live, performs tasks "here and now"

In order to teach and learn online, it is necessary to take care of the technical side of the training process, without which this training format will not be feasible.

Resources needed for online teaching:

- Computer with camera and microphone. To improve the quality of audio communication (avoid interference and foreign sounds), you need to purchase headphones with a microphone. You should also set up headphones/speakers and check the microphone before taking classes. The camera should be set so that the teacher is clearly visible, for this the lighting in the room should be bright.

- High-speed Internet connection. Speed of Internet connection depends on what types of connections you use.

Skype (Viber, Discord, ooVoo, TeamSpeak и др.). There are many programs for voice communication and video calls. For yourself, you need to decide what functions you need for quality work. Note the following features: audio and video conferencing, the allowed number of people in the conference, the ability to send instant messages, presence indication, encryption and recording of conversations.

After analyzing existing Internet technologies and the possibility of their use for training purposes, we decided to use Skype, as it best meets our requirements. Moreover, in this program there are functions - display of the screen and presence indication. The obvious advantage of using this program is that many Internet users are already familiar with Skype, and some actively use it.

- TeamViewer. For some tasks, a teacher or student must be able to remotely manage a computer or jointly solve a task. With the help of the TeamViewer program, this becomes possible. In addition, during remote control, it is possible to use a white board, which contains a variety of shapes, handles, markers and dialog bubbles.

- Google Services. In addition to super-popular projects like Gmail, Youtube and Google Translate, Google has developed several lesser-known, but very interesting services. One of them is the Google Documents service, it allows you to create documents and work on them with a student. By submitting your homework, you can easily track when the student was doing it and make corrections in the same document. A huge advantage of Google platform is cloud storage information. By storing information in the cloud, you don't have to worry that all files might be deleted from your computer. Moreover, it became possible to send information from anywhere in the world.

As can be seen from the technical side of training, it is not so easy to master all the applications for training through the Internet, and not all categories of citizens will be able to successfully cope with this. However, complexity in the technical side of the learning process is not the only factor that limits teachers in choosing students. An important factor is the age characteristics of students. We believe that online education of children and adolescents is

ineffective, since online education is a process that requires attention, motivation and perseverance, and since many students do not differ, we believe that this form of education is not suitable for this age category.

As for adults, teaching for them is an important, but still auxiliary activity in relation to their main, social and labor activities, which in turn changes the adult's attitude to the teaching process. Through the prism of his social, working, personal life, an adult assesses the meaning and significance of his teachings. Adults want to learn if they see the need for learning and the opportunity to apply its results to improve their activities. In addition, they strive to actively participate in the learning process, bring their own experience and their life values to it, try to correlate the educational situation with their goals and objectives. Based on the above, online training is suitable for this age category.

Online learning becomes more popular than traditional learning every day (in classrooms with printed textbooks). The reason for this is primarily availability. An Internet lesson is cheaper than an exercise in a language center, since the student will not pay extra for the rental of premises that the teacher could rent offline. Moreover, adult students have the opportunity to learn the language, since it is much easier for them to allocate time to study in their tight schedule, since you no longer need to spend time on the road to the language center.

Online learning becomes more popular than traditional learning every day (in classrooms with printed textbooks). The reason for this is primarily availability. An Internet lesson is cheaper than an exercise in a language center, since the student will not pay extra for the rental of premises that the teacher could rent offline. Moreover, adult students have the opportunity to learn the language, since it is much easier for them to allocate time to study in their tight schedule, since you no longer need to spend time on the road to the language center.

References

1. Какая скорость интернет-соединения нужна для работы Skype? [Электронный ресурс]. URL: <https://liveproxy.ru/post/973>. (дата обращения: 30.06.2018).
2. Мальцев К. Ценный кадр. Как построить эффективную систему обучения в компании. Альпина Паблишер, 2015. 112 с.
3. Аннина Т.С., Вавилова Л.Н. Современные способы активизации обучения / под ред. Т.С. Паниной. М.: Академия, 2007. 176 с.
4. Степанова Е. И. Психология взрослых – основа акмеологии. СПб.: СПб. акмеологическая академия, 1995. 168 с.
5. 5Титова С.В., Филиатова А.В. Технологии Веб 2.0 в преподавании иностранных языков. М.: Издательский дом «Квинто-Консалтинг», 2010.
6. Чем отличается онлайн-обучение от дистанционного обучения [Электронный ресурс]. URL: <https://finacademy.net/materials/article/chem-otlichetsya-onlajn-obuchenie-ot-distsantsionnogo-obucheniya> (дата обращения: 25.06.2018).
7. A Quick Start Guide to Teaching English Online. JDA Industries INC. 15 p.
8. How to get started with Skype in the classroom.

UDC 37

Ismailova O.A., Suleimenova S.N., Abdygulova S.M. The importance of national traditions of the Kazakh people in the education of future generations

Қазақ халқының ұлттық салт-дәстүрлерінің үрпақ тәрбиесіндегі манызы

Ismailova Orazkul Ainabekovna

PhD student, master of pedagogical sciences,
senior teacher of English
Institute of philology and multilingual education
Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Republic of Kazakhstan

Suleimenova Saya Nurbolatovna

master master of pedagogical sciences,
junior teacher of English
Institute of philology and multilingual education
Abai Kazakh National
Pedagogical University,
Almaty, Republic of Kazakhstan

Abdygulova Saltanat Mukhtarovna

master master of pedagogical sciences,
junior teacher of English
Institute of philology and multilingual education
Исмаилова Оразқұл Айнабекқызы

PhD докторанты, педагогика ғылымдарының магистрі,
ағылшын тілінің аға оқытушысы

Филология және көптілді білім беру институты
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы, Қазақстан Республикасы

Сүлейменова Сая Нұрболатқызы
педагогика ғылымдарының магистрі,
ағылшын тілінің кіші мұғалімі

Филология және көптілді білім беру институты
Абай ұлттық

Педагогикалық университет,
Алматы, Қазақстан Республикасы

Абдыгулова Салтанат Мухтаровна
педагогика ғылымдарының магистрі,
ағылшын тілінің кіші мұғалімі

Филология және көптілді білім беру институты

Abstract. The article examines customs, traditions and spiritual values that preserve the nation as a nation. It is true that at that time, when the problem of national ideas and national self-awareness became a topical problem of our time, we glorify the national spirit of our generation and cherish our value.

Keywords: literature, national idea, patriotic education, cognition, national spirit.

Түйіндеме. Мақалада ұлтты ұлт ретінде сақтап тұрған әдет-ғұрып, салт-дәстүр мен рухани құндылықтар қарастырылады. Ұлттық идея мен ұлттық таным мәселесі қазіргі заманның көкейкесті мәселелеріне айналған кезеңде ұрпағымыздың ұлттық рухын асқақтатып, өз құндылықтарымыздың қадірін біліп, қастерлейтініміз хақ.

Кілтті ғевдер: әдебиет, ұлттық идея, тарихи роман, патриоттық тәрбие, таным, ұлттық рух.

Қазіргі заман ғылым мен технологияның қарыштап дамып, ете жоғары деңгейге жеткен шағы десек болады. Соған сай сана өркениеті өрістеп, биіктеп барады. Бір анығы, адамның санасы, дүниетанымы жоғарылаған сайын қоғам да өзгереді. Осығын орай, бүгінгі таңда Қазақстан Республикасының білім беру мен тәрбиелеу саласының түбегейлі жаңаруы қоғамдағы ірі өзгерістермен бірге, ұлттық сананы, әдет-ғұрып, салт-дәстүрлерімізді, халықтық қадір-қасиетімізді, психологиялық табиғи белгілерімізді жандандыру мен жаңартуымыздың елеулі септігін тигізуде.[1]

Әсіресе, қазіргі дүниежүзілік жаңандану, ғылыми-техникалық прогрессің өркендеуі мен ғарышты игеру заманында, әлем халықтарының тұрмыс- тіршілігіндегідей, қазақ халқының дәстүрлі еңбек түрлері өнеркәсіп салаларындағы еңбек түрлерімен қатар, ең басты құнкөріс көзі болып келеді және бола бермек. Сондықтан бүгінгі таңда жастарды еңбекке баулу процесінде, әсіресе, ұлттық тәрбиедегі дәстүрлі еңбекке ерекше назар аудару қажет.

Өйткені, қазақ халқының жастар тәрбиесі жөнінде сан ғасырдан бері жылп-терген мол тәжірибесі бар. Оны халқымыз ең жақсы деген қасиеттермен байытып, ұл-қыздарының бойына сіңіріп отырған. Ұлттық тәрбие жұртшылықтың ой-арманымен, тіршілік тынысымен, шаруашылық кәсібімен, отбасылық, қоғамдық тәлім-тәрбие дәстүрімен тығыз байланыста туып, ғасырлар бойы өсіп-өркендеп, сараланып, үрпақтан үрпаққа жалғасып жеткен тарихи және мәдени мұра.[2]

Мәселен, ұлттық тәрбиедегі еңбек дәстүрінің бірі «Асар». Ол көшіліктің жәрдемін пайдалану дәстүрін мазмұндайды. Бұрын қазақтарда үлкен бір істі қолға алып, тез бітіру қажет болғанда «асар» жасайтын тамаша еңбек дәстүрі болған. Асар жасаушы адам алдымен жұмыс түрін, уақытын айтып, ағайын-туған, жора-жолдастарын асарға шақырады. Қазақтар өрттен, тасқыннан, зілзаладан бұлінген нәрсені орнына келтіруді, жабағы қырқып, күзем алу, егін орып, шөп шабу, арқан есіп, киіз басу сияқты жалғыз-жарым адам өндіре-бітіре алмайтын істі ауыл-аймақ, көрші-қолаң болып, күш жиыстырып бірігіп атқарған. Мұндайда істен қашып, жалтару болмауы тиіс. Сөйтіп, істі жұмысын атқарып, азаматтық, адамгершілік мінез таныту арқылы жастарға жақсы үлгі-өнеге көрсетіледі. Асар жасау кезінде пайда болатын көтеріңкі

көніл-күйі, ауызбірлік, жайдарлылық жастарға мерекедей әсер етіп, олар қалтқысыз туысқандық, тілектестік әрекеттің тамаша екенін сезінеді. Бұл адамдықты ардақтауға, адамның ақыл-парасатына, еңбегіне, инабатына сүйінуге күшті серпін береді.[3]

Ал бұлар жеке және қоғамдық сипатта болады. Қоғамдық іс-әрекет, қимыл адам баласының дамуында прогресшіл рөл атқарады, материалдық және рухани байлықтың көзін ашады, қоғамдық ілгері дамытушы күшке айналады. Ал жеке сипаттағы іс-әрекет қоғамдық мазмұннан қол үзуге, онан шеттелуге тиіс емес. Себебі, адам – бүкіл қоғамдық қатынастардың жиынтығы. Сондықтан оның қоғамда өмір сүре отырып, қоғамның занбарды мен ережелеріне бағынбауға хақы жоқ. Бұл еңбек тәрбиесінен де көрініс табуға тиіс. Ал ғасырлар бойы адамдар арасындағы қарым-қатынасты суреттесек, еңбекке даярлау, жастарда моральдық-этикалық қасиеттерді қалыптастыру еңбек тәрбиесінің негізгі принципінің бірі болып саналады.

Қазақ халқының үлттық тәрбиесінде әдептілікке ерекше мән беріледі. Себебі әдептілік – қоғамның рухани дамуы мен экономикалық жетіліүінің басты мәселесі ретінде шешуші рөл атқарады. Әдепті үрпақтың қалыптасуы еңбек тәрбиесі процесінің барысында балалық шақтан басталған жағымды қасиеттерінің көрсеткіші ретінде «әдептен» өріс алады.[4]

Қазақ халқы – салт-дәстүрге өте бай халық. Ал салт-дәстүрге бай болу елдің мәдениетті әрі тәрбиелі екенін айғақтайды. Салт-дәстүр-ел өмірімен біте қайнасып кеткен рухани және мәдени азық. Біздің халқымыз өз үрпақтарын қасиетті салт-дәстүрмен, өнегелі әдет-ғұрыппен, ырым-тыйыммен тәрбиелеп, ұлағатты ұл мен инабатты қызды теріс жолға түсірмей тәрбиелей білген.

Елбасы өзінің «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» мақаласында қазіргі кезеңдегі әлемдік жаңандану жағдайында заман ағымына икемделуді, жаңа дәуірдің озық үлгілерін бойымыздың сіңіруді, үлттық кодымызды сақтауды міндеттеді. Қазақстан Президенті Н.Назарбаев: «Жаңа түрпапты жаңғырудың ең басты шарты – сол үлттық кодыңды сақтай білу. ...Жаңғыру атаулы бұрынғыдай тарихи тәжірибе мен үлттық дәстүрлерге шекеден қарамауға тиіс. Керінше, замана сынынан сүрінбей өткен озық дәстүрлерді табысты жаңғырудың маңызды алғышарттарына айналдыра білу қажет. Егер жаңғыру елдің үлттық-рухани тамырынан нәр ала алмаса, ол адасуға бастайды.»[5]

Сонымен бірге, рухани жаңғыру үлттық сананың түрлі полюстерін қыннан қыистырып, жарастыра алатын құдыретімен маңызды. ...Мен халқымның тағылымы мол тарихы мен ықылым заманнан арқауы үзілмеген үлттық салт-дәстүрлерін алдағы өркендеудің берік діңі ете отырып, әрбір қадамын нық басуын, болашаққа сеніммен бет алуын қалаймын», – деп жазды.

ҚОРЫТЫНДЫ Иә, ақиқатында этности (халықты) анықтаушы бір белгі, ол – этникалық мәдениет. Сол мәдениетке халықтың тілі, ділі, діні, салт-дәстүрі, әдет ғұрпы, музыкасы, өнері, т.б. кіреді. Бұлар ұлттық кодтың элементтері. Олай болса, ұлттық түп-тамырымызды, ұлттық құндылықтарымыздың бірі – ата-бабамыздан келе жатқан дәстүріміздің озық үлгілерін атадан балаға мирас етіп жеткізу керек. Дәстүр – ұлтқа рух беріп, оның ішкі, сыртқы келбетін өрнектеп көрсетіп тұратын сипаттардың бірі.

Дәстүр – адамдардың ғасырлар бойы қалыптастырған құндылығы, әлеуметтік-мәдени мұрасы.

References

1. Қалиев С., Оразаев М., Смайилова М. Қазақ халқының салт-дәстүрлері (орта мектептің VIII – IX кластарына арналған оқу құралы). – Алматы, «Рауан», 1994. – 222 б.
2. Кенжеахметұлы С. «Жеті қазына». – Алматы, «Ана тілі», 2002. – Б.
3. Жанұзақова, Қ. Т., Әдебиеттануға кіріспе. – Алматы : Қыздар университеті баспасы, 2013. – 44 б.
4. Қазақ тілі терминдерінің салалық ғылыми түсіндірме сөздігі: Педагогика және психология. /Жалпы ред. басқарған А.Қ. Құсайынов – Алматы, «Мектеп», 2002. – 256 б.
5. Назарбаев Н.А. Стратегию 2030 претворять молодым //«Учитель Казахстана», 17 января, 1998. – С. 2-3.

UDC 37

Kanlybayeva Zh., Alpeisova B. Techniques of working with texts to develop reading skills

Kanlybayeva Zhanat

Candidate of Philological Sciences,
associated professor, teacher of English
T.K. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts

Alpeisova Bakhytgul

Master of pedagogy and psychology
Senior teacher of English
T.K.Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts.

Abstract. Reading is the most important skill in English language in comparison with other language skills in acquiring language. If students are good in reading, they will be good in other language skills (writing, speaking, and listening). For this reason teachers of English language should focus on this skill and know how to work on it, how to improve learners' reading skills and how to organize the process of acquiring the language at the lesson while working at the text, i.e to know the main stages of working at reading text to develop learners' reading comprehension.

Keywords: reading comprehension, stages of reading, reading strategies, improve reading skills, activities.

Reading is a complex process of language activity. As it is closely connected with the comprehension of what is read, reading is a complicated intellectual work. It requires the ability on the part of the reader to carry out a number of mental operations: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison. Reading as a process is connected with the work of visual, kinesthetic, aural analyzers, and thinking. The visual analyzer is at work when the reader sees a text. While seeing the text he "sounds" it silently, therefore the kinesthetic analyzer is involved. When he sounds the text he hears what he pronounces in his inner speech so it shows that the aural analyzer is not passive, it also works and, finally, due to the work of all the analyzers the reader can understand thoughts. In learning to read one of the aims is to minimize the activities of kinesthetic and aural analyzers so that the reader can associate what he sees with the thought expressed in reading material, since inner speech hinders the process of reading making it very slow. Thus the speed of reading depends on the reader's ability to establish a direct connection between what he sees and what it means.

Some teachers complain that most students are not able to understand what they read.

Reasons why students don't understand reading text:

- Students hate to read, they only read the required textbook in order to be able to set for the achievement routine exams

- For most of the learners, reading is an extremely difficult task that requires integrated body of skills, which also does not get easier with the passage of time and the accumulation of experience.

Reading strategies

We distinguish but do not separate the technique of reading and the comprehension of the texts read. The technical and the comprehensive aspects of reading are inseparably bound together and the pupils must begin to acquire a mastery of both aspects concurrently from the 5th class. Striving to teach the children the technique of reading independently of the comprehension of what they read, to teach them rules for reading enabling them to read correctly words which they do not understand, is not only a waste of time, but also a sure means of infusing in them a dislike for the foreign language. It is well known, reading and spelling in English present considerable difficulties owing to the fact that in English orthography, historical spellings of words whose pronunciation has changed, such as take, book, night, laugh, heart, bird, are very frequent.

Finding effective methods of teaching to read English is therefore of special importance. The students must master the technique of reading for the most part in the 5th and 6th classes, though consolidation and improvement of habits of reading will continue throughout the course of instruction in the foreign language.

To have mastered the technique of reading English means to be able correctly, fluently and expressively to read aloud texts in that language.

This is obviously impossible without understanding the texts. But even if the teacher has previously familiarized orally the students with the syntactic structures and with the pronunciation and meanings of the sense units used in a text to be read, the task of teaching them to read that text demands the use by the teacher of special methods.

* Teachers have very important role to improve reading skills of their students and to improve other language skills. They can follow some stages and strategies when teaching reading text.

* Reading strategies are defined as the mental operations involved when readers approach a text effectively and make sense of what they read.

The stages and strategies of reading that teachers should promote for their students are: - pre-reading, - while reading. - post-reading stages

They are very important when teaching any reading text. Each of these stages has its own characteristics, although they are related to one another. That is, the pre-reading stage leads to the while-reading stage and finally to the post-reading one. These stages make the student understand and comprehend text reading. Here we give short descriptions of these stages:

Pre-reading stage:

- Teachers in order to enable their students to understand a reading text, without their looking up every single word, teachers, should employ the pre-reading stage, as it is important in building confidence and creating security within the learners before they approach a reading text.
- The pre-reading stage also helps to make the next stages of reading more easily adaptable for the reader

This stage includes some activities for example:

- Activate prior knowledge
- Set a purpose/focus
- Identify authors purpose/audience
- Preview (formulate hypothesis about the context, use titles, illustrations, headings)
- Pose questions
- Make predictions
- Get an idea of texts' organization/ genre
- Vocabulary review
- Mind mapping
- Skim/ scan
- Brainstorm

While - reading stages:

- The reading activities of while-reading stage help to encourage critical thinking of students and increase comprehension and easy retention.

- The reading activities of while-reading stage help to encourage critical thinking of students and increase comprehension and easy retention. Activities for this stage include:

- Read silently
- Re-read
- Read aloud
- Check predictions
- Clarify/verify comprehension
- Monitor/Adjust comprehension
- Analyze
- Guess
- Find answers
- Word associations and grouping
- Use context clues: semantic, syntactic, picture
- Use phonetic cues: sound patterns, affixes, word roots, word chunk, word division
- Dictionary use

Post - reading strategies:

- To check the students' comprehension and retention of the information of a text that they have already tackled, teachers should employ the last stage-the post-reading stage. This stage includes some activities for example:

- Summarize/ paraphrase

- Reflect on what has been learned
- Find relationships/mapping
- Associate new information with old
- Seek feedback
- Interpret text
- Make connections
- Confirm predictions
- Journals
- Reading logs
- Note-taking

Here we would like to give some recommendations a) **for all teachers to:**

- Read more and take courses about how to teach reading in a best way.
- Know the three main stages of reading and the strategies of each stage. Then try to apply what they know about them: b) **for all Students to**
- Take care of reading and try to improve their skills in reading.
- Do not depend on their teachers all time but they should try to read and read to become good readers.

When teachers apply these stages carefully, students learn how to use them in different texts they read without teacher. Also, encourage student to read different kind of material

Reading develops pupils' intelligence. It helps to develop their memory, will, imagination. Pupils become accustomed to working with books, which in its turn facilitates unaided practice in further reading. The content of texts, their ideological and political spirit influences students. We must develop in pupils such qualities as honesty, devotion to and love for our people and the working people of other countries, the texts our pupils are to read must meet these requirements. Reading ability is, therefore, not only of great practical, but educational, and social importance, too.

Reading is not only an aim in itself; it is also a means of learning a foreign language. When reading a text the pupil reviews sounds and letters, vocabulary and grammar, memorizes the spelling of words, the meaning of words and word combinations, he also reviews grammar and, in this way, he perfects his command of the target language. The more the pupil reads, the better his retention of the linguistic material is. If the teacher instructs his pupils in good reading and they can read with sufficient fluency and complete comprehension he helps them to acquire speaking and writing skills as well. Reading is, therefore, both an end to be attained and a means to achieve that end

References

1. Allwright D. *The Interaction Hypothesis. Language Learning in Formal and Informal Context.* Cambridge University Press, 1998.
2. Brown G. *Listening to Spoken English.* Cambridge University Press, 1999.
3. Davies P., Pears E. *Success in English Teaching.* Oxford University Press, 2000.
4. Florence D. *Introducing Reading.* Penguin English, 1998.
5. Christine N. *Teaching Reading Skills in foreign Language,* Heineman, 2000.
6. Nunun D. *The Nature of Approaches and Methods.* Oxford University Press, 2001.

UDC 821.512.145

Khairullina A.S., Dautov G.F. The theme of war and love in the works of Khisam Kamalov

Хисам Камалов әсәрләрендә сугыш һәм мәхәббәт темасы

Khairullina Alfira Salikhzyanova

Associate Professor of the Department of Tatar Philology
Yelabuga Institute (branch)
Kazan Federal University;

Dautov Gumar Filgizovich

Associate Professor of the Department of Tatar Philology
Yelabuga Institute (branch)
Kazan Federal University

Хайруллина Альфира Салихзяновна

Татар филологиясы кафедрасының доценті
Елабуга институты (филиал)

Қазан федералды университеті;

Даутов Гумар Фильгизович

Татар филологиясы кафедрасының доценті
Елабуга институты (филиал)

Қазан федералды университеті

***Abstract.** The article examines the trilogy by Kh. Kamalov "Everyone has one life", "They are waiting for us at home", "Wrote after death", which reveals the whole tragedy of the war. All this can be traced even in the titles of the novels. For his country, homeland, the soldier is ready to enter the fire and fight until his last breath, but above all he is a son, head of a family, brother, lover. Along with the already existing, larger-scale phenomena of war, each soldier, somewhere in the depths of his soul and in a piece of his heart, had a place for a small, dear rear, which is dear to everyone in his own way.*

Keywords: Tatar literature, war theme, heroes, works, novel-trilogy.

Аннотация. Мақалада Х.Камаловтың «Барлық адамдарда бір өмір бар», «Олар бізді үйде күтеді», «Өлімнен кейін жазды» трилогиясы зерттеліп, соғыстың бүкіл трагедиясын ашады. Мұның бәрін тіпті роман атауларынан да байқауға болады. Өз елі, Отаны үшін сарбаз отқа түсін, соңғы демі қалғанша құресуғе дайын, бірақ бәрінен бұрын ол ұлы, отағасы, ағасы, сүйіктісі. Соғыстың бұрыннан бар, ауқымды құбылыстарымен қатар, әр сарбаз қай жерде болса да өз жанының тереңінде және жүргегінің бір бөлігіндегі әркімге өзінше қымбат, кішкентай, қымбат тыл үшін орын алды.

Түйінді сөздер: татар әдебиеті, соғыс тақырыбы, батырлар, шығармалар, роман-трилогия.

Теләсә нинди сугыш, әлек-әлектән, кешелеккә афәт, фажига һәм бетмәс-тәкәнмәс бәлалар китергән. Узган гасырларда ук ул, сөңге кебек кораллар белән алып барылса, димәк корбаннар саны кимрәк булса, утлы корал үйлап табылғач, үлүчеләр саны бермә-бер арта һәм канкоешның драмасы да кинәя, киеренкеләнә.

1941-1945 нче елгы Бөек Ватан сугышы кешелек тарихына моңа кадәр күрелмәгән кансызылығы, кайғы-хәсрәт масштабының зурлығы белән кереп калды. Бөтен дөнья сәясәтчеләренең ут белән уйнавы, геополитикадагы көчләрне дөрес бәяли белмәүләре, жир

шарында яшәүче һәр халыкка исәпсез-сансыз бәләләр, ачлық, ялангачлық, якыннарыңы югалту хәсрәте булып төште. Эйтик, ни өчен безнең гаскәрләр сугышның беренче көннәрендә коточкич югалтуларга дучар булалар соң? Әлеге күренеш, әлбәттә, һәм рус, һәм татар, һәм бәтен дөнья әдәбиятында да чагымый калмады.

Х. Камаловның «Һәркемнең гомере бер генә» (1975), «Безне өйдә көтәләр» (1982), «Үлгәннән соң яздым» (1989) китаплары киң катлам укучыга мәғь lum әсәрләр. Сугыш дәңшәтән үз күзләре белән күргән әдип, фронт хәмәрен тормыш дәреслегенә хилафлык китермичә, солдатларча қырыс һәм тәгәл детальләр аша, табигый тонда суртләргә омтыла.

Язучының трилогиясендә төп геройны аерып құрсату қыен, дәресрәге, һәр кисәкнен үз герое бар, ләкин аларның һәрберсенең дә язмышы бер фажигага корылган. Алар әсәр азагында үтереләләр. Беренче, «Һәркемнең гомере бер генә» әсәренең үзәгендә Алексей Баранов образы тасвирлана. Ул – сугыш башланганда хәрәкәт итүче армиядә хезмәт итүче сержант. Беренче көннән үк сугыш қырында, ут эчендә жаваплы эшләрне башкара. Әлеге әсәрендә язучы Алексей Барановның сугышчан юлы аша сугыш башланган мәхшәрне құрсәтә. Алексей – күп кенә яклары, сыйфатлары белән совет офицерына күелган таләпләргә жавап бирми, тиешле қысалар эченнән чыгып киткәли, солдатка кешелекле мәнәсәбәт, ике арада сакланырга тиешле дистанцияне сакламау – аның төп кимчелекләренең берсе булып тора. Моның өчен ул еш қына хезмәттәшләре тарафыннан да, югарырак чиннар тарафыннан да тәйнкытыләнә, әмма үзгәрергә теләми. Бәхәсләрнең берсендә замполит Ваңапов аны «сәясәтsezлек»тә гаепли. Шунысы қызық: «сәясәтsezлек» дигендә замполит комбатның өстәгеләргә ярагра тырышып, үзенә уңайлы позиция, сугышта жиңеллекләр алырга теләвен құз алдында tota. Э Алексейга Ваңаповның «кайберәүләр алдында дәрәҗәсе өчен генә баш ияргә яратуы» ошамый. Уртак эш өчен генә янып йөрүче бу ике шәхес арасындагы мондый каршылыklar совет чорында чәчәк ата башлаган әшнәлек, күштәнліккың фронт шартларында да яман чир булып яшәп ятуын, намуслы, туры сүзле кешеләргә күп кенә қыенлыklar, уңайсызлыklar тудыруын дәлилләр. «Блат» дип аталып йөртелә торган бу күренеш сугыш қырында язмышларны жимерергә, төзәтеп булмаслык югалтуларга китерергә, хәлакәтне тизләтергә мөмкин булуға карамастан, гомумчиргә әверелә.

Әшнәлек һәм шымчылық темасы алдагы бүлектә тагын да үстерелеп дәвам итә. Ләкин автор инде фикерне яшереп, төребрәк бирергә мәжбүр. Сөенчалин белән разведчик Сергей Айкилдиев диалогы фашизм белән сталинизмны чагыштыруга корыла:

« – Немецларда блат бармы икән? – диде ул, Сергейга таба елышип.

Сергей уйланып торды, жилкәсен жымереп куйды һәм шунда ниндидер сер белгәнлеге чагышып калды.

– Полкның «смерш» начальниги үзे Германиядә булган, ахрысы, тик белгертми генә. Аның сөйләгәне бар: туган-тумачалық, әшнәлек юк, ди немецларда» [1, б. 35].

Бу сүзләрне еш кына үзенең югарыдагы яклаучылары белән мактанырга, башкаларга басым ясарга, шуның хисабына фронт шартларында өстенлекләр алырга яратучы әшнәлекнәң тәмен әйбәт татыган, хәтта Риммага карата холыксыз мәхәббәтендә дә шуның белән жинүгә ирешергә тырышучы, батырлығы белән дан казанган разведчик Сергей сейли. Әңгәмә әшнәлектән шымчылыкка, бер-беренче сатуга күчә.

«– Һәрбер кеше күзәту астында икән. Укыганрак кешеләр бигрәк тә. Күзәтүчеләр дә үзләре арасыннан, ди.

– Яғни берсе икенчесен барып әйтә?

– Нәкъ шулай. Шәхси карточкаларына язылып барыла, ди. Менә ничек оештырылган!

– Гажәп: аңлы кешеләр үз-үзләренә шулай эшләсеннәр инде, ә?

– Ни қыра аласың? Кем күбрәк органнарга барып әләкли, шул бүләкләнә, әйбәт әшкә, тылга урнаштырыла, ди.

– Юк-юк, алай булмас, – диде Сөенчалин ышанмыйча. Эмма ышанмаска мөмкин түгел иде.

– Ничек инде тоташ берсен-берсе чагуга көйләнсен?

Немецлар фанатиклар, беләсেң килсә. Аларның күңеле шуны теләп тора» [1, б. 42].

Бүгенге көн күзлегеннән караганда, бу диалогтагы фикерләрнәң кая таба юнәлтелгәнлеген аңлау кыен түгел. Шул ук Сергейлар, Сөенчалиннар яшәгән жәмғият тә үзенең ақылсыз фанатизмы, кешенең кешегә ышанмавы белән гарипләнгән, гаделсезлек, хокуксызлық шәхесне изә, аның тормышын түзеп булмаслық авыр итә. Гаделсезлек халық арасында каршылық та тудырырга тиеш югыйсә...» – дип уйланалар сугышчылар. Әлбәттә, аларның фикере фашизмга каршы юнәлтелгән. Эмма авторның бу сүзләргә башка мәгънә дә салғанлығын төшенү кыен түгел. Юлар арасына салып калдырылган мондый яшерен эчке фикерне термины белән дә атап йөртәләр. Коммунистик системаның, чиктән ашкан фанатиклыкның шәхес язмышын жимерүе, кешеләрнәң ақылсыз кагыйдәләргә буйсынуы нәтижәсендә зур бәхетсезлекләр килеп чыгуы турындагы идея трилогия буенча хәрәкәт итә, беренче китап булган «Һәркемнәң гомере бер генә» романында исә хәрәкәтнәң бик үк күзгә ташланмаган, ярымяшерен формада булын да искәртергә тиешбез. Бары тик «Үлгәннән соң, яздым» романында гына сталинизм жәмғиятendәге гаделсезлекләр турында автор турыдан-туры язарга жәрьят итә. Нәкъ менә шул доноска ышыкланып фронттагы хәлиткеч һәҗүм алдыннан тылга китеп котылырга өметләнгән сугышчы Акимов, аның яласыннан контрразведка қулына төшәргә тиеш булган Крынниковларның эшен тикшерергә штабның жиidenче бүлгеннән килгән лейтенант белән штрафбатның рота командиры Мамак

арасындағы әңгәмә «опералар», «смершлар» дип йөртөлә торған контрразведка хезмәткәрләренең чын йөзләрен ачуга хезмәт итә.

«– Юк! – дип лейтенант урынынан торды. Ул үзенең биредә көчсөз икәнлеген тойды. Ә тегендә, тылды аның алдында майорлар ялагайланып, аның өчен ни әшләргә белмичә йөриләр.

– Алайса эшне тұктатып торырга, ә?

Лейтенанттың тавышы килемшүчән иде. Мамак исә һаман шырпылы булып калды.

– Анысы сезненең намуста, лейтенант! – диде астан уя торған итеп карап. Лейтенант моны аңдамаганга салышып, тыныч кабул итте.

– ھе, намус! – дип үз алдына елмайғандай итте һәм кара күн перчаткаларын киде. – Ул бит безнен инструмент түгел. Шулай диде дә, башын ия төшебрәк, ишеккә юнәлде. Яңак калкымында: «Минем қулға әләксән, құрсәтер идем мин сиңа намусны!» – дигән батырлану тәсмөрләре иде. Мамак бу лейтенанттың тылдагы урыны өчен кемнәр алдында тотканын, бер генералның үзеннән ун яшкә олы қызына өйләнгәнен белә иде. Энәләре шуңа тырпайған иде. Аннары тылда начальниктарға ялагайлану, тәлинкә тоту бик күбәйгән иде. Шул әшәке күренешләрдән туган гаделсезлекләр Мамактың ачуын кiterə. Шулар арасында үзенең көчсөз булын тою, аңа бик авыр иде...» [1, б. 54].

Унбиш еллар тирәсе соңрак ижат ителгән өченче кисәктәге бу өзек «Нәркемнен ғомерे бер генә» романынан югарыда кiterелгән эпизодтың эчтәлеген тулырак аcharга ярдәм итә. Гаделсезлек халық арасына каршылық та тудырырга тиеш, югыйсә, – дип сугышчыларның гажәпләнүләре немец халкы түрүнде гына әйтелмәгәнлеген, аларның эчке мәғүнәсе тирәнрәк, эчтәлеге кинрәк икәнлеген дәлими [2, б. 12]. Роман үзенең беренче битләрендә үк «опер»ның Алексей Баранов белән қызықсынуы түрүнде сөйләп башлана. 1944 нче елның май аенда Алексейга сугыш башында булган «гаебе» – фашист тылыннан жәяүләп үз жаңыннан да кадерле итеп саклап, яшерен документларны алып чыга алуы өчен ақланырга, кемнәр алдындадыр жавап totарга туры килә. Сюжеттың бу вакыйгасын әдип әле ул чорда кин планлы итеп үстерә алмый. Цензура шартларында бу мөмкин дә булмый. Шуши факт Алексейга ин якын дуслары, көрәштәшләре тарафыннан да шикләнеп карауга кiterə. Дөрес, лейтенант Бари Бикиев та, замполит Ваңапов та Алексейны кайгыртабыз дип исәплиләр, аңа дуслыкларын белдерергә ашыгалар, бу кешеләр арасында чынлап та конфликт юк, алар коралдаш дуслар. Ләкин фронт дуслығы алдында аcharга ярамаган серләр барлығын яхши белә Алексей. «Андый әшләр гел «сине кайгырту» маркасы астында әшләнә», – ди ул замполитка [2, б. 15].

Кешеләрнен, бер-берсенә ышанмаулары фронт шартларында аеруча авыр кичерелә. Сугышчыга шикләнеп-сынап карау замполиттың төп эшенә әйләнгән диярлек. Сержант Кәбиров та әнә шуннан интегә. «Ичмаса сез белә алмаган уйларым бар», – ди ул замполитка,

төрттереп. Үзе исә сугышның хәлиткеч минутында батырлық эшләп, фашистларны әсирлеккә алып, замполитның «күзенә төртү» турында хыялмана.

Хәлиткеч минутларда нәрсә өстенлек алырга тиеш: идеологик система күйган, күпчелек очракларда аек акыл белән бик үк ярашып бетми торган таләпләрме, гап-гадәти кешелеклелекмә? Автор романда күтәргән мөнүм проблемаларның берсе – әнә шул. Беренче китапта бу проблема, бик күзгә ташланмыый торган сюжет сыйығы, майор Мостафинның язмышы, тормышка карашлары аша хәл ителә [3, б. 181]. Утызынчы елда гайләсе белән кулак гайләсе буларак Магнитогорскийга сөрелгән, язмышың қуп сынаулары аша кичкән бу шәхескә, үзен теге елларда хаксызга жәберләгән Галиевтән сорау алырга туры килә. Тегесе әсирлеккә төшкән, фашистлар оештырган легионга язылып кулына totkan, коралын дошманга каршы борып, үзебезнең якка чыккан. Мондыйларга ул вакытта ышаныч юк, аларны яңадан, бу юлы инде үз Ватаннарында, бик яхшы дигәндә, лагерьлар көтә. Мондый очракта кешелеклелек, кешеләргә яхшылык эшләү система тарафыннан хупланмыый, сугыш чорының кырыс кануннары исә моны тыя да. Хисам Камалов қуп нәрсәләрне персонажлар диалогы аша хәл итә. Фикерләр көрәше, уйлар каршылығы чагыла аларда. Утызынчы елда Мостафиннарны рәнҗеткән, аларны хаксызга хәкем иткән Галиев әнә үзе кимсетелү ачысын татығаннан соң, гына приказ колы булуын таный: «... Минә бит күштылар, мин үтәүче генә идем», – диг. Мостафинның: «Күшканнарны үтәүче кылган эшләре өчен жавап тотмый, дисезме?» – дигән соравына ул әле дә «Шулайрак килеп чыга», – дип жавап бирә. Карашларның бу рәвешле бәрелеше узган гасырның утызынчы-кырыгынчы еллар фажигасенең асыл сәбәпләрен ача. Хакимияткә килгән сәясәт комарының үз өсләреннән намус һәм кешелеклелек жаваплылығын әнә шулай жиңел генә итеп тәшерүләре, язмышларны һәлакәткә алып бара, әхлакны жимерә. Мостафин кебек үзен жәберләүчегә дә мәрхәмәтле карый белгән, аны бәхетсезлек тырнагыннан йолып калырга омтылучылар үтә сирәк очрый башлый. Система кешеләрне үзләре өчен генә борчылырга, үз карьеरаларын гына кайгыртырга мәжбүр итә, яхшылыкны да югарыдан фәрман булганда гына үтәргә боера, идеологик яктан ышанычсызларга ихлас ярдәм курсетү омтылышы да жәзалана.

Үлгәннән соң яздым» романындағы Туфайловның язмышында тискәре якка борылыш латыш еgeten система тырнагыннан йолып алырга ясалған омтылыштан соң башлана.

«Синең бәлаң үзенән, Туфайлов, – диде аңа теге чакта Михневич. – Соң артык дәрәжәдә яхшылык эшләргә ярамыймыни? – дип таң калды Туфайлов... – Яхшылыкны да белеп һәм үлчәп эшләргә кирәк! – диде Михневич, – яғни команда буенча гына эшләргә! Аңлашыламы?...» [2, б.18].

Михневич кебек икейөзле, астыртын адәмнәрнең һәрвакытта да өстен чыгулары, арттан гына үзләренә иң якын кешеләргә дә пычак кадарга гадәтләнүләре яхшылыкны да

яманлыкны да боерык буенча эшләргә өйрәткән системаның ачы жимеше. Намуслы, гадел, ихлас кешеләр бу системада бәлагә бик тиз очрыйлар, фронтның алғы сыйығы бик еш кына алар өчен котылуның бердәнбер урынына әйләнә. «Син бәлане үзенә тарта торган магнит кебек» – ди әнә Яким Зиновьевич та намуслы, гадел Алексейга.

Әйе, сугыш – зур афәт. Ул күп кенә очракларда шәхеснен деградациясенә, әхлакның таркалуына китерә. Трилогиядәге күп фактлар бу хакыйкатьне раслый. Эчкечелекнен таралуы, ирләр белән хатын-кыズлар арасындагы мәнәсәбәтләрнен гарип төс алуы гадәти күренешкә әверелә. «Сугыш барысын да списать итәр, дип караучылар бар», – ди Римма Сөенчалинга [1, 6. 36].

Романнарны укыйсын да уйга каласың: бүгенге жәмгыяттәге әхлаксызылыкның, икейәзлелекнен алшартларына әнә кайчан ук нигез салынган, ләбаса. Әхлакның соңғы чиккә житип бозылуы, әрсезлекнен тирән тамыр жәюе, көчләрнен көчсөзләргә юл күмавы, ярдәмчелек, кешелеклелек дигән сыйфатларның аяк астына салынып тапталуы сугыштан соңғы жәмгыятькә кайтарылып ташланган сугыш инвалидларының тормышын сурәтләүгә багышланган күренешләр трилогиянен соңғы битләрендә аеруча ачык чагыла. Сугыш рәхимсез, аннан соңғы жәмгыять тагын да рәхимсезрәк булып чыга. Бер аягын төптән үк кистергән Энвәр мона тиз төшөнә, фронттагы чагын, үзенең һәрвакытта кайгырту астында булган вакытларын сагына башлый. Тормыш аны бөтен кырыслығы белән каршы ала, газиз әнисе дә, якын туганнары да ярдәм итү мөмкинлекләреннән мәхрум.

Трилогиянен һәр кисәге мөстәкыйльлеккә ия. Сюжетның билгеле бер урында башланып, билгеле бер урында төгәмләнүе, ижат ителгән чорлар арасындагы аерманың романнарга салган үзенчәлеге – ул мөстәкыйльлекнен төп билгеләре. «Һәркемнен гомере бер генә» романында вакыйгалар Алексей Баранов язмыши тирәсендә төенләнә, шунда мәнәсәбәттә ачылалар, геройның һәлакәтә белән китап та тәмамлана. Икенче китапта үзәктә Мостафин язмыши. Трилогиянен өченче өлеши юмар чатында торган Энвәрнен катлаулы драмасының акрынлап чишелеши белән тәмамлана. Дөрес, романнарның һәркайсына төрле югарылыктагы вазифа йөкләтелгән. Алар башка персонажларның катлаулы язмышларына да бай. Хисам Камалов трилогиясе иңдәгән персонажларның фажигасе тетрәндергеч. Шулар арасында өч романның сюжетын бергә бәйли торган персонаж – япь-яшь килеш фронтның алғы сыйығына эләккән Энвәр язмыши аерым игътибарга лаек. Сугышның катлаулы, киеренке вакыйгалары арасына буыннары ныгып та өлгөрмәгән чакта ук килеп көргән персонажның йөзендә без автор чалымнарын күрәбез. Хисам Камалов үз геройлары кичкән авыр юлны узган, сугышның дәңшәтән алғы сыйыкта да, аның газапларын фронт госпитальләрендә дә күргән-кичергән.

1926 нчы елның 14 нче апрелендә Татарстанның Элмәт районы Кама-Исмәгыйль авылында туган булачак әдипне туган авылы колхозында ат караучы булып эшләгән жиреннән, 1943 нче елның көзендә армия сафларына алалар. Башка күп яштәшләреннән аермалы буларак, егеткә тәкъдир фронтның алғы сыйыгына эләгүне насып итә. Икенче Балтик буе фронты составында, артемирия полкының элемтәчесе сыйфатында, Латвия жирләрен фашистлардан азат итешә, ике тапкыр авыр яралана, соңғысында госпитальләрдә ел ярым дәвамана. Армиядән демобилизацияләнгәч, Бөгелмә педагогия училищесына укырга керә, укуын Казан дәүләт педагогия институтында дәвам итә. Қыскасы, Әнвәр үткән юл белән роман авторы узган юлар тәңгәл килә. Болар, әлбәттә, романнарның қырыс реализмының чыганаклары тормышның үзеннән икәнлеген дәлими торган фактлар.

Әдәбиятка язучы зур тормыш мәктәбе үтеп, қырыс сынаулар аша килә. Беренче иҗат тәжрибәлен институтта укыган елмарында ясый: шигырләр, хикәяләр язып карый, аларны институттагы кульязма альманахта һәм республика матбуатында бастыра. 1955 нче елдан башлап беренче шигырь жыентыкларын бастыра башый, беренче китабы символик исем белән «Яңадан сафка» дип атала.

Прозага Хисам Камалов иҗат тәжрибәсе туплап, шагыйрь буларак танылганнын соң, үзенең 50 яшенә якынлашканда килә. «Һәркемнәң гомере бер генә» романы басылып чыгу белән, татар әдәбиятында үзенчәлекле әсәр буларак яңгыраш ала. Жинүнәң қырык емлыгына иҗат ителгән «Безне өйдә көтәләр» романы да сугышны реалистик рухта сурәтләүче әсәр буларак татар әдәбияты фондында үзенең лаеклы урынын тапты. Сугыш дөреслеген сурәтләүдәге житди борылыш татар әдәбиятында Хисам Камалов романнары белән башланды. Романнарның татар әдәбияты өчен әнәмиятен үз вакытында әдипнәң каләмдәшләре дә, әдәби тәнкыйть тә таныды. «Романнан тормыш сулыши, сугыш елмарының, кайнарлыгы бәркелеп тора. Камалов геройлары сугыштан романтика эзләмиләр, сугыш алар өчен авыр хезмәт, утлы кар өстендә фидакярларча эшләү, кара тир түгеп, тешне қысып эшләү. «Һәркемнәң гомере бер генә» исемле беренче романын да, «Үлгәннән соң яздым» исемле икенче романын да К.Симонов әсәrlәре белән янәшә куярга булыр иде» – дип язы танылган татар язучысы Гариф Ахунов. Чорлар алмашынып, идеологияләр үзгәргәч тә Хисам Камалов романнарына бәя шул ук калды. Аның әсәrlәрендә кешенең фажигасе һәм ныклыгы ачыла.

References

1. Камалов Х. Һәркемнәң гомере бер генә: Роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. – 262 6.
2. Камалов Х. Үлгәннән соң яздым: Роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 431 6.
3. Миннуллин Ф. Камал китаплары// Казан улары, 1975. – № 4.- 196 6.

SECTION 11. PSYCHOLOGY AND EDUCATION

UDC 37

Zabrodina L. A., Velikanova J. V., Tarkhanova V. A. Features of motivation to learn of teenagers depending on the level of claim

Особенности мотивации обучения подростков в зависимости от уровня притязания

Tarkhanova Viktoria Andreevna

3rd year student of Psychology and Special Education department
Samara State University of Social Sciences and Education

Velikanova Julia Vladimirovna

3rd year student of Psychology and Special Education department
Samara State University of Social Sciences and Education

Scientific Supervisor:

Zabrodina Lyubov Aleksandrovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology

Samara State University of Social Sciences and Education

Научный руководитель:

Забродина Любовь Александровна

кандидат психологических наук,

доцент кафедры педагогики и психологии

Самарский государственный социально-педагогический университет

Великанова Юлия Владимировна

студент 3 курса факультета психологии и специального образования

Самарский государственный социально-педагогический университет

Тарханова Виктория Андреевна

студент 3 курса факультета психологии и специального образования

Самарский государственный социально-педагогический университет

Abstract. This article describes an up-to-date empirical study aimed at determining the relationship of adolescent learning motivation with their levels of success motivation and failure avoidance motivation.

Keywords: adolescence, style, level of aspiration, motivation, training, motivation for avoiding failure, motivation to achieve success.

Аннотация. В данной статье описывается актуальное эмпирическое исследование, направленное на определение взаимосвязи мотивации обучения подростков с их уровнями мотивации успеха и мотивации избегания неудач.

Ключевые слова: подростковый возраст, мотив, уровень притязания, мотивация обучения, мотивация к избеганию неудач, мотивация к достижению успеха.

Важной задачей образования на современном этапе является формирование у обучающихся таких компетенций, которые помогут молодому человеку стать активным субъектом образовательного процесса, энергично включаться в социально значимую деятельность, занимать активную жизненную позицию, быть способным к самоактуализации.

Овладение данными компетенциями возможно при наличии у учащихся высокого уровня мотивации, который развивает умение самостоятельно принимать решения, ставить реальные цели, достигать их и нести ответственность за свои действия. Такую стратегию поведения обеспечивает мотивация достижения, отражающая ценностное отношение индивида к себе как личности и субъекту деятельности.

Поэтому изучение проблемы взаимосвязи мотивации обучения и уровня притязания учащихся является актуальной в психолого-педагогической науке.

Анализ научных исследований, свидетельствует о том, что мотивация человека является фундаментальной основой любой деятельности.

Само понятие «мотивация» с момента первого употребления А. Шопенгауэром претерпело некоторые изменения и в настоящее время несет в себе три основных значения: совокупность мотивов; факторы, определяющие поведение; процесс психической регуляции конкретной деятельности [1].

В научной психологической литературе в настоящее время понятие «мотивация как психическое явление» трактуется по-разному:

- как совокупность факторов, поддерживающих, направляющих и определяющих поведение личности (К. Мадсен, Ж. Годфруа и др.);
- как совокупность мотивов (К.К. Платонов);
- как побуждение, которое вызывает активность организма и определяет ее направленность.
- как процесс психической регуляции конкретной деятельности (М.Ш. Магомед Эминов)
- как процесс действия мотива и как механизм, определяющий возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности (И.А. Джидарьян),
- как совокупная система процессов, отвечающих за побуждение и деятельность (В.К. Вилюнас).

Опираясь на схему В.Д. Шадрикова, следует отметить, что мотивация определяется целями и потребностями личности, уровнем идеалов и притязаний, условиями деятельности и убеждениями, направленностью и мировоззрением личности. Благодаря этим факторам происходит принятие решения личностью и формирование ее намерения [4].

В научной литературе представлены разные виды мотивации, среди которых, выделяют мотивацию обучения, мотивацию достижения успеха, мотивацию избегания неудач и другие.

Результативность учебной деятельности зависит от силы учебной мотивации, ее структуры и ведущих мотивов учения. Поэтому педагогам и психологам, чтобы сформировать положительную мотивацию обучения, с целью повышения эффективности учебного процесса, необходимо знать не только мотивационную структуру учебной деятельности, но и методы и приемы ее развития и коррекции. Важно иметь представление о том, какие средства развития

мотивации обучения наиболее эффективные, как лучше составить различные обучающие программы, создать благоприятные условия для ее повышения.

Особенно остро встают эти проблемы перед психологами и педагогами в процессе обучения подростков, так как на данной ступени образования у учащихся начинают формироваться зрелые формы мотивации обучения, отмечается переход к новой, более совершенной форме учебной деятельности, в которой для подростков раскрывается ее смысл как деятельности по самообразованию и самосовершенствованию.

По мнению ученых-психологов Д.С. Мак-Келанда, Дж. Аткинсона, Н. Физера, Х. Хекхаузена, Г.А. Мюррея, А.Н. Леонтьева, В.Г. Алексеева, В.Б. Бондаревского, между уровнем мотивации человека и его успехом в жизнедеятельности наблюдается тесная взаимосвязь.

В подростковом возрасте она обретает особую важность, так как именно в данном возрастном периоде наиболее ярко проявляется стремление к успеху, достижениям в какой-либо деятельности, развиваются механизмы личностной активизации. Их привлекают те виды деятельности, которые ориентированы на достижения.

Анализ научных исследований (Горчакова Е.Б., Кондратьева М.В., Литвинова Г.В. и др.) показывает, что люди с высоким уровнем мотивации достижения успеха характеризуются тем, что они более реалистичны и адекватны в оценке своих способностей и возможностей при постановке целей и задач деятельности, они готовы к преодолению сложностей и качественным результатам в деятельности. При этом в основе их активности лежит надежда на успех и потребность в достижении успеха. Мотивацию на неудачу психологи рассматривают как негативную мотивацию. При ней активность личности связана с отрицательными ожиданиями, потребностью избегания неудач и наказания, если задание будет не выполнено, или сделано не качественно.

Психологи практики отмечают, что на формирование высокого уровня мотивации обучения у подростков влияют различные факторы [3].

К наиболее важным среди них, с нашей точки зрения, можно отнести личностные предпочтения самого учащегося. Например, подросток со средними умственными способностями может учиться значительно лучше, чем его более сообразительный одноклассник, и связано это в первую очередь, с наличием у него мотивации достижения – склонности к настойчивой работе над трудными задачами, бросающими вызов человеческим способностям [2].

И, наоборот, когда подросток занимается не по причине личных предпочтений и склонностей, а по причине оценивания результатов его деятельности другими людьми, то это говорит о доминировании у него мотивации избегания неудач, которая может привести к снижению самооценки, уровня притязаний, и снижению активности.

Поэтому в нашем научном исследовании было важно определить особенности взаимосвязи мотивации обучения подростков с уровнем формирования мотива « достижения

успеха» и мотива «избегания неудач».

Эмпирическое исследование проводилось с учащимися 5-6 классов в одной из общеобразовательных школ Самарской области. Общее количество респондентов составило - 68 человек.

Для определения уровня развития мотивации обучения была использована диагностическая методика «Методика изучения мотивации обучения учащихся 5 - 11 класса» (М.И. Лукьянова, Н.В. Калинина). Для выявления уровней сформированности мотивации к достижению успеха и мотивации к избеганию неудач были использованы «Диагностика личности на мотивацию к успеху» и «Диагностика личности на мотивацию избеганию неудач» Т. Элерса.

Результаты, определяющие уровня развития мотивации обучения свидетельствуют о том, что у 21% учащихся (14 человек) определен очень высокий уровень мотивации обучения. Такие подростки положительно относятся к школе и стремятся наиболее успешно выполнять все предъявляемые школой требования. У них хорошо развит познавательный мотив, и они легко усваивают учебный материал, что способствует полному овладению ими образовательной программой. Данные учащиеся очень прилежны, внимательны к указаниям педагога, стремятся к самостоятельной работе и выполнению поручений, проявляют высокую познавательную активность.

У 32% учащихся (22 человека) наблюдается высокий уровень мотивации обучения. Такие подростки положительно относятся к школе, к обучению, проявляют интерес к новым знаниям, учебным умениям. У них преобладает познавательный мотив, они легко осваивают учебный материал, образовательную программу, проявляют познавательную активность.

У 32% учащихся (22 человека) выявлен средний уровень мотивации обучения. У таких подростков наблюдается положительное отношение к школе и процессу обучения. Они внимательны при выполнении учебных заданий, поручений и указаний педагога, способны к усвоению образовательной программы, но при условии внешнего контроля.

У 9% подростков (6 человек) наблюдается сниженный уровень мотивации обучения. Таких подростков в школе в большей степени привлекает внеучебная деятельность, общение и взаимодействие со сверстниками, педагогами. Учебный процесс их мало интересует, познавательная активность низкая.

У 6% (4 человека) наблюдается низкий уровень мотивации обучения, что говорит о неохотном посещении школы таких подростков, отрицательном или безразличном отношении к ней. На уроках они могут заниматься посторонними делами, отвлекаются, нарушают дисциплину, а как следствие фрагментарно усваивают учебный материал образовательной программы.

Итак, результаты диагностики показали, что у большинства подростков, принявших участие в научном исследовании, преобладает высокий и средний уровни развития мотивации

обучения.

Результаты диагностики, выявления уровня развития мотивации достижения у подростков, свидетельствует о том, что у половины учащихся от общей выборки (50% учащихся (34 человека)), определен средний уровень мотивации к достижению успеха. Таким подросткам необходима дополнительная активизация извне для успешных действий и достижения высоких и качественных результатов в деятельности.

У 35% учащихся (24 человека) наблюдается высокий уровень мотивации достижения успеха. У данных подростков присутствует упорство, готовность к преодолению трудностей. Они склонны считать свои достижения результатом своего упорного труда, стараются достичь качественных высоких результатов.

У 12% учащихся (8 человек) определен низкий уровень мотивации достижения успеха. Такой уровень мотивации свидетельствует о неуверенности этих учеников в своих силах, способностях. Они тяготятся выполняемой трудной, на их взгляд, работой, выполнение сложных заданий вызывает у них дискомфорт.

У 3% учащихся (2 человека) выявлен слишком высокий уровень мотивации к достижению успеха. Такие подростки отличаются очень сильным стремлением к успеху, активностью, упорством и настойчивостью, однако в то же время могут испытывать трудности при столкновении с неудачей.

Результаты диагностики, выявления уровня развития мотивации избегания неудач у подростков свидетельствует о том, что средний уровень мотивации к избеганию неудач наблюдается у половины учащихся 50% (34 человека). Такие ученики способны достаточно эффективно достигать поставленные перед ними цели, однако им свойственно сомневаться в успешных результатах своей деятельности, и им важна поддержка со стороны педагога при выполнении сложных задач.

23% учащихся (16 человек) демонстрируют низкий уровень мотивации к избеганию неудач. Эти подростки не склонны к сильным переживаниям из-за возможной неудачи.

У 15% учащихся (10 человек) мотивация к избеганию неудач находится на высоком уровне, что мешает полноценной реализации, положительной установке на цель достижения. При выполнении сложных заданий у таких учащихся часто могут возникать отрицательные эмоции, так как они не уверены в своих силах и в успешном результате своей деятельности.

Слишком высокий уровень мотивация к избеганию неудач наблюдается у 12% учащихся (8 человек), что говорит о боязни критики и оценки со стороны окружающих. Они склонны приписывать решающую роль в получении достижения успеха в деятельности внешним обстоятельствам или удаче, но не собственным способностям и старательности.

Итак, определив особенности развития мотивации у подростков, важно было определить взаимосвязь между уровнем развития мотивации обучения и уровнями развития мотивации достижения успеха и мотивации к избеганию неудачи. Данная взаимосвязь

определялась с помощью корреляционного анализа.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что существует прямая взаимосвязь между сниженным уровнем мотивации обучения и мотивацией к избеганию неудач ($r = 0,80$). Данная взаимосвязь свидетельствует о том, что чем больше подростков привлекает внеучебная деятельность в школе, чем больше они стремятся реализоваться в ней, а не в учебной деятельности, тем больше проявляется у них мотивация к избеганию неудач в учебной работе. Чем больше подростки не уверены в своих силах, недооценивают свои способности связанные с учебной деятельностью, тем меньше их интересует учебный процесс, познание, тем самым возрастает уровень мотивации к избеганию неудач в данном виде деятельности.

В результате корреляционного анализа была выявлена прямая взаимосвязь между средним уровнем мотивации обучения и мотивацией к избеганию неудач ($r = 0,53$). Данная взаимосвязь говорит о том, что чем больше подросток нуждается в контроле учебного процесса со стороны взрослых, не проявляя ответственности за результаты своей деятельности, тем больше он будет недооценивать свои способности в решении сложных учебных задач, проявлять неуверенность в преодолении трудностей, выбирать легкие пути решения.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что существует обратная взаимосвязь между сниженным уровнем мотивации обучения и мотивацией достижения успеха ($r = -0,98$). Подобный результат свидетельствует о том, что чем более снижен уровень мотивации обучения у подростков: они не проявляют познавательную активность, они безответственно относятся к процессу учебной деятельности, их интересы вне учебного процесса, тем меньше они нацелены на достижение успеха в данном виде деятельности.

Результаты корреляционного анализа также свидетельствуют о наличии обратной взаимосвязи между низким уровнем мотивации обучения и мотивацией достижения успеха ($r = -0,86$). Данная взаимосвязь свидетельствует о том, что чем больше у подростков наблюдается отрицательное или безразличное отношение к школе, отсутствие заинтересованности в учебной деятельности, тем ниже их нацеленность на достижение успеха в данном виде деятельности. Чем больше у подростков проявляется неуверенность в своих способностях, тем меньше они стремятся к достижению высоких результатов в процессе решения учебных задач.

Таким образом, анализ результатов эмпирического исследования показал, что мотивация к обучению взаимосвязана с мотивациями к достижению успеха и избеганию неудач: чем ниже мотивация обучения у подростков, тем ниже мотивация достижения успеха и, в тоже время, выше мотивация к избеганию неудач. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что учащиеся могут иметь завышенные ожидания к учебному процессу, что приводит к дальнейшей потере интереса и снижению учебной мотивации.

Все вышеизложенное подтверждает актуальность научного исследования, и может служить основанием для более пристального исследования особенностей мотивации обучения

подростков, а так же разработки и внедрения в образовательный процесс методов по поддержанию мотивации обучения учащихся, профилактике мотивации избегания неудач и психологической помощи им в освоении образовательных программ.

References

1. Ильин Е. Мотивация и мотивы – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
2. Кордуэлл М. Психология от А до Я: Словарь-справочник, 2000 г.
3. Ремшmidt Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности: Пер. с нем. – М.: Мир, 1994. – 320 с.
4. Шадриков В.Д. Введение в психологию: мотивация поведения. – М.: Логос, 2003. – 210 с.: ил.

SECTION 12. SCIENCE, TECHNOLOGY AND EDUCATION

UDC 004

Surzhikova P.V., Gvozdeva A.V. What is digital didactics?

Что такое цифровая дидактика?

Surzhikova Polina Valерьевна,

Master's degree, 2nd year, Kursk State University.

Scientific adviser - **Gvozdeva Anna Vyacheslavovna**,

FSBEI HE "Kursk State University", Head of the Department of Romance and Germanic Philology,

Doctor of Pedagogical Sciences.

Суржикова Полина Валерьевна,

магистр, 2 курс, ФГБОУ ВО «Курский Государственный Университет»

Научный руководитель - Гвоздева Анна Вячеславовна,

ФГБОУ ВО «Курский Государственный Университет», Заведующий кафедрой романо-германской филологии, Доктор педагогических наук.

Abstract. This article examines such concepts as digitalization of the educational process and digital didactics, which is presented as a way out of the current situation in the educational process. Blended learning incorporates the main features of distance and e-learning, which are necessary to implement the requirements of the new federal state educational standard.

Keywords: digitalization of education, digital technologies, digital didactics, distance learning, e-learning, principles of digital didactics, blended learning.

Аннотация. В данной статье рассматриваются такие понятия, как цифровизация образовательного процесса и цифровая дидактика, которая представлена как выход из сложившейся ситуации в образовательном процессе. Смешанное обучение вбирается в себя основные особенности дистанционного и электронного обучения, которые необходимы для реализации требований нового федерального государственного образовательного стандарта.

Ключевые слова: цифровизация образования, цифровые технологии, цифровая дидактика, дистанционное обучение, электронное обучение, принципы цифровой дидактики, смешанное обучение.

Отличительной чертой современного мира является постоянное развитие, которое отмечается внедрением новейших разработок цифровых технологий в разные сферы жизни человека. Область образования не является исключением. Все чаще мы можем встретить такие слова, как дистанционное обучение, онлайн-технологии, электронное обучение, цифровизация образования. За этими словами стоит, во-первых, новая колossalная работа исследователей, разработчиков современных технологий. Во-вторых, прослеживается определенная политика государства. В-третьих, это результаты интенсивного развития информационного пространства, которое в свою очередь предъявляет список требований к обществу, к каждой личности отдельно. Для того чтобы отвечать новым реалиям действительности, нужно менять тип мышления, учиться находить быстро решения, творчески решать каждую проблему, знать

иностранные языки. Все вышеперечисленное лежит на плечах образовательных учреждений, а именно на плечах педагогов.

Цифровизация образовательного процесса реализуется, например, посредством дистанционной формы обучения, электронного обучения, мобильного обучения. С одной стороны, может сложиться впечатление, что все вышеперечисленные формы обучения ничем не отличаются друг от друга. С другой стороны, люди, работающие в сфере образования, знают различия между этими понятиями [1]. В первоначальной форме дистанционное обучение возникло еще в 18 веке в Европе. Учителя и обучающиеся обменивались учебным материалом и заданиями через почтовую связь. Развитие телекоммуникационных технологий положительно сказалось на совершенствовании формы дистанционного обучения, например, первый университет дистанционного обучения был открыт в 1969 в Великобритании. Несмотря на то, что Россия относится к числу передовых стран, дистанционное обучение получило свое развитие только в 1997 году.

Под дистанционным обучение понимается взаимодействие ученика и учителя, которое реализуется специфическими средствами телекоммуникационных технологий. Обучение на расстоянии обладает практически всеми компонентами учебного процесса (методы, цели, формы, содержания) [2]. Электронное обучение - это процесс передачи и получения знаний в электронной форме через ПК, смартфоны, планшеты. Понятие электронное обучение или e-learning не используется широко в нашей стране, хотя достаточно популярно на Западе [3]. Обычно мобильное обучение рассматривается в контексте вышеперечисленных форм обучения, поскольку оно предполагает осуществление познавательной деятельности независимо от местонахождения обучающегося с использованием мобильного устройства. Этот факт и является его отличительным признаком. Популярность всех вышеупомянутых форм достаточно ясна. Согласно утверждению Бим-Бад Б. М., дистанционное обучение является следствием объективного процесса информатизации и цифровизации, и может быть рассмотрено как перспективная, синтетическая, гуманистическая, интегральная форма получения образования, так как в наше время многие люди занимаются самообразованием [4].

Цифровизация образования является одним из приоритетных направлений нашей страны. В рамках национального проекта «Образование» реализуется федеральный проект «Цифровая образовательная среда», целью которого является создание к 2024 году современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней [5]. Кроме того, необходимость цифровизации образовательного процесса прописана в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [6]. В связи с этими законодательными

документами научные деятели и педагоги начали активно интересоваться использованием средств ИКТ, в частности электронно-образовательных ресурсов, в образовательном процессе.

Традиционный подход к образованию уже не рассматривается как приоритетный подход в организации образовательного процесса, ведь традиционная дидактика не может отвечать требованиям современного общества и позволить организовать урок на высоком уровне с достижением запланированных предметных, метапредметных и личностных результатов. Согласно ФГОС, образование строится на системно-деятельностном подходе, но также существуют личностно-ориентированный подход и развивающее обучение, которые дополняют системно-деятельностный подход в обучении.

В настоящий момент для обучения школьников цифрового поколения, поколения Z (согласно Нейлу Хоуву и Уильяму Штраусу), внедряется цифровая дидактика, под которой понимается раздел дидактики, научная дисциплина об организации процесса обучения в условиях цифрового общества. Цифровая дидактика представляет собой завершающий этап развития традиционной дидактики и является основой построения современных методик и стратегий обучения. Работа с детьми цифрового поколения предполагает учет специфических черт поколения: индивидуализм, клиповое мышление, отсутствие необходимости в живом общении, самостоятельность, ставка на собственный потенциал и свою уникальность, построение своего эгоцентричного, безопасного и управляемого мира.

Несмотря на то, что цифровая дидактика тесно связана с цифровыми технологиями и характеризуется следующими дидактическими свойствами: свободна поиска информации, персональность, интерактивность, мультимедийность, гипертекстовость, субкультурность; цифровая дидактика не имеет собственных дидактических принципов. Она использует основные принципы традиционной дидактики, изменяя и дополняя их, исходя из собственных особенностей функционирования. Среди основных принципов цифровой дидактики выделяют:

- 1)** принцип доминирования - ученик самостоятельно осуществляет учебную деятельность, учитель организует учебный процесс, помогает;
- 2)** принцип персонализации - возможность самостоятельно определять цели обучения, выбирать стратегии освоения образовательного процесса (темп, уровень);
- 3)** принцип целесообразности - использование только тех цифровых технологий, которые способствуют достижению поставленных дидактических целей;
- 4)** принцип гибкости и адаптивности - выработка оптимальной программа обучения с помощью учета индивидуальных особенностей учеников, их уровня владения учебным предметом, характера поддержки учителя, форм предоставления учебного материала;
- 5)** принцип успешности - достижение поставленных целей и диагностика этого процесса через контроль степени усвоения знаний, сформированности навыков и умений;

- 6) принцип обучения в сотрудничестве и взаимодействии - осуществление взаимодействия между учениками и учителями в двух формах: реальная и нереальная (дистанционная), включение групповых форм взаимодействия в образовательный процесс;
- 7) принцип практикоориентированности - обучение должно иметь прямую связь с практикой, использование практических заданий и проблемных ситуаций;
- 8) принцип нарастания сложности - данный принцип включается в себя три основных дидактических принципов: принцип доступности, принцип систематичности, принцип последовательности; на основе этих принципов происходит подбор учебного материала, выбор форм работы;
- 9) принцип насыщенности образовательной среды - обеспечение единой информационной образовательной среды для создания избытка информационных ресурсов, что помогает в построении индивидуальной стратегии обучения;
- 10) принцип полимодальности (мультимедийности) - разновидность традиционного дидактического принципа наглядности, позволяющая задействовать различные способы восприятия (зрительный, слуховой, моторный);
- 11) принцип включенного оценивания - непрерывное оценивание успешности ученика через обратную связь, объективный процесс диагностики [7].

Важно отметить, что переход к внедрению и использованию цифровой дидактики - это трудоемкий процесс, поэтому следует упомянуть также о существовании "оцифрованной" дидактики, например, российская цифровая образовательная платформа LECTA. Это вид дидактики, который основывается на тех же целях образовательного процесса, содержании обучения, формах мониторинга, как и традиционная дидактика. Однако преимущества оцифрованной дидактики заключается в смене форм обучения, роли учителя, а главное - средства обучения, поскольку отдается предпочтение постепенному включению цифровых средств обучения в процесс, например, электронные учебные пособия.

Таким образом, на смену компьютеризации, информатизации приходит цифровизация образования, которая призвана решить ряд задач: качественное массовое обучение, развитие талантов у максимального количества обучающихся, персонализация образования через создание персонализированных программ, развитие и совершенствование навыков 21-ого века (навыки критического мышления, комлаборации, презентации, креативности) у учащихся, удовлетворенность семей образовательными организациями, создание условий для работы на уроке и вне урока, повышение цифровой грамотности учеников и учителей.

В рамках цифровой дидактики выделяют смешанное обучение. Смешанное обучение - это образовательный подход, совмещающий обучение с участием учителя (лицом к лицу) и онлайн-обучением; предполагающий элементы самостоятельного контроля учеником пути, времени, места и темпа обучения, а также интеграцию опыта обучения с учителем и онлайн [8].

Чаще всего смешанное обучение путают с “технологически насыщенным” обучением. Многие школы реализуют программы «один на один», когда каждый ученик имеет доступ к персональному вычислительному устройству. Но использование высоких технологий в условия обучения не является синонимом смешанного обучения. Как было сказано выше, смешанное обучение не может состоять только из онлайн-обучения, которое дает возможность обучающимся самим контролировать темп, время, образовательный маршрут и место обучения и помогает развить саморегуляцию, навыки планирования и контроля. Оно должно включать также и обучение с участием учителя, который демонстрирует ученикам модели мышления и поведения, способы построения взаимоотношений.

Интеграция опыта обучения с учителем и онлайн - активные формы работы над практико-ориентированными заданиями на уроке и за его пределами. В результате реализации смешанного обучения учителя освобождается время для творчества, появляется возможность персонализации обучения, что благоприятно сказывается на развитии предметных, метапредметных и личностных компетенций [9].

Следует отметить также, что использование ИКТ на уроках и вне урока прописано в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Беляев М.И., Гриншун В.В., Краснова Г.А., Образцова П.И., Прозорова Ю.А. отмечали в их работах тот факт, что использование средств ИКТ способствует осуществлению информационной деятельности и информационного взаимодействия на основе незамедлительной обратной связи, интерактивного диалога, автоматизации контроля результатов обучения, реализации информационно-методического обеспечения учебно-воспитательного процесса (интерактивные упражнения) [10]. Кроме того, использование ЭОР позволяет обеспечить на более высоком уровне индивидуализацию обучения, изменяя методы и формы обучения, создать условия для формирования практических умений и навыков самостоятельной работы.

Цифровизация, цифровая среда, ИКТ, ЭОР, цифровая грамотность, цифровая дидактика, смешанное обучение прочно вошли в современный обиход участников образовательного процесса. К сожалению, анализ источников информации показал, что на сегодняшней день нет научных исследований, связанных с цифровизацией образования и с цифровой дидактикой, но так как смешанное обучение является одним из способов реализации нового федерального государственного образовательного стандарта и образовательным подходом цифровой дидактики, то мы можем сделать вывод, что теоретические положения смешанного обучения схожи с теоретическими положениями цифровой дидактики: персонализация образовательного процесса, личная ответственность учеников, полное усвоение учебного материала через личностную траекторию работы, учебная активность, непрерывная диагностика образовательных результатов.

References

1. Электронный ресурс удалённого доступа. Дистанционное и электронное обучение – не одно и то же. – Режим доступа: http://www.it.ru/press_center/blog/1192/ (дата обращения: 18.11.2020).
2. Электронный ресурс удалённого доступа. Что такое дистанционное обучение? Формы и преимущества дистанционного образования. – Режим доступа: <https://www.sciencedebate2008.com/chto-takoye-distantsionnoye-obucheniye/> (дата обращения: 20.11.2020).
3. Электронный ресурс удаленного доступа. Что такое современное электронное обучение? – Режим доступа: <https://lmslist.ru/chto-takoe-elearning/> (дата обращения: 28.11.2020).
4. Электронный ресурс удаленного доступа. Разработка комплекса электронных образовательных ресурсов. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/razrabotka-kompleksa-elektronnykh-obrazovatelnykh-resursov-i-ego-ispolzование-dlya-samostoya> (дата обращения: 30.11.2020).
5. Электронный ресурс удаленного доступа. Будущее России - национальные проекты. – Режим доступа: <https://futurerussia.gov.ru/cifrovaa-obrazovatelnaa-sreda> (дата обращения: 30.11.2020).
6. Электронный ресурс удаленного доступа. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 03.12.2020).
7. Электронный ресурс удаленного доступа. Цифровая дидактика: 11 основных принципов. – Режим доступа: [http://sdo.iro22.ru/pluginfile.php/107071/mod_resource/content/1/shag_shkoly_v_smeshanoе_obuchenie%20%281%29.pdf](https://lala.lanbook.com/cifrovaya-didaktika-11-osnovnyh-principov#:~:text=%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0% B0%D1%8F%20%D0% B4%D0% B8%D0% B4%D0% B0%D0% BA%D1%82%D0% B8%D0% BA%D0% B0%20% E2%80%94%20%D1%8D%D1%82%D0% BE%20%D0% BE%D1%82%D1%80%D0% B0%D1%81%D0% BB%D1%8C%20%D0% BF%D0% B5%D0% B4%D0% B0%D0% B3%D0% BE%D0% B3%D0% B8%D0% BA%D0% B8,%D0% B8%D1%85%2C%20%D0% B0%D0% B4%D0% B0%D0% BF%D1%82%D0% B8%D1%80%D1%83%D1%8F%20%D0% BF%D0% BE%D0% B4%20%D1%81%D0% BE%D0% B2%D1%80%D0% B5%D0% BC%D0% B5%D0% BD%D0% BD%D1%8B%D0% B5%20%D1%80%D0% B5%D0% B0%D0% BB%D0% B8%D0% B8. (дата обращения: 03.12.2020).8. Электронный ресурс удаленного доступа. Шаг школы в смешанное обучение. – Режим доступа: <a href=) (дата обращения: 08.12.2020).
9. Электронный ресурс удаленного доступа. Использование прорывных инноваций для улучшения школьного образования. – Режим доступа: http://imc-yal72.ru/images/1_4.pdf (дата обращения: 10.12.2020).
10. Электронный ресурс удаленного доступа. Разработка комплекса электронных образовательных ресурсов и его использование для самостоятельной информационной учебной деятельности. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/razrabotka-kompleksa-elektronnykh-obrazovatelnykh-resursov-i-ego-ispolzование-dlya-samostoya> (дата обращения: 16.12.2020).

Scientific edition

**International Conference on Humanities, Social Sciences,
Business & Education (USA, Los Gatos)**

Conference Proceedings

December 25th, 2020

**Please address for questions and comments on the publications as well as
suggestions for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru**

Edited according to the authors' original texts

Усл. печ. л. 6.9

Оформление электронного издания: НОО
Профессиональная наука, mail@scipro.ru

Lulu Press, Inc.
627 Davis Drive
Suite 300
Morrisville, NC 27560